

УРОЖАЙ
№ 50

СЕВЕРНЫЙ ВЕТЕР

В НОМЕРЕ:

ОБРАЗ БАЛЬДРА
В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТА ОДИНА
МИФОДРАМА «СМЕРТЬ БАЛЬДРА»
ПЕЧАТЬ ИНЫХ МИРОВ

ТРИ СОБЫТИЯ,
ПРЕДШЕСТВУЮЩИЕ РАГНАРЁКУ
РУНЫ И ОДИН
МЮЗИКЛ «ЛОКИ»

СЕВЕРНЫЙ
ВЕТЕР №50

УРОЖАЙ 2025

Главный редактор:

Маша Юлина (Ранхильд),
дом Веретено Фригг
(Минск — Сан-Франциско)

Редакторы:

Алина Петрова (Сигрид),
годорд Иггдрасиль
(Киев — Краков)
Алексей Глазачев (Андвари),
(Москва)

Анастасия Зимова
(Москва-Стурвик)

Верстка:

Анна Пермина

Корректор:

Esgal

Дизайн номера:

Анна и Вадим Пермины

Обложка:

Художник —

© Kate Vigdis

Дизайн — Алина Петрова (Сигрид)

*Редакция выражает благодарность
за помощь при подготовке журнала:*

Василию Новикову, Ивану Негрееву,
Сергею Паганке, Анне Блейз, Г.Ю. Иршину,
О.А. Маркеловой, Оттару Гвюдмюндссону,
Esgal, Дмитрию Даммеру, Тимофею
Ермолаеву, Виталию Гришину, Евгению
Добровольскому и группе Moðsiglir, Леониду
Огороднову, Ксении Олейник, Kate Vigdis,
Юлии Болтик, Дарье Бурлюкало и всей
творческой команде сериала-мюзикла
«Локи», Алексею Еременко, Александру
Ерохину, Alessia Valastro, Velga North, Елене
Дорофеевой, Lotur Norn, а также паблику
«Библиотека викинга».

Наши контакты:

<http://vk.com/friggerock>

Веретено Фригг

<http://vk.com/nordanvindr>

открытая группа журнала

СОДЕРЖАНИЕ

Новости	6
Люди, с которыми нам по пути	
Интервью с Василием Новиковым	16
Интервью с Анастасией Зимовой	20
Исследования	
Руны и Один в эддической поэзии: к вопросу интерпретации мифологических сюжетов <i>Георгий Юрьевич ИРШИН</i>	26
Как праздновать Саунь в современном городе? <i>Сергей ПАГАНКА</i>	39
Образ Бальдра в контексте древнескандинавского культа Одина <i>Иван НЕГРЕЕВ</i>	46
Шведские народные сказки: судьбы составителей и их сборника <i>Анастасия ТИШУНИНА</i>	61
Сюжет и пространство в викингских сагах <i>Алексей ЕРЕМЕНКО</i>	65
Мифодрама «Смерть Бальдра»: принятие потери <i>Леонид ОГОРОДНОВ</i>	71
Ветер странствий	
Фестиваль живой истории «Былинный Берег» <i>Вельга СЕВЕРНАЯ</i>	81
Переводы	
Нарративная прелюдия: три события, предшествующие Рагнарёку (строфы 21–33) <i>У.М. ДРОНКЕ. Составитель и переводчик: Анна БЛЕЙЗ</i>	83
Люди, отмеченные печатью Иных миров <i>Перевод с английского и комментарии: Анна БЛЕЙЗ</i>	89
A Book of Troth <i>Эдред ТОРССОН. Перевод: Дмитрий ДАММЕР</i>	92
Дорога в Хель <i>Хильда Родерик ЭЛЛИС-ДЕВИДСОН. Перевод: ESGAL</i>	95
Отрывок из книги «Wärend och Wirdarne» <i>Гуннар Улоф ХЮЛЬТЕН-КАВАЛЛИУС. Перевод со шведского: Анастасия ТИШУНИНА</i>	102
Музыка ветра	
Интервью с Евгением Добровольским, группа Moðsiglir	107
Волшебные исландские сказки	113
Видеообзор	
Интервью с Юлией Болтик и Дарьей Бурлюкало На границе миров <i>Виталий ГРИШИН</i>	116 130
Традиционная кухня	
Кулинарное путешествие в прошлое: поваренная книга викингов <i>Даниел СЕРРА, Ханна ТУНБЕРГ. Перевод: Дмитрий ДАММЕР</i>	132
Книжная полка	
Герои и помутнение рассудка <i>Оттар ГВЮДМЮНДССОН. Перевод с исландского О.Маркелова</i>	135
Древнескандинавские мотивы в творчестве С.А. Свиридовой <i>Елена ДОРОФЕЕВА</i>	142
Творчество	
Из современной исландской поэзии <i>Каури ТУЛИНИУС. Перевод: Ольга МАРКЕЛОВА</i>	144
Стихи <i>Ольга МАРКЕЛОВА</i>	145
<i>Александр ЕРОХИН</i>	146
Арт <i>Lotur NORN</i>	147
<i>Alessia H. Valastro</i>	148

Друзья!

Перед вами пятидесятый — юбилейный! — номер «Северного ветра».

Пятьдесят — число, достойное саг. Являясь со всех сторон значимым, оно звучит, однако, не как конец рассказа, но как поворот к новой главе. И мы поднимаем наш питьевой рог во славу и здравие всех авторов, всей команды «Северного ветра» и всех наших читателей! Skål!

А сам номер мы посвящаем тому, кто ушёл, чтобы вернуться.

Кого все так любили, но не сумели уберечь.

Надежде нового мира, которую не смогли поразить стрелы.

Свету истины, что будет гореть даже во мраке Фимбульвинтер.

Мы посвящаем этот номер Бальдру.

Сами поражаемся, как так получилось, что за 12 лет и 49 выпусков мы ни разу не посвятили номер именно ему и почему именно сейчас — и именно юбилейный — вышел во славу этого светлого бога. Но, как мы не раз говорили и будем говорить снова, ни одну тему номера мы не выбираем специально. Начиная ткать повествование, наша задача — лишь внимательно слушать, а все остальное сложится само и сложится так, как надо.

Так что, если вы ждали знак — вот он.

А что он означает — ведомо только вам.

Нам же этот знак говорит, что пришло время Надежды. Смерть Бальдра стала началом скорби, но она же служит и напоминанием: даже в самую тёмную пору, даже когда кажется, что всё потеряно, свет не исчезает — он лишь уходит, чтобы однажды вернуться.

А ещё Северный ветер шепчет: «смотри внимательнее, смотри глубже». Миф о Бальдре — это история о величайшей жертве двух богов. Да, мифы гласят: Локи позавидовал Бальдру и нашёл способ его убить. А все ж-таки подумайте на минуточку: не случись этого, Бальдр стоял бы рядом со своим отцом и братьями на ратном поле в час Рагнарёка... и погиб бы вместе со всеми. А с ним — и Надежда. А теперь он — за мостом Гьялларбру, лишённый возможности вмешаться, сходит с ума от бессилия, видя, как гибнет старый мир. Но именно он станет надеждой нового мира — мира, где не будет лжи и подлости, не будут нарушаться священные клятвы, и где жажда золота не развяжет первой войны.

Пока же — одному суждено нести вековые муки раскаяния, а другому — века бессилия.

И всё ради того, чтобы Свет вернулся.

И он вернется.

Слава тебе, Бальдр!

Слава нашим богам!

Ранхильд, Сигрид, Андвари, Анастасия

Северный Ветер в Facebook: <https://www.facebook.com/groups/nordanvindr>

Северный Ветер в Instagram: <https://www.instagram.com/nordanvindr/>

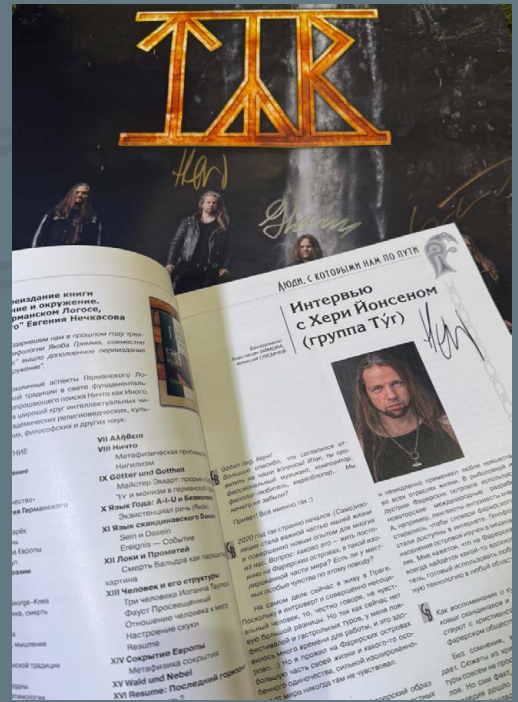
Северный Ветер в Telegram: <https://t.me/nordanvindr>

Картотека всех материалов:

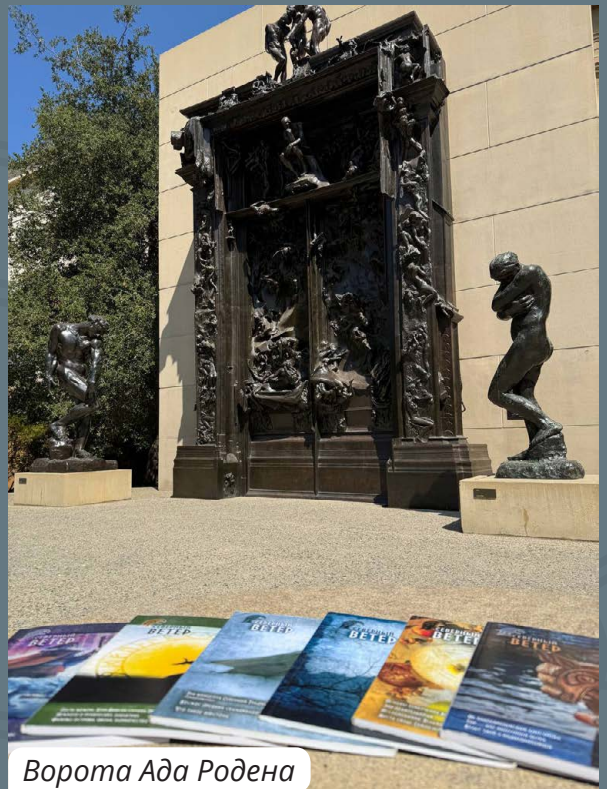

СЕВЕРНЫЙ ВЕТЕР НЕ ЗНАЕТ ГРАНИЦ

Дует, дует северный ветер, летит по миру, поёт свою песню, и слышится эта песня во всех уголках земли. Ибо нет границ у Северного ветра, как нет их у Северной Традиции, живущей в сердце каждого из нас.

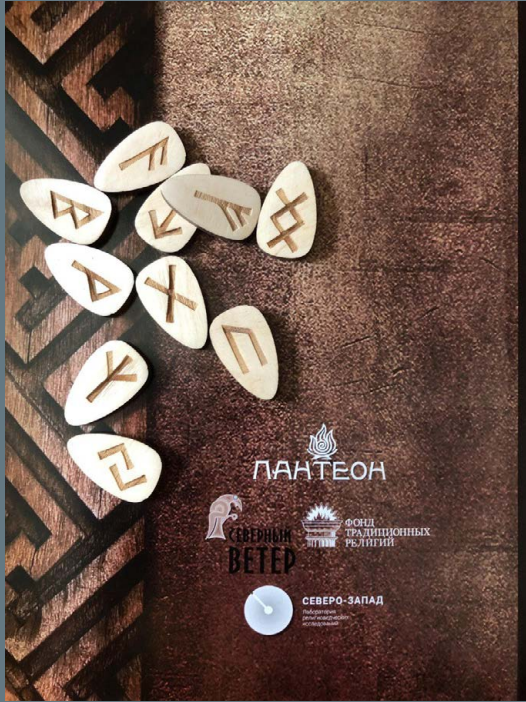
Ворота Ада Родена

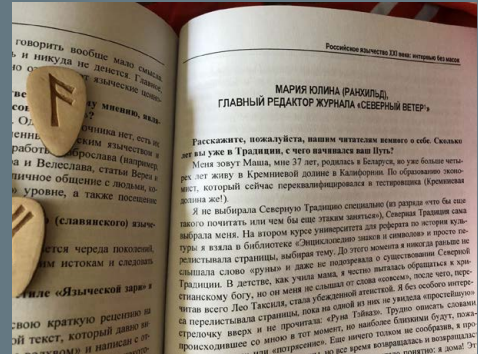
Stanford, Ca

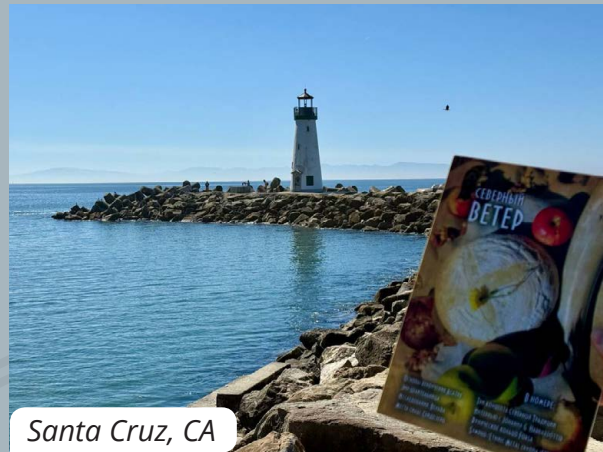
Stanford, Ca

В книге «Российское язычество XXI века. Интервью без масок» (составитель Роман Шиженский, 2021 год) можно прочитать и материалы «Северного ветра» — три интервью из нашего журнала вошли в сборник.

Stanford, Ca

Santa Cruz, CA

Андрей Скурлатов прислал фото из Амстердама

Santa Cruz Beach

Захоронение у Орхуса проливает свет на связь местной знати с королём Харальдом Синезубым

Источник:

Автор: Dario Radley

Перевод: Мария Юлина (Ранхильд)

Археологи из датского музея Moesgaard обнаружили уникальное захоронение эпохи викингов неподалёку от деревни Лисбьерг (Lisbjerg), всего в семи километрах к северу от Орхуса (Aarhus). По мнению исследователей, здесь была погребена знатная семья, предположительно состоявшая на службе у короля Харальда Синезубого в конце X века.

Раскопки начались после того, как во время строительных работ были обнаружены древние артефакты. В ходе исследований было выявлено 30 захоронений, датируемых второй половиной X века — временем, когда король викингов (речь идет о Харальде Синезубом — прим. переводчика) объединил Данию и заложил основы христианства в стране.

В захоронениях были найдены богатые погребальные подношения, среди которых монеты, бусы, керамика

и особая шкатулка, украшенная золотой нитью и сложными декоративными элементами. Помимо этого, археологи обнаружили человеческие останки — главным образом зубы и фрагменты костей.

По словам археологов, это захоронение нельзя считать типичным для эпохи викингов. Найденные предметы, особенно великолепная шкатулка, указывают на то, что здесь были погребены люди очень высокого статуса — вероятно, знатная семья, связанная с расположенным поблизости поместьем викингов.

Самой впечатляющей находкой стало место захоронения знатной женщины.

Археологи отмечают, что шкатулка, обнаруженная в её могиле, отличается изысканной фурнитурой, заклёпками и сложным замком. Рентген показал, что внутри находились личные вещи — украшения, игла и ножницы — предметы, крайне редко встречающиеся в столь хорошо сохранившемся виде в захоронениях эпохи викингов. Шкатулки подобного типа ранее находили лишь в Хальдуме (Haldum), в 12 километрах отсюда, а также один похожий экземпляр был раскопан на юго-востоке Германии.

Не все из тридцати обнаруженных погребений были одинаковыми: различия в размерах могил и содержимом посмертных даров свидетельствуют о том, что там были захоронены люди разного социального статуса — от простолюдинов и рабов до представителей высших сословий.

Орхус, известный в эпоху викингов как Арос, был одним из древнейших и важнейших городов Дании, одновременно королевским центром и международным торговым узлом. Благородное поместье в Лисбьерге было связано с Аросом главной дорогой, что подчёркивает политическое и стратегическое значение этого района в эпоху викингов.

Хотя раскопки близятся к завершению, исследователи в течение нескольких месяцев продолжают анализировать деревянные артефакты, человеческие останки и образцы почвы, что может позволить более точно датировать захоронения. Новые находки будут представлены этим летом в Музее Moesgaard.

В Норвегии обнаружено редкое захоронение эпохи викингов: женщина и её собака покоились в погребальной лодке

Источник:

Автор: Dario Radley

Перевод: Мария Юлина (Ранхильд)

Археологи из Музея Университета Арктики Норвегии (Arctic University Museum of Norway) обнаружили на северном побережье Норвегии на острове Сенья (Senja) редкое захоронение эпохи викингов. В погребальной лодке, датируемой приблизительно 900–950 годами н.э., были обнаружены скелеты женщины и её собаки. По мнению учёных, это была церемониальная могила высокопоставленной персоны.

История началась еще в 2023 году, когда участники поисковой группы, проводившие раскопки на прибрежной возвышенности острова Сенья, обнаружили с помощью металлоискателей две бронзовые овальные фибулы и несколько человеческих костей всего в 20 сантиметрах от поверхности. Эти детали женской одежды, типичные для эпохи викингов, сразу указали на наличие в этом месте захоронения той эпохи. Находка стала поводом для проведения полномасштабных археологических раскопок в мае 2025 года.

Археологи, работающие на месте раскопок, обнаружили контур лодки длиной около 5,4 метров. Хотя древесина со временем разложилась, чёткая форма корпуса позволила определить, что это была так называемая «сшитая лодка», в которой доски соединялись не заклёпками, а сшивались при помощи органических материалов — таких как кожа или волокна растений. В центре лодки находились останки женщины, погребённой на боку, с согнутыми в коленях ногами и скрещёнными перед телом руками. У её ног лежал скелет небольшой собаки, захороненной с особой заботой.

Археологи отмечают, что хотя случаи захоронения собак вместе с людьми известны, они всё же остаются сравнительно редкими. Литература эпохи викингов отмечает тесную связь между человеком и этим домашним животным, и хотя погребение вместе человека и собаки было не таким уж распространённым явлением, оно вполне укладывается в рамки известных традиций. При этом исследователи считают, что собака была любимым домашним животным, а не ритуальной жертвой.

В захоронении был найден ряд предметов (две фибулы, подвеска-кольцо и бусы из кости или янтаря), указывающих на высокий социальный статус похороненной женщины. Также там находились предметы для повседневного использования: железный серп, точильный камень из сланца и инструменты для ткачества, такие как грузик для веретена и «меч ткачихи» из китового уса.

По мнению археологов, эта женщина явно пользовалась уважением — возможно, она была хозяйкой усадьбы или заведовала производством тканей. Погребальный инвентарь отражает как её практические навыки, так и высокий социальный статус. И хотя она, вероятно, не принадлежала к высшей элите, характер захоронения свидетельствует о её безусловной важности для общины.

Раскопки позволяют предположить, что на этом участке могут находиться и другие могилы. Открытие даёт уникальное представление о социальной структуре общества эпохи викингов на севере Норвегии.

Более трех лет Грир Джарретт, археолог из Швеции, бороздит на реплике корабля эпохи викингов воды Скандинавии в поисках забытых торговых путей

Источник:

Автор: Dario Radley
Перевод: Мария Юлина (Ранхильд)

*После трёхлетнего плавания и 5 000 километров пути на реплике корабля викингов археолог Грир Джарретт (Greer Jarrett) из Лундского университета (Швеция) представил исследовательский отчёт, проливающий свет на навигационные практики и морскую культуру норманнов. В своей работе, опубликованной в журнале *Journal of Archaeological Method and Theory*, Джарретт высказывает предположение, что торговые пути викингов были более протяжёнными, децентрализованными и пролегали дальше от берега, чем считалось ранее.*

Грир Джарретт управляет репликой корабля викингов в ходе своего исследовательского плавания (Lund University).

Путешествие Джарретта пролегло от города Тронхейм (Trondheim) в центральной части Норвегии до Полярного Круга и обратно — через те же воды, по которым тысячу лет назад проходили морские пути викингов. Свои исследования он проводил на судне типа фэринг (faering) — небольшом корабле с прямоугольным парусом и обшивкой внахлест, выполненном по образцу кораблей эпохи викингов в традиции Åfjord¹. Его цель состояла не только в том, чтобы узнать, куда doplывали викинги, но и понять, как они добирались до этих мест.

«Как правило, нам известны лишь начальная и конечная точки торговых путей эпохи викингов», — отметил Джарретт в официальном заявлении. — «Моя гипотеза заключается в том, что децентрализованная сеть портов, расположенных на небольших островах и полуостровах, играла ключевую роль в обеспечении эффективности торговых процессов того времени».

¹ Åfjord — прибрежный район в Норвегии, известный традициями судостроения эпохи викингов. Лодки этого типа отличались высокой мореходностью и обшивкой внахлест. (Прим.переводчика)

Собранные Джарреттом данные подтверждают его предположения. На основе собственных наблюдений и результатов компьютерного моделирования исторических очертаний побережья он выявил четыре ранее неизвестные гавани — он сам называет их «убежищами» — вдоль побережья Норвегии. Эти места, расположенные существенно дальше в море по сравнению с традиционными портами, могли выполнять функцию ключевых промежуточных остановок для мореходов, следовавших по маршруту между крупными торговыми центрами, такими как Рибе, Берген и Дублин.

Остров Болга, едва различимый по правому борту во время пробного плавания на борту судна «Skårungen» в мае 2022 года, представляет собой важный традиционный ориентир, который, вероятно, фигурировал в морских маршрутах эпохи викингов, пролежавших от Арктики к южной Скандинавии и материковой Европе. (Источник: Greer Jarrett, Journal of Archaeological Method and Theory, 2025)

«Мелкие бухты не представляют проблемы для навигации благодаря малой осадке лодок такого типа. А вот продвигаться вглубь узких фьордов — уже сложнее. Прямоугольные паруса плохо справляются с движением против ветра, а сами суда очень чувствительны к кatabатическим² ветрам», — пояснил Джарретт.

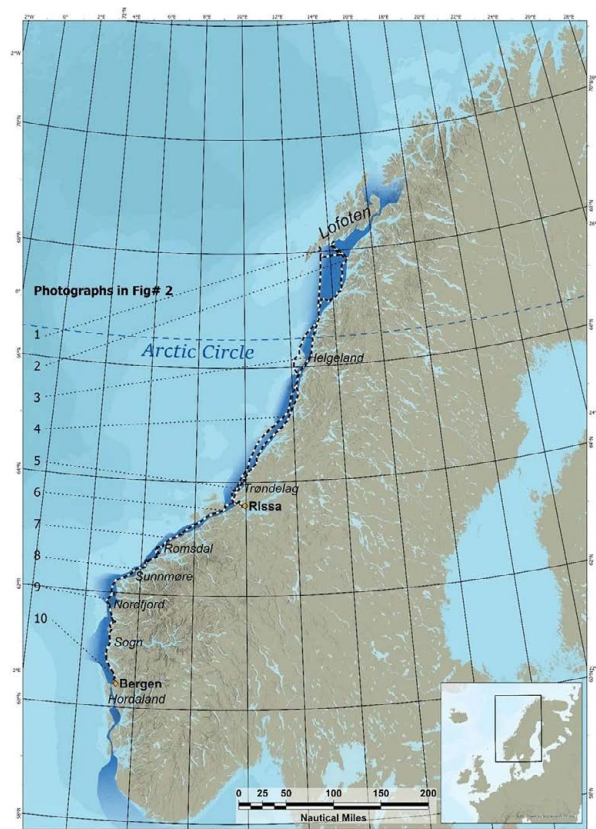
Чтобы глубже понять принципы древней навигации, Джарретт консультировался с современными норвежскими рыбаками и моряками, особенно с теми, кто знаком с торговыми морскими маршрутами XIX — начала XX века, проложенными еще до начала широкого применения двигателей. На основе полученных знаний ему удалось реконструировать предполагаемые маршруты викингов, которые прокладывались не с помощью компасов или карт, а основывались на «картах из головы» и устной традиции.

Джарретт отметил, что викинги использовали устные предание как навигационные подсказки. «Примером могут служить рассказы о норвежских островах Торгхаттен, Хестмона и Скрова (Torghatten, Hestmona, and Skrova). Эти истории служили морякам напоминанием об опасностях, связанных с этими местами, а также указывали на значении этих островов в качестве навигационных ориентиров», — пояснил он.

² Кatabатические ветры — это холодные и плотные потоки воздуха, которые спускаются вниз по склонам гор, ледников или плато под действием силы тяжести (прим.переводчика).

Нордвегр (Nordvegr) — зона западного побережья Норвегии, по которой проходили маршруты двух путешествий Джарретта (обозначены чёрно-белыми пунктирными линиями), а также традиционный морской коридор (выделен синим), известный в древнескандинавском языке как leið³.

Хотя четыре гавани, открытые Джарреттом, ещё предстоит изучить, он убеждён, что будущие археологические работы позволят обнаружить свидетельства активности викингов — будь то пристани, камни для балласта, очаги или укрытия. Такие находки помогут подтвердить статус этих гаваней как важнейших звеньев в торговых сетях викингов.

Путешествия Джарретта не обошлись и без драматических моментов. На одном из участков пути рейка, поддерживающая грот, сломалась в 25 километрах от берега. «Нам пришлось связать вместе два весла, чтобы удержать парус, и надеяться, что конструкция выдержит», — вспоминал он. «Нам повезло — мы благополучно вернулись в гавань, но после этого пришлось несколько дней чинить лодку, прежде чем снова выйти в море».

«Есть надежда, что методы, описанные в моем исследовании, окажутся применимыми и к другим морским маршрутам викингов — таким как Северные острова Шотландии и западное побережье Гренландии — которые также продолжают активно изучаться», — написал Джарретт в своей статье.

Как показывает его исследование, викинги были не просто захватчиками или переселенцами — они были искусными мореходами, тонко чувствовавшими море, землю и друг друга как единое целое. Благодаря плаваниям Джарретта мы получаем более ясное представление о том, как норманны создавали и поддерживали свою морскую империю.

3 Термин leið в древнескандинавском языке означает «путь», «дорогу» или «маршрут», (Прим.переводчика)

Каменная голова эпохи викингов обнаружена на Оркнейских островах

Источник:

Автор: Dario Radley

Перевод: Мария Юлина (Ранхильд)

НОВОСТИ

Неожиданная находка во время летних раскопок на оркнейском острове Роусей (Rousay) поразила археологов — на территории фермы Скайлл (Skail Farm) была обнаружена высеченная из песчаника голова, которой, возможно, более девятисот лет. Артефакт удивил исследователей не только своей сохранностью и тонкостью исполнения, но и загадочностью происхождения, став подлинной сенсацией раскопок.

Находку сделала студентка Археологического института Университета горных и островных земель (UHI) Кейти Джосс (Katie Joss), исследовавшая фундамент массивной средневековой стены. Артефакт поражает тонкостью исполнения: волосы уложены изящными завитками, глаза закрыты, на губах играет едва заметная улыбка, брови придают лицу спокойное и почти живое выражение. Лишь сломанный нос нарушает гармонию — и именно эта деталь вызывает вопросы. Было ли повреждение случайным? Или же перед нами следы иконоборчества, преднамеренного осквернения некогда почитаемого образа?

Содиректор раскопок в Скайлле доктор Сара Джейн Гиббон (Dr. Sarah Jane Gibbon) призналась, что была потрясена находкой. «Это невероятное открытие. За годы исследований в Скайлле и в Вирке (Wirk) — расположенной поблизости башне — мы находили множество интересных фрагментов, выполненных из красного песчаника, но никогда ничего подобного, — отметила она. — Голова вырезана из красного с жёлтыми вкраплениями песчаника, вероятно, добытого на острове Идеи (Eday), подобно фрагментам, найденным у старой приходской церкви Святой Марии неподалёку».

По словам археологов, резьба, судя по всему, была задумана так, чтобы её рассматривали спереди, под небольшим углом, позволяющим увидеть верхнюю часть головы. «Мы находили аналоги с другими фрагментами красного песчаника в соборе Святого Магнуса (St Magnus Cathedral) в Киркволе (Kirkwall), но ничего столь близкого по стилю к этой находке мне обнаружить не удалось, — говорит доктор Сара Джейн Гиббон (Dr.

Sarah Jane Gibbon). — Глаза напоминают резные изображения, относящиеся к ранним этапам строительства собора, но такого спокойного выражения лица я не встречала нигде».

Хотя сама ферма Скайлл в основном относится к XVIII веку, она расположена прямо над тем местом, где когда-то находилось поселение Сигурда из Вестнесса (Sigurd of Westness) — влиятельного конунга викингов XII века и близкого друга ярла Рёгнвальда (Rognvald), по чьей инициативе был построен собор Святого Магнуса.

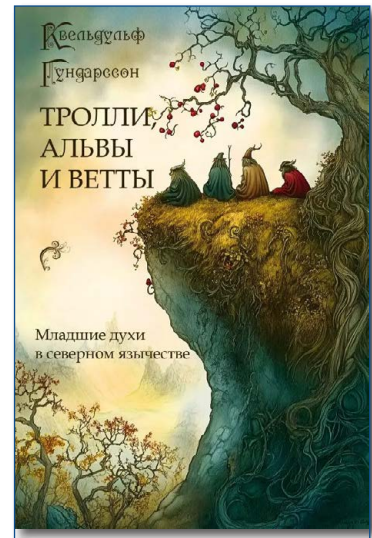
Имя этого артефакта кануло в прошлое, но его будущее уже определено. Сейчас каменная голова хранится вместе с другими находками из раскопок Скайлла; специалисты намерены очистить её и в будущем представить на всеобщее обозрение.

В издательстве “Thesaurus Deorum — Сокровищница богов” вышла книга Квельдульфа Гундарссена “Тролли, альвы и ветты: младшие духи в северном язычестве”

Перевод с английского и комментарии: Анна Блейз

Книга «Тролли, альвы и ветты» повествует о разнообразных иномирных существах, с которыми соседствовали древние скандинавы, — от скромных духов камней и растений до могучих великанов, от альвов-защитников до диких и опасных троллей. Всевозможные ветты (природные духи), обитающие в горах и лесах, морях и реках, могут становиться друзьями или врагами человека и нередко играют в его повседневной жизни более важную роль, чем великие божества. Связанные с ними мифы и поверья подробно излагает Квельдульф Гундарссон — выдающийся практик современного северного язычества и исследователь древнескандинавской религии. Отдельный раздел книги составляет руководство по взаимодействию с младшими духами скандинавской традиции и по изготовлению талисманов, помогающих в этой практике. В приложениях публикуются вспомогательные ритуалы, статьи о языческом культе Земли у древних германцев и о рунической надписи, содержащей перечень младших духов, а также новый перевод древнеисландской «Пряди о горном жителе», в которой горный тролль повествует от первого лица о своем народе и своих странствиях.

НОВОСТИ

Отрывок из книги читайте на стр. 89.

Содержание	
Предисловие	7
Глава первая. Альвы и ветты: особенности и правила	10
Альвы и ветты: как они себя ведут и как вести себя с ними	10
Защита от злонамеренных альвов и веттов	19
Глава вторая. Духи земли	35
Ландветтир: духи местности	42
Тролли	54
Скогструа	59
Лесные деви, туманножи и духи растений	63
Ветты, тролли и великаны как мурские наставники	69
Глава третья. Егунны, расы и турсы	72
Егунны и боги: враги и друзья	74
Глава четвертая. Великаны	77
Примеры великанов	79
Божества	81
Пожиратели трупов	87
Сказание о Стране Егуннов	87
Егунны как хранители мудрости	88
Егунны и боги: враги и друзья	88
Сурт	92
Глава пятая. Воланы	93
Природа воланов	95
Этер, Рап и их дочери	99
Морбендаль	100
Воланые деви	102
Нёкс (некс)	106
Сьяра	106
Дружба с воланами и уютные им дары	108
Тяжелы и егты	108
Друт	108
Глава шестая. Светлые и темные альвы	108
Разновидности альвов	108

Альвы и им подобные	113
Кулат альвов	114
Темные (курлатные) альвы	119
Сэжжа альвов	121
Чем опасны альвы?	127
Эльфидская стрела и эльфидская болезнь	130
Альвы как друзья и ценители	135
Альвы как враги альвов	137
Имена и прозвища альвов	137
Глава шестая. Сварталивы (карлики, или дворги)	146
Происхождение и природа дворгов	150
Дочери Двалина	151
Похитители невест	153
Дворги и мертвые	163
Дворги как ирменчатый	164
Дворги как существа, наследующие болезни	169
Преображение людей в дворгов или альвов	172
Глава седьмая. Переселения потусторонних существ и поиски альвов и веттов	172
Переселения	175
Альвы и ветты в Новом Свете	177
Как отыскать альвов и веттов	183
Как отыскать альвов и веттов	183
Глава восьмая. Подземелия и переходы между мирами	185
Подземелия	185
Люди, отмытые печатью Инах миров	191
Переходы между мирами	196
Переходы иномирных наставников	200
Поисковые подспорья для общения с веттами	210
Магические подспорья для общения с веттами	210
Глава девятая. Ритуалы	215
Воскание к ритуалам	215
Тейп или маля для духовного зрения	219
Тейп для дружбы с духами	219

Тейп для обращения с просьбой к альвам, предкам	221
Защитный тейп	224
Приложение 1. Мать-Земля и ее дети	231
Приложение 2. Прядь о горном жителе	235
Приложение 3. Руническая надпись В 527 из Бергена	264
Приложение 4. Ритуал Молота	266
Приложение 5. Ритуал Круты	270
Приложение 6. Ритуальные орудия: сакс и ганц	274
Сакс	274
Ганц	275
Словарь терминов	278
Краткие правила произношения	284
Древнескандинавский язык	284
Протоскандинавский язык	286
Древнеанглийский язык	287
Аббревиатуры	289
Литература	290
Источники	303

Книгу можно
заказать здесь:

Интервью с Василием Новиковым

Беседовала
Анастасия ЗИМОВА

*В гостях у «Северного Ветра»
Василий Новиков — археолог,
кандидат исторических наук, доцент
Мезоамериканского центра РГГУ,
куратор многих выставок.*

§ *Василий, спасибо, что согласились на интервью. Для начала расскажите, как складывался ваш путь в археологию. Почему вы выбрали именно эту область, а не, скажем, историографию?*

Археологией я заболел в школе и случайно. Собирался вообще идти в военные вертолетчики, но поехал в 10 классе в детскую экспедицию в Херсонес. И всё. Перековался в сторону археологии и решил поступать в МГУ им. М.В. Ломоносова. Но сразу не попал. Пошел в РГГУ, где сейчас читаю курс археологии и курирую бакалавриат по направлению археология в Мезоамериканском центре. В МГУ поступил в итоге, попал на кафедру археологии, а потом с практикой в Гнёздово — крупнейший памятник Эпохи викингов и образования Древнерусского государства — где и остался под руководством Т.А. Пушкиной.

§ *Помните ли вы свою первую находку?*
Ну, такая находка, это были фрагменты античной амфоры в том же Херсонесе на раскопках римской цитадели. И там же у меня было первое погребение античное, которое до наших работ там не находили.

§ *Как проходит или уже прошёл очередной сезон раскопок? Какие были интересные находки? Повлияют ли результаты раскопок на уже сложившиеся представления о роли Великого Новгорода в Эпоху викингов и его этническом составе?*

Находки в обычном смысле, наверно, не столь выдающиеся. А вот с точки зрения развития современных методов в археологии — очень важные. В этом сезоне мы занимались проверкой объектов и предметов, которые были найдены в ходе большого конкурса по беспилотникам. На БВС вешали разное оборудование (магнитометры, георадары и пр.), которое позволяет с воздуха исследовать и находить аномалии, связанные с археологией.

§ *Если говорить о самом популярном типе находок в Гнёздове, Великом Новгороде и других местах, где вам довелось работать. Что найдёшь в первую очередь, если начнёшь копать слой Эпохи викингов? Посуду? Украшения? Монеты?*

Самые массовые категории находок — это керамика и бусы. А самые интересные для всех свои. Кому-то мечи, кому-то украшения, кому-то

Находка из Гнёздово: фибула второй половины X века

клады, а мне лично очень интересны сами объекты и стратиграфия культурных напластований, которые позволяют реконструировать историю места.

§ *В Швеции многие курганы как бы «заморожены», то есть археологи знают, что там точно есть интересные артефакты, но не ведут раскопки, а ждут появления более совершенных технологий. Какая практика в России? Есть ли такие же замороженные места, или у нас стараются «ковать железо, пока горячо»?*

У нас тоже есть негласное правило — если можешь не копать, то лучше не копать. Раскопки зависят от многих факторов. Если предполагается строительство и перенести объект нельзя, то копать нужно. Это согласно 73-му Федеральному закону. Ещё памятники могут разрушаться из-за невнимательности, злонамеренного воздействия или природных факторов, и копать опять-таки надо. Есть научные задачи, которые требуют археологических раскопок. В конечном итоге, несмотря на все технологии, пока не раскопаешь, точно всё до конца не узнаешь.

§ *Изучаете ли вы заново уже существующие находки? Могу ошибаться, но, по-моему, А. Кирпичников в своё время предлагал целый год не копать новое, а только переизучать старое. Вы согласны с таким предложением?*

Да, конечно, некоторые материалы требуют пересмотра и переосмысления. Но без изучения нового мы не сможем проверять старое. Да и уровень фиксации раскопок прошлых лет часто не даёт почву для более детальных реконструкций, чем нынешний.

§ *Иногда у себя в телеграм-канале вы пишете про использование беспилотников в археологии. Можете объяснить для чайников: как они работают, и как ими пользуются археологи?*

Всё это вместе называется — современные неинвазивные методы исследования. Здесь могут участвовать любые носители — беспилотники, вертолёты, самолёты, машины, роботизированная техника. Важно, что именно несёт на себе носитель. Это может геофизическое оборудование, фотоаппаратура разных видов, лазерный сканер и т.д. Это оборудование позволяет исследовать исторический ландшафт, находить объекты и предметы, что позволяет археологам определять и находить памятники археологии, уточнять их состав и количество, границы и характерные особенности. Это большое научное направление в современной археологии.

§ *Кстати, раз уж заговорили про телеграм-канал. В какой момент вы решили заниматься просветительской деятельностью и завели его? И почему выбрали максимально общее и размытое название «Современная археология», ведь обычно блогеры стараются наоборот использовать своё имя или производные от него.*

Началось все с сайта экспедиции в Гнёздово ещё в 2011 году. Там среди книг и фотографий появился полевой дневник, который превратился в блог. Потом появились разные проекты в археологии, где я участвовал, и появилось желание рассказать об этом и повесить видео. У меня появились каналы в ТИК-ТОК и на youtube. Это же довольно необычная профессия, и сторонние люди редко могут заглянуть во внутреннюю

кухню. А потом популяризация стала инструментом защиты самого памятника и в целом археологии. Это возможность показать что-то, что видят только археологи и только в короткий полевой сезон. «Телеграм» стал самой удобной для меня площадкой. А выбирая название «Современная Археология», я думал о продвижении археологии, а не о своём личном бренде. Но, может быть, в обозримой перспективе я поменяю отношение к этому.

§ *Вы наверняка видели клип Amon Amarth — Put your back into the oar, где в центре сюжета девушка-археолог, видящая сны на месте раскопок. Поэтому не можем не спросить у вас как у практикующего археолога, снилось ли вам что-нибудь связанное с викингами на месте раскопок?*

Конечно, Гнёздово — это место вне времени, мистическое по-своему, и для каждого оно своё. Вы попадаете туда, в исторический ландшафт и атмосферу IX — XI веков. Это всегда пробуждает фантазии. И сны с викингами были, и со странным вайбом этого места тоже.

§ *Самая сокровенная мечта археолога — это...?*

Решить свою научную задачу и сделать это ярко, я думаю.

А в чём состоит именно ваша научная задача?

Наверное, в том, чтобы разобраться с историей изучаемого участка и вписать новые страницы в «Повесть временных лет».

§ *Есть ли практика приглашать иностранных специалистов к нам на раскопки и самим ездить в другие страны? Где в Скандинавии вам хотелось бы покопать больше всего и почему?*

Да, такой обмен существует и в формате студенческих обменов, волонтеров, и приездов научных специалистов. В Скандинавии, наверно, в Бирке, так как она похожа на Гнёздово, в Вальсгарде, так как это памятник, связанный с эпохой Вендель, и на острове Готланд — это очень яркий остров для Эпохи викингов со своим характером и особой материальной культурой, и, опять-таки, у него есть связи с Гнёздово.

§ *Как понять этническую принадлежность погребённого человека? В каком-то интервью вы рассказали, что не жалуете выводы на основе анализа гаплогрупп, значит, все выводы делаются лишь на основе найденных предметов?*

Это очень сложный вопрос. Это делается на совокупности признаков — таков научный подход.

Гнёздово

История с ДНК — это очень мейнстримовая история, которая почему-то задвинула на второй план основные методы антропологии и даже новые тенденции, как говорят сами антропологи. Что может ответить на этот вопрос? Особенности погребального обряда, набор специфических характерных украшений, религиозных предметов, костюма, особенно в случае с женщинами, так как они всё-таки менее мобильны, чем мужчины, — все эти сведения дают основание для реконструкции и предположений.

§ *А если говорить не об этнической, а о профессиональной принадлежности человека, всегда ли можно доверять предметам в могиле? Отдельно нам очень хотелось бы услышать ваше личное мнение по поводу могилы в Бирке 581, вокруг которой не утихают дискуссии. Как вы думаете, похороненная там женщина действительно могла быть воительницей при жизни?*

Доверять стоит совокупности факторов: комплексу предметов и особенностям погребального обряда. Мнение не есть факт, а мне хотелось бы опираться на факты. Мы знаем, что особенности хранения антропологического материала в Швеции в период раскопок этого погребения вызывают опасения. У нас нет уверенности в том, что это не было парное погребение, коих в избытке. Я не исключаю этого факта, но в данном случае не уверен в нём. Есть ещё похожее женское погребение так называемой Эрики Рыжей. Но всё-таки количество их ничтожно мало для выделения женщин в отдельную профессиональную группу. Хотя есть саги, где идёт речь о женщинах-воинах, которые и сражались, и ходили в викингские походы, и вспомнить стоит о валькириях — хотя эти существа и не совсем люди. В сагах, кстати, можно найти примеры не очень умелого использования женщинами оружия, как нехарактерного для них ремесла.

§ *Если бы вы по мановению волшебной палочки могли искоренить у всех в головах какой-то один вредный миф или стереотип об эпохе викингов, что бы вы выбрали?*

Норманскую теорию. Утомительно вечно слушать её коверкание и попытку применять сейчас, хотя это давно раздел историографии.

Как попасть к вам на раскопки? Принимаете ли вы волонтеров без опыта и образования, но с желанием?

Да, сейчас в сети много групп и сайтов. Выбираете, что вам интересно по периоду и региону, пишете руководителям экспедиций, уточняете условия и приезжаете. Это популярный вид отдыха с пользой.

§ *И последний вопрос — это, собственно, не вопрос, а ваши слова нашим читателям. Может быть, у вас есть какие-то пожелания или напутствия, а может быть, вы очень хотите рассказать о чём-то, что мы упустили в вопросах?*

Если вам хочется действительно что-то узнать, то доверяйте специалистам. Не надо слушать врача, который рассказывает об археологии, и т.д. Фактчекинг — это очень важно в наше время. Держите голову в чистоте и приезжайте в археологические экспедиции — после них вы никогда уже не станете прежним.

*Фото из Телеграм-канала Василия:
<https://t.me/archeoprivate>*

Интервью с Анастасией Зимовой, редактором журнала «Северный ветер»

Беседовала
Мария ЮЛИНА (РАНХИЛЬД)

С Анастасия, привет. Мы уже больше пяти лет делаем вместе с тобой «Северный ветер», а наши читатели так мало про тебя знают. Ты единственная из членов редакции, кто ещё не рассказывал про себя на страницах журнала, а тут как раз столько поводов! И юбилейный номер, и выход сборника шведских народных сказок в твоём переводе, да и вообще — крайне интересно узнать, как тебе живётся и дышится в Швеции. Скажи нашим читателям несколько слов о себе. Если бы нужно было придумать подпись к твоей фотографии в википедии — что бы ты написала? «Редактор, переводчик,», «Человек мира с рюкзаком и словарём» — или что-то совсем другое? И давай сразу внесём ясность для читателей: ты публикуешься в нашем журнале под двумя именами. Почему?

Всем привет! Я бы представилась как библиотечкарь, филолог-скандинавист, переводчик со скандинавских языков, а также постоянный автор и редактор журнала «Северный Ветер». В 2019 году я получила степень магистра скандинавской филологии в Тартуском университете и защитила диссертацию на шведском языке, посвящённую образам преступников в древнеисландских сагах. А с 2021 года живу и работаю библиотекарем в Швеции. Действительно, в нашем журнале я публикуюсь под двумя именами, а точнее, фамилиями — своей настоящей Тишунина и псевдонимом

Зимова. Псевдоним придумала, поскольку в некоторых наших номерах было уж слишком много моих публикаций, в связи с чем я решила не мозолить глаза читателям одной и той же фамилией. :)

С Давай поговорим о большом и радостном событии — выходе невероятной красоты сборника шведских сказок, в котором ты выступала как переводчик. Во-первых, поздравляем и гордимся так, как будто это мы сами переводили. А во-вторых, расскажи о своей работе над этим проектом, хотим

знать все детали: от первой задумки до той минуты, когда ты впервые взяла книгу в руки.

Спасибо большое за поздравления! Да, действительно, недавно в издательстве «Городец» вышла книга «Шведские народные сказки» в моём переводе (уточню, что выступила также в качестве инициатора проекта и автора предисловия к книге). У этого издательства есть замечательная серия «Нордбук», выпускающая переводы скандинавской литературы. Думаю, всем друзьям нашего журнала будет приятно узнать, что без «Северного Ветра» книги бы не было. В прошлом году, если помните, мы выпускали номер, посвящённый кузнечному ремеслу, и в нём было интервью со шведским кузнецом Филипом Люфольком. Там он в числе прочего рассказал о нескольких шведских фольклорных сюжетах, связанных с кузнечным делом. В ходе подготовки интервью я решила найти покопаться в этих сюжетах и так, совершенно случайно, наткнулась на сказку «Полутроль, или три меча», которая как раз начинается с рассказа о кузнице. Таким образом я узнала про существование достаточно малоизвестного за пределами Швеции сборника сказок, составленного в XIX веке двумя фольклористами — это швед Г. У. Хюльтен-Каваллиус и англичанин Д. Стивенс (мою подробную статью про этих фольклористов вы можете найти далее в журнале в разделе «Исследования»). Увидев, что этот сборник до сих пор полностью не был переведён на русский язык, я тут же решила это исправить. Я мечтала, чтобы перевод вышел именно в виде книги в официальном издательстве — так в итоге и случилось. А ещё в начале работы над переводом поняла, что сказкам обязательно нужны будут иллюстрации, и приложила все усилия, чтобы издательство наняло для этого проекта замечательную художницу Катерину Вигдис, чьи работы неоднократно появлялись в нашем журнале. Какое счастье, что и эта моя мечта осуществилась.

литературу? Что для тебя было самым трудным в твоей работе?

Свои подводные камни есть в любой работе, но при переводе народных сказок хотя бы не нужно гадать «А что же хотел сказать автор?». Очень удобно, когда автора просто нет. :) Самым же трудным было изучение пласта шведской лексики, который мало используется в современной повседневной речи, это, прежде всего, разные наименования предметов крестьянского быта.

Но это, конечно, было одновременно и самым интересным.

§ *Были ли в процессе перевода моменты, когда тебе хотелось попросить совета... не у коллег, а у самих собирателей этих сказок? Что бы ты у них спросила (или просто сказала) — если бы могла?*

Мне бы, конечно, в первую очередь хотелось узнать, какие именно правки фольклористы вносили в тексты сказок. В том, что такие правки вносились, Гуннар Хюльтен-Каваллиус прямым текстом признавался в предисловии к первому изданию сборника, но не вдавался в подробности. «Некоторые стилистические правки», — так лаконично он выразился. В XIX веке фольклористика ещё не выработала такие строгие научные правила, каким должны следовать современные учёные. В частности, исследователи не были обязаны предоставлять оригиналы записей. В порядке вещей было опубликовать уже литературно переработанный текст. По некоторым данным можно предположить, что Хюльтен-Каваллиус и Стивенс смягчали или удаляли из сказок эротические подробности. Например, во вступлении уже упомянутой выше сказки «Полутроль, или Три меча» в версии переведённого мной сборника говорится, что кузнец устроился подремать на коленях у своей жены. Но эта сказка сохранилась в ещё одной версии, где прямо сказано, что он не просто подремал, а вполне конкретно занялся с женой любовью.

§ *Как ты думаешь, что труднее переводить: народные сказки или авторскую*

§ *В своём интервью «Северному ветру» беларуская писательница Маргарита Папакуль отмечала, что «в беларуском*

фольклоре утвердилась тенденция эстетизировать жестокость, смаковать неприятные детали...». А как с этим делом обстоит у шведов? Все ли шведские сказки можно читать детям на ночь? Или этот сборник все-таки больше ориентирован на взрослых?

Детям читать можно, вопрос лишь в том, что им после этого приснится. :) А если серьезно, то, на мой субъективный взгляд, у шведов всё как раз очень ровно: о хорошем и плохом, о радостном и страшном рассказывается одинаково спокойно. Какого-либо смакования жестоких подробностей я не замечала.

Где ты выучила шведский язык, и на скольких языках ты говоришь? Какой язык показался тебе самым сложным для изучения?

В изучении языка, как в неравном бою, все средства хороши, поэтому я использовала всё, до чего можно дотянуться: учебники, курсы, блоги в интернете, тексты песен любимых групп, и т.д. Бой я не случайно назвала неравным, потому что «выучить» любой язык до конца, как мне кажется, задача невыполнимая. Говорю я свободно (в смысле, не испытывая особого стресса) на английском и на шведском, а не очень свободно (то есть испытывая некоторый или сильный стресс) на норвежском, фарерском, немецком и эстонском языках. Сейчас ещё активно учу финский. Вот два последних мне и кажутся самыми сложными из-за своей грамматики. Но до чего же они красиво звучат. А в качестве хобби я ещё вяло изучаю ирландский язык, но с ним у меня совсем не складываются отношения: я к нему со всей любовью, а он ко мне никак. :(

Когда и с чего начался твой интерес к мифологии и истории скандинавских стран?

Ещё в детстве с книги «Мифы и легенды викингов» Филиппа Ардаха. Мне подарили её на восьмилетие — её и ещё две книги из одной и той же серии, про мифы индейцев и африканцев. Я в ту пору очень любила индейцев,

как, наверное, и все дети. Но стоило увидеть эту обложку — и я, что называется, «пропала». Просто поглядите на эту эпичность! Где уж тут индейцам... С тех пор викинги меня захватили раз и навсегда. И я всегда знала, что буду изучать скандинавские языки, хотя помимо них у меня был ещё долгий период увлечения немецким, а первую вышку я получила в области славянской филологии и диплом писала вообще по болгарской литературе, но потом наконец удалось ринуться в долгожданные объятия скандинавистики.

Ты относишь свое мировоззрение к языческому?

Скажу, что отношу, одновременно с этим прекрасно отдавая себе отчёт в том, что это всё, увы, фейк, косплей и имитация. Не могу не процитировать по этому поводу интереснейшее интервью с Александрой Барковой, которое мы опубликовали в нашем 34-м номере. Отрывок длинный, но я позволю себе включить его целиком: «А теперь давайте взглянем правде в глаза: любой неоязычник автопилота не имеет. Он в него не встроен, просто не предусмотрен заводскими настройками. Поэтому каждый раз он вынужден себе отвечать на вопрос: «В этом году я буду отмечать традиционные праздники, или у меня завал на работе?» Каждый раз для него это ситуация выбора и, более того, этот выбор идет из логики. И даже если неоязычник скажет себе: «Да, я буду проводить ритуал», — у него тут же появляются дополнительные вопросы: «Где я буду это делать? Как? Когда?» Надеюсь, вы понимаете, что это абсолютно другой менталитет». Вот я как раз этот неоязычник с завалом на работе. Я люблю читать мифологические истории, изучать их, раз за разом обра-

щаться к их невероятной красоте и поэтичности, но поверить в них искренне и по-настоящему, как верили древние, я никогда не смогу, хотя и очень хотелось бы. Раскат грома для меня всегда будет в первую очередь электрическим разрядом, а не отзвуками битвы Тора с великанами, хотя мне и нравится так думать. Такой вот у меня в данный период жизни пессимистический взгляд.

А попытаться воспитать языческое мировоззрение в детях?

Вот это, наверное, максимум, на что может надеяться современный неоязычник, да и то вряд ли — настоящая Традиция формируется веками под влиянием уникальных исторических обстоятельств и в окружении определённых природных условий. За одно поколение её не создать. Я со своим сыном проделала несколько обрядов, в частности, описанных в статьях шведской исследовательницы Бритт-Мари Несстрём, которые я переводила для нашего журнала. Но не знаю, насколько это поможет пробудить в ребёнке какой-либо интерес к мифологии и желание строить вокруг этой темы свою жизнь. Да и степень моего собственного интереса к этой теме не стала после обрядов сильнее, а осталась на прежнем уровне.

Есть какое-то божество, которое тебе особенно близко?

Да, ответ, наверное, банальный, но для меня это Тор. Защитник простого люда, который сражается со всякой хтонической гадостью за правое дело. Иногда он кажется не самым глубоким персонажем, но, когда надо, смекалку проявит будь здоров — вон как лихо Альвиса заболтал! И питомцы у него практичные — захочешь, довезут колесницу куда надо, а захочешь — и съесть их можно, а на следующее утро они опять живы и здоровы. Ну просто мечта крестьянина. Вот с какой стороны не взгляни, а положительное божество — хороший, честный и хозяйственный мужик Тор. Не коварному же некроманту Одину мне, простой женщине, поклоняться?

На твой взгляд, во всех ли традиционных сказках стоит искать сакральный смысл?

Вот, например, согласна ли ты, что сказка про Курочку Рябу — это на самом деле сказка о рождении мира и его смерти?

Искать стоит, а вот есть ли он там на самом деле — это уже другой вопрос. Существует такое расхожее мнение, что, мол, предки ничего не делали и не сочиняли просто так, и раз что-то они создали, значит, там заложен глубокий смысл. И отчасти это, конечно, верно. Но множество примеров из антропологии, этнографии, археологии и истории искусства доказывают, что

предки дурачились, выдумывали и прикалывались как только могли.

Мы в журнале неоднократно делали акцент на пересечении славянской мифологии и мифологии скандинавских стран. А как ты сама считаешь, почему у нас так много (и много ли) общего в народном творчестве?

Было бы странно, если бы культуры не пересекались, учитывая, как активно пересекались их носители. :) И это ещё не учитывая наше общее индоевропейское происхождение! Думаю, все индоевропейцы в каком-то смысле мыслили похожими мифологическими образами, но нам со скандинавами дополнительно помогли схожие ландшафты и климатические условия.

Если сравнить среднестатистического читателя журнала «Северный Ветер» и среднестатистического шведа — кто из них, по-твоему, лучше разбирается в скандинавской мифологии и истории северных стран?

Безусловно, наш читатель. Чтобы знать какую угодно тему, нужно её любить, специально изучать и вникать. Просто факт рождения в Московской области не сделает тебя автоматически специалистом по вятчикам. Точно так же дело обстоит и у скандинавов.

В последние годы весь мир узнал слово hygge. А есть ли у шведов нечто подобное — их собственное искусство жить «душевно»?

Да, есть в местной культуре два очень важных понятия. Одно из них — lagom, это слово можно перевести как «достаточно» или «в меру». Всё должно быть в меру — достаточно тепло в доме, но не жарко, достаточно рабочих часов в неделю, чтобы нормально зарабатывать, но не уставать и не стрессовать, достаточно хорошая машина, чтобы ездила и не ломалась, не слишком дешёвая, но и не слишком шикарная. А второе — fredagsmys, дословно — «пятничный уют». Это когда члены семьи или компания друзей решают, как они с максимальным уютом и расслаблением будут приятно проводить вечер пятницы. Хороший fredagsmys начинает планироваться уже с понедельника. Какой фильм смотреть, какую музыку слушать, что кушать, и так далее.

§ Пробовала ли ты сюрстрёмминг — ту самую знаменитую шведскую ферментированную сельдь? Действительно ли все настолько плохо, как описывают? Правда ли, что сами шведы её едят только в открытом поле и из вежливости?

Пробовала и его, и также хаукартль — это исландский аналог сюрстрёмминга, тухлая акула. У сюрстрёмминга есть свои фанаты и энтузиасты, которые прямо с нетерпением ждут второй половины августа, когда он появляется в продаже, они тщательно планируют дегустации и спешат тут же затариться заветными баночками, так что это для многих реально живая и важная традиция. Запашок у этого деликатеса крайне своеобразный, но вытерпеть можно. Новичкам и иностранцам советуют при поедании зажать нос и не вдыхать, и если удастся прожевать, не вдыхая, то на вкус оно, в принципе, не так уж и плохо. Профессионалы владеют техникой открывания банки под водой — вода в значительной мере нейтрализует запах. Чаще всего сюрстрёмминг действительно едят на открытом воздухе, причём правилом хорошего тона считается оповестить о своих планах соседей, чтобы те успели морально подготовиться или уехать подальше. Но можно найти и рестораны, где в меню есть эта гадость, и отвезти её в помещении.

§ А как шведы относятся к сериалу «Викинги»? Это для них гордость, испанский стыд или просто голливудская сказка?

Ну, гордость — это, наверное, слишком сильно сказано, ведь сериал, насколько мне известно, вообще канадский, и большинство актёров там не европейцы, а швед, по-моему, всего один — Густаф из известной актёрской династии Скашгордов. Испанский стыд по этой же причине им испытывать не за что, раз это не шведское производство. Остаётся вариант — голливудская сказка, которой никто не придавал особенно большого значения. По-моему, она уже давно не актуальна.

§ Ты хотела бы побывать в Эпохе викингов? Если бы у тебя была возможность выбрать для жизни любое время и место — что бы ты выбрала?

Если говорить о месте, то осталась бы в Скандинавии. А вот время... Конечно, безумно хотелось

бы своими глазами увидеть Эпоху викингов и подышать её воздухом, но только при условии, что с выбором времени мне также будет разрешено подкорректировать некоторые параметры, а именно: происхождение, пол и физические данные. Потому что очутиться в Эпохе викингов знатным и физически развитым мужчиной — это интересно: тут и с достойными людьми на равных пообщаться можно, и скальдическую поэзию научиться сочинять, и в дальние страны драккар снарядить, и мечом от врагов отмахаться. А вот очутиться там женщиной или тщедушным пареньком, да ещё и рабоче-крестьянского происхождения — думаю, будет опыт не самый приятный.

§ Ты предпочитаешь художественную или научно-популярную литературу? Кто твои любимые авторы? Расскажи о своих творческих планах. Есть ли что-то, над чем работаешь прямо сейчас или что очень хотела бы перевести (а может, выступить как автор) в будущем?

Я читаю примерно 50 на 50% художественное и научно-популярное. В прошлом году я выполнила перевод хорошей книги в жанре нон-фикшн — монографии профессора Гётеборгского университета Бритт-Мари Несстрём о жертвоприношениях в древнескандинавской религии, но текст всё ещё ждёт своего выхода на бумаге в издательстве Inverted Tree, надеюсь, что они смогут его выпустить. А сейчас я работаю над переводом объёмного труда Г.У. Хюльтена-Каваллиуса «Während och Wirdarne». Это колоссальное собрание сведений о народных верованиях жителей южной Швеции: суевериях, преданиях, обычаях, праздниках, мифических существах. Публикация такого сочинения наверняка порадовала бы многих, кто увлечён Скандинавией. В разделе «Переводы» далее в номере вы можете прочесть отрывок из этой книги. Ещё я бы очень хотела перевести недавно вышедшую книгу шведского специалиста по древнескандинавской литературе Даниеля Сэвборга (моего научного руководителя, кстати) о ключевых полулегендарных персонажах древней истории Швеции — там в числе персонажей и Ингьяльд Коварный, сжигавший своих врагов заживо, и конунг Фьельнир, который то ли случайно утонул, то ли сознательно утопился в бочке с пивом, и многие другие замечательные

исторические личности. Книга очень качественная, но пока не получилось заинтересовать издательства. Если же говорить о художественной литературе, то я очень люблю и хотела бы перевести увлекательную трилогию шведской писательницы и по совместительству археолога, специалиста по Эпохе викингов Катарины Ингельман-Сундберг, книги которой называются *Vikingablot*, *Vikingasilver* и *Vikingaguld* («Жертва викинга», «Серебро викинга» и «Золото викинга» соответственно). Это такие добротные приключенческие романы с боями на драккарах, путешествиями то по Скандинавии, то в Ирландию, то на Русь и, куда ж без этого, со страстной любовной линией, а происходит это всё на фоне приезда миссионера Ансгара в Бирку и первых попыток христианизации Швеции. Это если говорить о скандинавской литературе. А если о русской литературе, то, пожалуй, не могу упустить шанса порекомендовать вам мой любимый роман-двухтомник Алексея Иванова «Тобол» — это захватывающее и многогранное повествование, и я искренне завидую тем, кто ещё не читал его и может окунуться в эту потрясающую атмосферу впервые. Хоть действие там и происходит в начале

XVIII века, но дорогая моему сердцу Эпоха викингов тем не менее играет важную роль, поскольку именно успехами викингов в области освоения новых земель и их мифами о загадочной стране Биармии вдохновляется один из основных персонажей романа — Филип Юхан Табберт фон Страленберг (реальная историческая личность) — шведский военный, попавший в плен к русским после Полтавской битвы и сосланный в Сибирь, где он занимался составлением географических карт и сбором этнографических и исторических данных о России, в частности, написал несколько трудов о коренных народах Урала и Сибири. Очень интересный был человек, его именем сейчас названа улица в Стокгольме.

§ *Если бы кто-то сказал: «Хочу писать для «Северного Ветра», но не знаю с чего начать», — какой совет ты бы дала?*

Соберите воедино все темы, которые вам интересны, все задумки, которые у вас есть, и предложите их одному из редакторов СВ. Я в своё время так поступила — и вот, смотрите, к чему это привело. :) Желаю всем вдохновения и интересных открытий на пути изучения Эпохи викингов! ❖

*Группа Анастасии в ВК:
https://vk.com/biblioteka_vikinga*

Руны и Один в эддической поэзии: к вопросу интерпретации мифологических сюжетов

Георгий Юрьевич
ИРШИН

«Руны найдёшь и постигнешь зна-
ки сильнейшие знаки, крепчайшие зна-
ки, Хрофт их окрасил, а создали боги,
и Один их вырезал...» [Старшая Эдда.
Речи Высокого, 2000: 66] Так начина-
ется одно из повествований о рунах
в Речах Высокого Старшей Эдды. И в
действительности этот стих во многом
объясняет некоторую долю сакрализа-
ции письменности, присущую древне-
северной культуре, особенно на пер-
вых этапах её существования. Кроме
того, важно отметить и некоторую
сопричастность бога Одина, который
в представлениях древних сканди-
навов имел отношение к созданию рунической
письменности. Об общих мифологических пред-
ставлениях, образах двух важных компонентов
этой мифологической системы и возможной
связи между ними следует поговорить более
внимательно.

Наши представления о так называемой гер-
мано-скандинавской мифологии, как известно,
строятся прежде всего на группе источников: это
в первую очередь творение легендарного чело-
века своей эпохи Снорри Стурлурсона, которое
принято называть Младшей Эддой или прозаиче-
ской Эддой по аналогии со Старшей, поэтиче-
ской, некоторые произведения средневековой
поэзии, содержащие сказания о роде Вэльсунгов,
являющиеся по сей день основой германо-скан-
динавского эпоса (к ним же можно отнести *Сагу о Вэльсунгах*)¹, а также часть поэтического насле-

дия Скандинавии — эддические песни, большая
часть из которых содержится в манускрипте *Codex
Regius 2365* (CR 2365), его и называют Старшей
Эддой или «Поэтической Эддой».

Эддические песни — поэтические произве-
дения, которые условно в *Codex Regius* делят на
две части: песни о богах и песни о героях. Они
написаны аллитерационным стихом, имея, таким
образом, особую форму изложения. В первой
части песни Эдды больше связаны с мифоло-
гией как таковой, вторая же часть содержит ска-
зания о подвигах героев, из-за чего её называ-
ют эпической. По сей день эддическая поэзия
занимает достаточно неопределённое положе-
ние в мировой литературе. Во многом сложен
вопрос её происхождения, который также ведёт
за собой множество других вопросов. Несмотря на
детальную проработку некоторых из них: авторст-
во, запись песен, то есть переход из устного состо-
яния в письменное, вопрос соотносённости тек-
ста Эдды с другими сказаниями, — одним из самых
сложных вопросов остаётся интерпретация сюже-
тов, в них изложенных.

¹ Это, разумеется, прежде всего *Песнь о Нибелунгах*
и *Кудруна*. Отдельно можно выделить также и
англосаксонскую поэму *Беовульф*. *Сагу о Вэльсунгах* следует
причислять к ним очень осторожно, поскольку это иной
тип литературы. Её также называют средневековой
версией сказания.

С вопросом авторства в науке в последнее время господствует точка зрения авторства неосознанного [Гуревич, 1979] [Стеблин-Каменский, 1976]. То есть сами песни возникали в среде своего бытования во многом не как произведения конкретного человека, а, скорее, как явление, которое само по себе не считалось авторством. Во многом это объясняется через авторство формы, но не содержания мифов. Весьма немногочисленные сведения «Истории гетов» позднеримского историка Йордана говорят о песнях, которые исполняли готы, и о том, что в них говорится о древних временах: *«Перед [этим племенем] воспевали в песнях с припевами и [в сопровождении] кифар деяния предков-Этерпамары, Ханалы, Фридигерна, Видигойи и других; о них у этого племени высокое мнение, и едва ли сама достойная восхищения древность может похвалиться, что были у нее подобные герои»*. Вполне возможно, что эти тексты могли повлиять на создание произведения, переписываемого Йорданом. [О происхождении и деяниях Гетов, 1960: пар. 43, 73]

Есть ещё более ранние замечания римского историка Корнелия Тацита: *«В древних песнопениях, — а германцам известен только один этот вид повествования о былом и только такие анналы, — они славят порожденного землей бога Туистона. Его сын Манн — прародитель и праотец их народа; Манну они приписывают трех сыновей, по именам которых обитающие близ Океана прозываются ингевонами, посередине — гермионами, все прочие — истевонами»*. [О происхождении германцев и местоположении Германии, 1993: пар. 2]

Песни зародились среди германских племён ещё на рубеже эр, впоследствии во многом дополняясь так называемыми «отпечатками эпох». Тех эпох, сквозь которые они прошли вместе со своими носителями. Это объясняется значительной долей ощущения их во вневременном пространстве, особенно той части песен, где говорится о богах, поскольку сами они представлялись прежде всего частью той реальности, в которой жили слагавшие их люди. Об особенностях восприятия времени и пространства в эддических мифах подробно писал знаменитейший советский филолог-скандинавист М. И. Стеблин-Каменский в своей небольшой книге «Миф».

Так, ряд песен, вероятнее всего, претерпел изменения в эпоху Великого переселения народов, в эпоху тёмных веков в Скандинавии, имеющих название «вендельское время», и в более похожем для нас виде оформился уже в эпоху викингов. К моменту записи песен, вполне вероятно, могли происходить и иные изменения, но всё же основной их каркас сложился именно в VIII-XI веках и был записан уже в то время (XIII век), когда он стал восприниматься как несомненное прошлое. В эту эпоху был создан манускрипт Codex Regius 2365, который включил в себя некоторые из бытовавших «в старину» песен. Несколько других были найдены и в иных источниках, однако до нас дошла лишь небольшая часть этого устного наследия древнегерманской культуры. По-прежнему считается, что многие из песен не были записаны.

Частые сопоставления между текстами Старшей и Младшей Эдды занимают важную часть изучения мифологической картины древнесеверного мира. Эти тексты имеют череду пересечений. Песни Старшей Эдды цитируются в Младшей, как бы во многом объясняя весь мифологический контекст. Во время существования эддических песен в устной форме подобные пояснения были не настолько нужны, поскольку рассказывающие их люди понимали контекст сразу. Этим обуславливается сложность понимания эддических песен человеком другой эпохи. В Младшей Эдде Снорри Стурлурсона сохранилось об этом недвусмысленное пояснение: *«Умный человек не спросил бы этого, ибо всякий может об этом рассказать. Но если уж ты столь малосведущ, что об этом не слышал, достойно похвалы, что ты предпочел задать один неразумный вопрос, а не оставаться невеждою в том, что следует знать всякому»*. [Младшая Эдда. Видение Гюльви, 1970: 38–39]

Сквозь призму множества хейти, кеннингов и других приёмов этого вида поэзии пройти читающему достаточно нелегко. Во многом этим и объясняется создание Младшей Эдды Снорри Стурлурсоном, которая задумывалась как «учебник» для скальдов, содержащий пояснения поэтических приёмов для скальдической поэзии и краткую мифологическую справку. Прозаическая Эдда Снорри Стурлурсона и Поэтическая Эдда — два взаимосвязанных произведения, одно из которых поясняет другое. В данное время они

остаются двумя главными источниками наших знаний о скандинавской мифологии.

Всё же главной ценностью скандинавской мифологии, как и любой другой мифологии в целом, для исследователя являются заложенные в повествование сюжеты. Всякое изучение мифологии вращается вокруг них. Сами сюжеты содержат изобилие имён — упоминающихся в повествовании богов, мифологических существ, людей, названий, действий. Более всего примечателен в этом направлении анализ образов мифологии. Во многом не столько действующие лица того или иного эддического мифа и не столько окружающий их контекст позволяет судить об описываемом в мифе, сколько те мифологические образы, которые складываются в ходе повествования. Здесь же, конечно, стоит сделать оговорку на счёт субъективности в случае познания нами этого объекта — образ мифа во многом складывается в сознании человека, который этот миф пытается познать. С этой проблемой наука об изучении мифов столкнулась достаточно давно. Зачастую те, кто пытается объяснить происходящее в мифе, прибегают к необходимости выразить это через символы, образы действительности, представления о природе и многие иные привязки². Во многом из-за этого начинает теряться то понимание сюжетов, образов и собственно сущности мифа как такового. Именно на вопросе сущности мифа стоит остановиться.

М. И. Стеблин-Каменский видел сущность мифа как повествования, которое среди людей, его создавших, принималось за правду. Здесь просматривается очень сложный вопрос мифологического авторства, бессознательного по всей сути, из-за чего запечатлевшего в мифе ту действительность, которая была характерна для рассказчика. Возвращаясь к вопросу бессознательного авторства, стоит отметить, что Михаил Иванович отмечал 5 уровней авторства: 1) бессознательное или мифическое; 2) сказочное, характерное в большей мере для волшебной сказки; 3) скальдическое — автор осознаёт себя творцом формы; 4) эпическое — схожее с мифическим, но всё же имеющее за собой реальных героев, жизнь которых трактовалась в соответствии с идеалами

времени; и 5) литературное — автором осознаётся вымысел и собственно само авторство его [Стеблин-Каменский, 1976: 88]. Он просматривал эти уровни не только для Скандинавии, но говорил, что подобное было характерно для всей европейской литературы. На уровне авторства мифического стоит говорить прежде всего об отсутствии всякого сознательного вымысла, из-за чего человек не пытался вкладывать смыслы, идеи в рассказываемое. Оно скорее трактовалось как нечто, что было частью мира, особенно в отношении высших существ — богов, которые к тому же находились вне временного континуума. Таким образом, это подводит к мысли о сложности растолкования мифов и о ещё более великой сложности, возникающей в мифографии как таковой.

Сущность мифа противоречит самой попытке объяснения его с какой бы то ни было точки зрения. А точнее, во многом исключает возможность интерпретации, которая была бы понятна нам³. Из-за этого к материалу эддических мифов стоит относиться с известной долей осторожности и вести их трактовку, учитывая этот принцип.

М. И. Стеблин-Каменский (слева) вместе с исландским писателем Халльдором Кьяльном Лакнессом

С совершенно иной точкой зрения можно столкнуться, анализируя работы Е. М. Мелетинского. Другой именитый филолог к анализу эддических мифов применяет все возможные методы анализа, которые существовали в его время. При

² Здесь, конечно же, делается намёк на развитие мифологии в направлениях семиотиков, последователей эвгемерического подхода и натурфилософов. Некоторые из них встречаются и по сей день, но всё чаще вне научного мира.

³ Не согласиться с этим утверждением достаточно сложно, особенно осознавая, что сам М. И. Стеблин-Каменский был переводчиком Младшей Эдды, а также и главным редактором перевода текста Королевского манускрипта на русский язык. Тем не менее, по мнению автора настоящей работы, от любой интерпретации эддических мифов отказываться не стоит.

сравнении мифа о мёде поэзии с мифом о появлении рун Е. М. Мелетинский приходит к выводу о семантическом единстве сюжетов, используя при этом структурные распределения этих мифов по горизонтали и вертикали, говорит он также и о символическом значении мёда поэзии и рун, взывает и к обрядовой теории, говоря о шаманском экстазе в первом мифе, отсылая то к обрядам инициации, то к посвящению в шаманы. Всё это подтверждается достаточно точными аналогиями в финно-угорских мифах [Мелетинский, 1973: 146–147]. Иначе говоря, если для М. И. Стеблина-Каменского сущность мифа состоит в его отражении существующей реальности, а иначе говоря, он считает миф непосредственной реальностью людей, создававших эти мифы, то для Е. М. Мелетинского вопрос сущности мифа не является решённым. К нему приходится подходить через долгий анализ материала и через череду сопоставлений для выявления характерных закономерностей. Не пытаюсь разрешить правильность одного из этих подходов, всё же обращаю внимание на то, что реальность мифа во многом может быть и противоречивой.

В более точной форме это выразил один из героев фантазийного романа Анджея Сапковского, именуемого «Сага о Ведьмаке». Вот приведённая цитата из новеллы «Немного жертвенности»: *«Лютик знал — мало кто поверит в историю, рассказанную балладой, но не грустил об этом. Он знал, что баллады пишут не для того, чтобы им верили. Их пишут для того, чтобы волновать сердца»*. [Сапковский, 2013: 33]

Хотя роман и не имеет никакого прямого отношения к вопросам изучения эддической поэзии, всё же эта цитата во многом объясняет особенность уникального явления этого типа авторства, а точнее, наталкивает на мысль: если что-то рассказывалось, а уж тем более сохранилось в той или иной форме до наших дней, оно должно было вызывать отклик у людей, а соответственно, скрывало что-то такое, что было не просто отголоском действительности, но, вероятней всего, тем, что могло заинтересовать слушателя, ответить на важные для него вопросы⁴.

Именно поэтому вопрос толкования мифов, хоть и достаточно сложный, но по сей день необходимый. Иначе говоря, постановка вопроса становится немного иной: можем ли мы искать в мифах взаимосвязи или нет? Можем ли пытаться выразить не только миф как часть повествования или текста, но как нечто большее — а именно, исходить из того, что мифы становились частью картины мира? Так поднимается вопрос о том, что тот или иной миф является сведением о мифологической картине мира. Так эддические мифы отражают мифологическую картину мира древних скандинавов.

Всё же, говоря о сущности мифа, стоит сказать, что миф — это представление о реальности, которое до записи на пергамент существовало в устной форме. Это представление непременно значило для человека его времени достаточно многое. Это и первородная наука, и мудрость прошлого, и объяснение того, как устроен мир. Всё же в дихотомии «что из себя представляет миф»: ответ на возникающие вопросы или собственно вопросы, которые требуют ответа, — нет чёткой определённости. С одной стороны, миф мог быть пояснением чего-либо, с другой, вопросы, заложенные в нём, больше и чаще возникают у тех, кто пытается миф познать. Это ведёт к мысли: всё, что запечатлено в мифе, — часть реальности, но при этом она вызывает вопросы, на которые мы не можем сами себе дать ответы. Возможно, это объясняется нашей отдалённостью от той реальности, в которой жили древние скандинавы. И, к сожалению, преодолеть такую временную дистанцию можно лишь синтезируя все знания об образах, создавая общую картину. Этого не получается сделать, не прибегая к интерпретации сюжетов.

Образ Одина имеет весьма интересную историю. Вероятнее всего, сам он во многом компилятивен. Один прежде всего всеотец (Alfödur), но его также часто связывают с колдовством, воинственностью, миром мёртвых, обольщением, коварством и хитростью. Вся семантическая нагрузка, которая легла на образ этого бога, закономерно порождена мифами.

Так образ всеотца берётся из мифа о появлении мира благодаря сыновьям великана Бора: Один вместе со своими братьями Вили и Ве

⁴ По сей день некоторые строфы из перевода Речей Высокого на русский язык, стали расхожими цитатами в сети интернет. Особенно среди современных приверженцев так называемой Северной Традиции или Асатру.

создаёт мир из тела великана Имира⁵ — перво-родного великана, до которого в мире не существовало ничего. Такая запись встречается нами в Речах Гримнира:

*«Имира плоть
стала землей,
кровь его — морем,
кости — горами,
череп стал небом,
а волосы — лесом».*

[Старшая Эдда. Речи Гримнира, 2000: 91]

Более подробно об этом сюжете сказано в Младшей Эдде: *«Сказал тогда Ганглер: «За что же принялись тогда сыновья Бора, если они были, как ты думаешь, богами?» Высокий сказал: «Есть тут о чём поведать. Они взяли Имира, бросили в самую глубь Мировой Бездны и сделали из него землю, а из крови его — море и все воды. Сама земля была сделана из плоти его, горы же из костей, валуны и камни — из передних и коренных его зубов и осколков костей». Тогда молвил Равновысокий: «Из крови, что вытекла из ран его, сделали они океан и заключили в него землю. И окружил океан всю землю кольцом, и кажется людям, что беспрделен тот океан и нельзя его переплыть». Тогда молвил Третий: «Взяли они и череп его и сделали небосвод».* [Младшая Эдда. Видение Гюльви, 1970: 24–25]

Мотивы колдовства идут красной линией через многие мифы. С воинственностью, как и с миром мёртвых, Одина связывают прежде всего из-за мифа о Вальхалле — чертоге внутри Асгарда, где пируют воины-эйнхерии, удостоившиеся такой чести, славно погибнув в бою. Их ведут туда валькирии — девы-воительницы, слуги Одина, про которых также говорят, что они решают исход битвы. Именно война является главным спутником Одина, во многом по этой причине в эпоху, когда начинает появляться вождество и дружины, именно Одину начинают отдавать большее предпочтение. Само зарождение классовой прослойки общества, где битва является главной связующей жизни, во многом предопределяет то значение, которое отражено в мифологическом образе Одина, как бога войны [Хлевов, 2019:137]. С другой

же стороны, Один — бог войны ещё и потому, что в мифе всё, что связано с войной, непременно связано именно с ним. Во время войны асов и ванов Один бросает копье в сторону ванов, тем самым вызывает на битву:

*«В войско метнул
Один копье,
это тоже свершилось
в дни первой войны;
рухнули стены
крепости асов,
ваны в битве
врагов побеждали».*

[Старшая Эдда: Прорицание Вельвы, 2000: 28–29]

Нельзя забывать, что у Одина из всех его атрибутов одним из главных было копье Гунгнир, выкованное карликами. Кроме того, многое связывает Одина и с разным другим оружием, которое упоминается в эпосе. Так весьма любопытно упоминание меча Грам в Саге о Вельсунгах — Один дал это меч своему потомку Сигмунду и забрал его у него после, разбив на части. Меч был перекован и снова вернулся людям из рода Вельсунгов — а именно, Сигурду. Так передача оружия стала некоторым пусковым механизмом во всей истории их рода. Через Грам Один влиял на судьбу Вельсунгов. Ведь верно будет заметить, что после того как клинок был сломан, этот род пришёл в некоторый упадок, но с момента перековки клинка наступает время его относительного возрождения в былой славе: Сигурд побеждает Фафнира и становится славнейшим из конунгов. Однако есть этому и другие примеры. Впрочем, это вопрос иного характера, и, вероятней всего, кто-то за него ещё возьмётся.

Отражено в мифах также и то, что Один поднимал мёртвых для того, чтобы разговаривать с ними. К данному тезису можно привести два сюжета из эддической поэзии: поднимание мёртвой вельвы (провидица, ведьма; смотрите славянское слово: вещунья) в песне Сны Бальдра или Песне о Вегтаме [Старшая Эдда. Сны Бальдра, 2000: 350] и упоминание о том, что Один беседовал с головой убитого Мимира, который был заложником у ванов [Старшая Эдда. Прорицание Вельвы, 2000: 34]. Особенная черта Одина как своего рода некроманта заслуживает

⁵ М. И. Стеблин-Каменский отмечал, что то же самое можно говорить и о корове Аудумле, молоком которой питался Имир. Однако точной первичности здесь установить невозможно.

отдельного внимания⁶. Всё это прямо соотносит его и с колдовством. Во многом по этим мифам Один считается и богом мёртвых. Опять-таки в противопоставлении его с образом Хель — владычицы мира мёртвых, именуемого Хельхейм. В узком смысле Один — не бог мёртвых, а скорее проводник, тот, кто решает исход сражения, влияет на судьбу людей. Правильней его было бы назвать богом смерти. Хотя намного вернее это значение передают некоторые хейти и кеннинги из Языка Поэзии: *«Тюр повешенных», «ас воронов», «бог павших»* [Младшая Эдда: Язык Поэзии, 1970: 105–106]. Есть похожий пример, но связанный с колдовством в Снах Бальдра: *Отец колдовства* [Старшая Эдда. Сны Бальдра, 2000: 349].

Образ обольстителя связан прежде всего с Песней о Харбарде и некоторыми фрагментами из упоминаний других мифов. В Песне о Харбарде Один принимает облик юноши и дразнит Тора, когда тот не может перебраться через реку. Здесь он говорит Тору, что пока он воюет и совершает подвиги, сам Харбард тешитя с женщинами:

*«Милыми были,
когда покорялись,
разумными были,
верность храня;
веревку они
из песка свивали,
землю копали
в глубокой долине;
я всех был хитрей —
с семью я сестрами
ложе делил,
их любовью владел
А что ты делал, Тор?»*

[Старшая Эдда. Песнь о Харбарде, 2000: 106–107]

Мотив обольщения странником, который не тот, кто он есть на самом деле, находит весьма интересную параллель в одной средневековой скандинавской балладе под названием «Бродяга»,

вероятней всего, шведского происхождения. [Скандинавская баллада, 1978: 163] Сюжет связан с тем, как бродяга играет с барышней в кости, и барышня ему проигрывает. Желанием бродяги становится сама девушка. В конце повествования бродяга оказывается благородным мужем. Этот сюжет интересен двумя элементами: игрой с бродягой и самим бродягой, который не тот, кем кажется. Весьма любопытное совпадение с Одином. Игра, хитрость, обольщение, смена обличий — это одна из сторон этого аса, которую нам показывают мифы.

Также многое сказано и о коварстве Одина в другой песне перебранке — Перебранки Локи, где он обличает на пиру всех богов, в том числе и Одина:

*«Ты, Один, молчи!
Ты удачи в боях
не делил справедливо:
не воинам храбрым,
но трусам победу
нередко дарил ты».*

[Старшая Эдда. Перебранка Локи, 2000: 127–128]

Само коварство, конечно же, проявляется в несправедливости жизни. Битва забирает лучших — простая истина, которая весьма точно завуалирована в действиях Одина. М. И. Стеблин-Каменский объясняет коварство Одина тем, что он желает взять лучших в Вальхаллу и именно из-за этого даёт победу слабому, и всё потому, что ему нужны воины на последней битве мира — Рагнарёке.

Всё же все эти образы Одина появились не одновременно. Существует точка зрения, что Один стал занимать преваляющую роль в культе древних германцев достаточно поздно. Зачастую это связывают с ролью вождя дружины, которая отличалась от племенного предводителя и со временем возросла. Во многом культ этого бога унаследовал культы других богов, которым поклонялись до него: это и культ Фрейра, и культ Тора, и культ Тюра, который, вполне вероятно, мог сливаться с Тором до поры до времени. Феномен образа Одина в древнегерманской культуре подробно рассмотрен в работе А. А. Хлевова «Предвестники викингов» [Хлевова, 2019: 162–178]. Он отмечает некоторую неясность в прочтении образа

⁶ В самом деле, подобный термин «некромант» можно считать неуместным в применении его к Одину, поскольку он всё же имеет большее отношение к античным культам и в особенности хранит множество напластований нашего современного восприятия, начиная от Джона Ди и Алистера Кроули и заканчивая произведениями Говарда Лафкрафта. Тем не менее, вопрос ещё не изучался.

Одина как главного бога пантеона, говоря о том, что подобную роль также может играть и Тор.

Важно заметить, что образ Одина во всём зависит от того или иного сюжета, встречаемого в песнях. В самом деле, именно пересказанные в песенной форме сюжеты — ключ к пониманию образа. И он получается достаточно разноплановым. Один и юноша, совращавший девиц, и коварный игрок, и связанный с миром мёртвых бог войны, и колдун, и во всём этом — бог-всеотец. Во многом этим и объясняется одна из строф песни Речи Гримнира:

*Дерево лучшее —
ясень Иггдрасиль,
лучший струг — Скидбладнир,
лучший ас — Один,
лучший конь — Слейпнир,
лучший мост — Бильрёст,
скальд лучший — Браги
и ястреб — Хаброк,
а Гарм — лучший пес.*

[Старшая Эдда. Речи Гримнира, 2000: 91–92]

Сама оценка этой строфы песни приводит к мысли, что Один и его действия занимают центральное или, лучше сказать, ключевое положение в эддических мифах. Свою роль Один играет и в эпосе, что выше упоминалось на примере сказания о Вельсунгах. Есть некоторые упоминания об Одине и в королевских сагах. Так в Саге об Олаве сыне Трюггви примечательно одно из упоминаний о его беседе с Одином на пиру. Олав в то время уже принял христианство, но всеотец пришёл к нему и долго рассказывал о далёких землях: *«Рассказывают, что, когда Олав конунг гостил в Эгвальдснесе, однажды вечером туда пришел какой-то человек, старый и очень красноречивый. У него была шляпа с широкими полями и только один глаз. Он умел рассказывать обо всех странах. Он завел разговор с конунгом. Конунгу очень понравились его речи. Конунг спрашивал его о многих вещах, и гость всегда умел ответить на его вопросы, так что конунг засиделся с ним до позднего вечера»*

И поутру конунг сказал: *«Наверное, это был не человек», — сказал он, — это был, наверное, Один, в которого язычники долго верили. Но Одину не удастся перехитрить меня»*. [Сага об Олафе сыне Трюггви: пар. LXIV]

Этот фрагмент можно использовать в характеристике Одина как хитреца, только уже в другом ключе, нежели с обольщением. В саге дальше рассказывается, что Один приходил к поварам конунга и отдал им мясо — конину. Это мясо издревле считалось связанной с почитанием Одина. Считается, что так бог-всеотец желал вернуть людей, собравшихся на пиру, к поклонению себе.

Образ Одина — а лучше сказать, он сам — часто появляется в сагах. Приведённый пример не единственный, но один из самых ярких. Он во многом же и подтверждает, что миф был не просто отражением реальности древнесеверного мира, а именно частью той реальности, в которой жили древние скандинавы. Именно так об этом говорит и М. И. Стеблин-Каменский. [Стеблин-Каменский, 1978: 4–5, 8, 30] Собственно, пример показывает также, что эддические мифы в той или иной форме сохраняли своё значение и в христианскую эпоху.

Ещё одной важной привязкой к Одину является образ рун. Однако очертить точно характер этой связи мы не можем. Руны не являются атрибутом Одина наравне с двумя воронами и двумя волками (Хугин и Мунин, и Гери и Фреки) или конём Слейпниром. Или наравне с предметами — копьём Гунгнир, кольцом Драупнир. В то же время любопытен, с другой стороны, и тот факт, что

мы практически не встречаем и кеннингов, которые хоть как бы содержали слова «руна» в себе. Более того — кеннингов рун мы также не встречаем⁷. По какой причине? Пока что ответ на это получить сложно. Тем не менее в эддических песнях упоминание рун значительно частое. Одними из интереснейших можно считать фрагменты из Речей Высокого, Речей Сигрдривы и, конечно же, несколько упоминаний в Песне о Риге.

Главная и основная роль Одина, которую он исполнил по отношению к рунам, представляется благодаря этому фрагменту:

*138 Знаю, висел я
в ветвях на ветру
девять долгих ночей,
пронзенный копьем,
посвященный Одину,
в жертву себе же,
на дереве том,
чьи корни сокрыты
в недрах неведомых.*

*139 Никто не питал,
никто не поил меня,
взирал я на землю,
поднял я руны,
стена их поднял —
и с древа рухнул.*

[Старшая Эдда. Речи Высокого, 2000: 65]

Этот фрагмент трактуют по-разному. Одина часто здесь представляют как шамана, который через экстатическое состояние приходит к рунам, «сильнейшим знакам». Некоторые видят в этом образе отсылки к обряду инициации. Была и трактовка, что это поздняя легенда, взявшая своё начало от образа Христа. На взгляд автора подобное является исчерпывающим.

Образ Одина в этом сюжете нельзя видеть однобоко. В то же время вызывают интерес и другие фрагменты песни. Дело в том, что в повествовании Речей Высокого множество замечаний о древней мудрости. Один будто бы даёт советы (похожая формулировка есть в Песне о Риге:

17 Риг им советы умел преподать) [Старшая Эдда. Песнь о Риге, 2000: 357]. Сами Речи Высокого практически целиком и полностью состоят из различного рода поучений. Так выглядит фрагмент с упоминанием житейской мудрости:

*«10 Нету в пути
драгоценной ноши,
чем мудрость житейская,
дороже сокровищ
она на чужбине —
то бедных богатство.*

*11 Нету в пути
драгоценной ноши,
чем мудрость житейская,
хуже нельзя
в путь запастись,
чем пивом опиться».*

[Старшая Эдда. Речи Высокого, 2000: 40]

Эта самая древняя мудрость или, как её переводят часто, — мудрость житейская (*mannvit*)⁸ связывается с Одином, соответственно, может быть связана и с рунами. Любопытно, что все поучения в мудрости, советы, которые даёт Один неизвестному «Лоддфафниру», так или иначе пересекаются с рунами. Особенно заметно подобное в этом фрагменте:

*«80 Вот что отвечаю,
когда вопрошаешь
о рунах божественных,
что создали сильные,
а вырезал Вещий:
благо в молчанье.*

*81 День хвали вечером,
жен — на костре,
меч — после битвы,
дев — после свадьбы,
лед — если выдержит,
пиво — коль выпито».*

[Старшая Эдда. Речи Высокого, 2000: 52–53]

«Вот, что отвечаю, когда вопрошаешь о рунах божественных» и далее поучения в мудрости. Будто бы само знание рун предполагало необходимость знать многое и, собственно, владеть тем, что называют «*mannvit*». В другом фрагменте говорится так:

⁷ Вопрос на деле сложнее, чем кажется. Кеннингов рун в их множественном числе в действительности не так легко найти, а вот пояснения или форма загадки для отдельных знаков существует. Это так называемые рунические поэмы, где каждая руна представлена в виде загадки и возможной игры слов и ассоциаций. Но так или иначе в эддической поэзии подобное ещё не встречалось.

⁸ Можно предположить, что слово «*mannvit*» делится на *mann* – *мадр* «человек» и *vit* – *вйт* «мудрый» от глагола *vita* – *знать*. То есть дословно: мудрость человеческая или людская мудрость [Стеблин-Каменский, 1955: 252, 275].

«111 Пора мне с престола
тула поведать
у источника Урд;
смотрел я в молчанье,
смотрел я в раздумье,
слушал слова я;
говорили о рунах,
давали советы
у дома Высокого,
в доме Высокого
так толковали:

112 Советы мои,
Лоддфафнир, слушай,
на пользу их примешь,
коль ты их поймешь:
ночью вставать
по нужде только надо
иль следя за врагом».

[Старшая Эдда. Речи Высокого, 2000: 58–59]

И снова упоминание рун и вместе с ним житейские советы. Так можно подойти к некоторому тождеству между рунами и «*mannavit*». Однако подобное замечание не в меньшей мере, чем отождествление Одина с шаманом, некромантом или даже Иисусом, может поддаться критике. В действительности недостаточно обосновано говорить, что руны и есть эта житейская мудрость, однако, что эти понятия связанные, можно сказать наверняка.

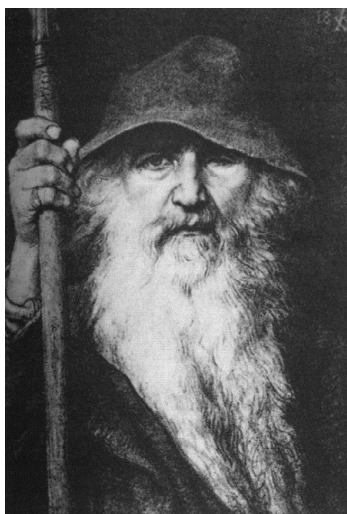
Другая песня, где идёт подробное повествование о рунах, называется «Речи Сигдривы». В песне рассказывается о валькирии, которая была в заточении в чертоге, окружённом огнём, на горе Хиндарфьялль. Сигурд зашёл в этот чертог и разрубил кольчугу, в которой спала эта женщина. Пробудившись ото сна, она начала вести поучения в рунической и прочей-всякой мудрости Сигурду:

«Тогда он просит поучить его мудрости, раз она знает, что нового во всех мирах. Она сказала:
Клену тинга кольчуг
даю я напиток,
исполненный силы
и славы великой;
в нем песни волшбы

и руны целящие,
заклятья благие
и радости руны.
Руны победы,
коль ты к ней стремишься, —
вырежи их
на меча рукояти
и дважды пометь
именем Тюра!»

[Старшая Эдда. Речи Сигдривы, 2000: 241]

Сюжет весьма любопытен: по замечаниям Стеблина-Каменского, Сигдрива здесь ещё не отождествлена с Брунхильдой или, вероятно, это могло быть иное имя эпической героини. Сигурд просит валькирию поучить его мудрости, потому как существовало поверие, что спящий путешествует по другим мирам, что, соответственно, в долгом сне усиливается, потому считалось, что такой человек хранит много мудрости. Фра-

зу: «Клену тинга кольчуг (воину) даю я напиток...» можно сравнить с мифом о мёде поэзии, что, насколько известно, уже проводилось [Мелетинский, 1973: 146–148]. В этой песне руны как бы разделяются на несколько категорий, если можно к ним подобрать такое слово. Вышеупомянутые руны победы — не единственные, в тексте приводятся также и руны пива, повивальные руны, руны прибоа, целебные руны, руны речи и руны мысли. Причём нужно настоять, что это

именно категории. Ведь они резонно отличаются от обыкновенных эпитетов, которые часто можно встретить, таких как:

«Кон юный ведал
волшебные руны,
целебные руны,
могучие руны;
мог он родильницам
в родах помочь,
мечи затупить,
успокоить море».

[Старшая Эдда. Песнь о Риге, 2000: 363]

И то в последнем случае подобное тоже можно считать не фигурой речи, а именно частью характеристики. Разница заключается лишь

в том, что в Речах Сигдривы, вероятно, речь идёт о конкретных рунах, нежели обо всех, как в Песне о Риге. Прямо об этом свидетельствует точное упоминание имён рун в строках: и дважды пометь именем Тюра» или «руну Науд — на ногте»; косвенно — что все 24 руны можно разделить по приведённым строкам песни, учитывая род (aett) каждой из них. Ещё одним подтверждением, что это самые что ни на есть конкретные руны, является предостережение Сигдривы:

*«То руны письма,
повивальные руны,
руны пива
и руны волшбы, —
не перепутай,
не повреди их,
с пользой владей ими;
пользуйся знаньем
до смерти богов!»*

[Старшая Эдда. Речи Сигдривы, 2000: 244]

В то же время в отношении характеристики важно отметить, что, несмотря на возможное упоминание конкретных знаков, грань между эпитемом и определением здесь абсолютно размыта. Строфа, где говорится про руны мысли, возвращает нас к мифу об обретении рун Одином:

*«Познай руны мысли,
если мудрейшим
хочешь ты стать!
Хрофт⁹ разгадал их
и начертал их,
он их измыслил
из влаги такой,
что некогда вытекла
из мозга Хейддраупнира
и рога Ходдрофнира».*

[Старшая Эдда. Речи Сигдривы, 2000: 242–243]

Весьма любопытная связь прослеживается между фрагментом из Речей Высокого и Речами Сигдривы. Здесь же упоминание рун в контексте с поучениями в мудрости указывают на некоторую связность этих понятий. Из общего контура этих песен можно вывести, что связь рун с божественным, или попросту их сакральность, очевидна. Совершенно другой вопрос стоит в отношении

степени сакрального отношения к рунам. Само слово «гипа», означающее в немецком языке дословно «тайна», «загадка», подводит нас если же не к сакрализации письменности у древних германцев, то однозначно к её «энигмизации». Весьма точно представления древних германцев о рунах выразил Г. С. Лебедев в разговоре о брактеатах эпохи великого переселения народов: *«Руны, асы, магическая сила золота — этот круг представлений вводит нас в мир скандинавской мифологии и эпоса, песен «Эдды»* [Лебедев, 1985: 33]. В действительности, именно подобное представление о рунах сохранила для нас эддическая поэзия.

Сама связь рун с золотом более всего представлена в материальной культуре на золотых украшениях, к примеру, рог из Галехуса, или на брактеатах — маленьких золотых медальонах-пластинках, которые делались в подражание римским медальонам. На них часто есть рунические надписи, кроме этого встречаются и изображения. Изначально это были портреты римских императоров, которые впоследствии переходили в изображения большеголового всадника. Г. С. Лебедев предполагал, что на брактеатах типа С, отличающихся уже как местный тип с характерными рисунками, изображён Тор верхом на козле [Лебедев, 1985: 32–33] (Колесница, в которую запряжены козлы, считается атрибутом Тора). Сам зверь, на котором едет герой сюжета брактеата, имеет рога и весьма явные намёки на бороду. В случае же с памятниками духовной культуры подобная связь не кажется ясной, однако же, стоит обратить внимание на некоторую связность трёх понятий: золото, руны и удача. А также влияния на них образа Одина. Один и бог побед, соответственно, дающий удачу, он же «поднял руны». Связь удачи и золота во многом обусловлена огромным количеством болотных кладов, которые встречаются в Скандинавии. Золото не было просто предметом роскоши, оно было тем, что говорит о твоих деяниях, неким подтверждением подвигов. А в логике древнего германца, кто богат — тот удачлив. Подобный вопрос до конца не исчерпан и, вероятно, будет ещё изучаться.

Песнь о Риге, в отличие от вышеприведённых двух песен, имеет свои особенные черты. Прежде всего, она не является частью манускрипта Codex

9 Хрофт — одно из хейти Одина.

Regius 2365, но так или иначе часто издается с его песнями. Также её в равной степени нельзя отнести ни к эпосу — сказаниям о героях, ни к мифу — то есть к деяниям богов. В этой песне идёт повествование о том, как Риг (в пояснении к песне его связывают с Хеймдалем) шел по дороге и останавливался у людей. Сначала он был у треллей, то есть рабов, и породил им детей, потом у карлов, то есть земледельцев-бондов, потом у знатных людей, и всё так же порождал им детей. Мотив можно осторожно отнести к вопросам божественного происхождения каждого из типов людей, с предельной уверенностью следует сказать, что песня отражает общие представления об устройстве общества в родоплеменной Скандинавии. Каждому из детей приписываются нужные умения: для треллей — выносливость и сила, для бондов — хозяйственность, для знатных людей — воинственность. Также важно отметить, что в описании того, что умел сын Рига, Ярл, есть и упоминание о рунах, наравне с охотой, владением оружием и разной воинской бравостью:

*«Тут из лесов
Риг появился,
Риг появился,
стал рунам учить;
сыном назвал его,
дал свое имя,
дал во владенье
наследные земли,
наследные земли,
селения древние».*

[Старшая Эдда. Песнь о Риге, 2000: 361]

Весьма любопытно, что вместе с обучением рунам Риг дал наследные земли во владение и, что не менее важно, имя. Так выходит, что руны в представлении древних скандинавов имели важную связь не только с тайной, но и с властью и правом власти. Подобное также выделяется и в отношении рунических камней — распространённому явлению в Скандинавии эпохи Великого переселения. На камнях часто писались формулировки из трёх основных пунктов: кто поставил камень, кто вырезал руны и по кому камень поставлен. Идеальная форма из трёх частей более характерна, ради правды стоит сказать, уже для эпохи викингов. По мнению некоторых исследователей, рунические камни говорили о том, кому принадлежит имущество умершего человека. Тот,

кто поставил камень, обычно выступал в роли наследника. [Кузьменко, 2012: 683, 704] Так мы находим весьма точное сопоставление с памятниками материальной культуры. Более подробно вопрос о связи рун с правящим сословием в Скандинавии автор рассматривал в одной из своих работ.

Ещё более интересное замечание встречается в рассказе о сыне Ярла-Рига — Коне юном¹⁰. Одна из строф уже приводилась в пример (смотрите выше). Но также есть и другие весьма интересные строфы:

*«Знал птичий язык,
огонь усмирял,
дух усыплял,
тоску разгонял он;
восьмерым он по силе
своей был равен.
В знании рун
с Ярлом Ригом он спорил,
на хитрость пускаясь,
отца был хитрее:
тогда приобрел он
право назваться
Ригом и ведать
могучие руны».*

[Старшая Эдда. Песнь о Риге, 2000: 363]

Так мы снова видим упоминание, что вместе со знанием рун человек начинает обладать именем Риг. Любопытно, что не только знание рун, но и птичьего языка, а также умение усыплять дух и тоску разгонять, а кроме того, и недюжая сила были особенностью Кона. Важна и приписка о хитрости, которой обладал Кон и потому получил право «ведать могучие руны». Судя по тому, как выглядит «портрет» человека, владевшего рунами, можно с известной лёгкостью заявить, что в мифе рунам приписывалась особая доля силы человека, его могущественности. Далее Кон ведёт разговор с вороном, где птица упрекает его в бездействии и в отсутствии славы, на чём сюжет прерывается. По примечаниям М. И. Стеблина-Каменского известно продолжение его из двух других исландских источников. В общем и целом следует сказать, что в отличие от первых двух песен, где руны

¹⁰ В оригинале имя звучит примерно так: «konr ungr», что также можно записать как konungr, то есть конунг – правитель. Подобные говорящие имена встречаются на протяжении всей песни.

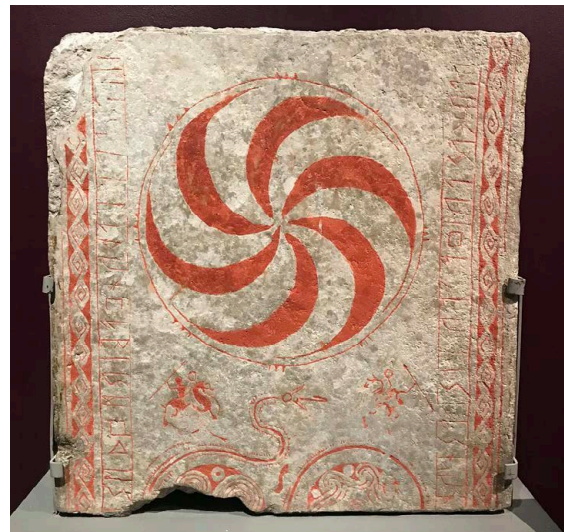
занимают значительную часть сюжета, в Песне о Риге говорится уже о человеке, который этими знаками владеет, а точнее, говорится именно в ключе происхождения этого человека. Так, весьма любопытна привязка к роду. Однако это ни в коем случае не указывает нам на то, что есть конкретные людские семьи, которые хранили это искусство. В песне говорится и о других сыновьях Ярла, которые владели иными умениями:

*«Ярла сыны
молодые росли,
щиты мастерили,
стрелы строгали,
укрощали коней,
потрясали щитами».*

[Старшая Эдда. Песнь о Риге, 2000: 362]

Здесь отрывок нам указывает скорее на исключительность во владении этим умением. Кон был единственным из сыновей Ярла, кто ведал руны. Это вполне отвечает на свидетельства действительности: и в эпоху переселения, и в более ранние эпохи вырезать руны мог далеко не каждый. На это указывает как количественное соотношение находок¹¹ по сравнению с поздними эпохами — эпохой викингов и высоким средневековьем, — так и характерная лаконичность и зачастую непереводаемость надписей. Весьма любопытно, что те качества, которыми обладал Кон Юный, в чём-то сходятся с теми чертами, которыми обуславливается образ Одина. В предписании к Песне о Риге, как уже выше говорилось, Риг сопоставляется с Хеймдаллем — богом, которому предназначено использовать рог Гьяллахорн во время начала Рагнарёка. Кроме этого эпизодического упоминания мы о нём мало что знаем. Во многом поэтому и по другим причинам Рига часто сопоставляют с Одином. Один, без сомнения, был привязан к образу рун, связан с их созданием, а кроме того, он считается и всеотцом. Также важно отметить, что Один часто влиял на судьбы людей и их рода через то, что давал им, — именно такая логика заложена в повествовании истории о Вельсунгах и мече Граме, возможно, что она устанавливается и здесь. Своеобразный «дар богов» и его поэтика нашли яркое отражение в германо-скандинавском эпосе.

¹¹ *Находки предметов с руническими надписями времён существования старшего ряда составляют чуть меньше 500, а находки более поздних эпох — превышают 6000.*

(Рунический камень из Мартебо G 264 | KJ99Aнт)

Заключение

Образ Одина и образ рун запечатлены как одни из самых ярких образов эддической поэзии — главного источника по изучению скандинавской мифологической картины мира. Во многом можно провести связь между образами, в первую очередь, за счёт ключевой роли Одина в сюжетах, связанных с рунами. Сам Один предстаёт и как тот, кто владеет рунами, и как тот, кто даёт это знание людям, и как тот, кто сам отдаёт сакральную жертву за получение знания. Весьма любопытны попытки связать между собой руны и другие знания, а точнее, понятие *manpvið*, переводимое как житейская мудрость или дословно: мудрость людская, человеческая. В этом слове можно наблюдать комплекс понятий, представлений той действительности, которая отражена в эддических мифах. Сама сущность мифа во многом осложняет возможность его интерпретации, поскольку мифы не были созданы людьми современности, однако в то же время именно попытки интерпретировать мифологические сюжеты позволяют нам не только раскрыть содержание их, но и открыть корпус представлений человека прошлой эпохи о том континууме, в котором он жил, о том, что он чувствовал и как ощущал этот мир. В процессе рассмотрения сюжетов трёх песен Старшей Эдды наблюдается чёткая взаимосвязь их за счёт тех образов, которые в мифе встречаются. Если в первой песне мы встречаем поучения в мудрости и сюжет с обретением

рун, то во второй — тоже поучения в мудрости и раскрытие порядка семантики рунических знаков. Третья песня, вероятно, является отражением представления о рунах как о некотором «даре богов», то есть того, что наряду с другими умениями было передано людям от асов. Это подводит к мысли о сути сакрального значения рунической письменности на первых этапах её существования. Образ Одина и образ рун помимо

взаимосвязи имеют также и достаточную сакрализацию. В работе рассмотрены в большей степени именно три эддические песни: Речи Высокого, Речи Сигдривы и Песнь о Риге. В этом отношении остаются позади содержания некоторых других эддических песен, не вошедших в Codex Regius 2365. Однако именно с перечисленными тремя были связаны задачи этого исследования.

Литература

1. **Гуревич А. Я.** Эдда и Сага: монография. Москва: Издательство Наука, 1979. 191 с.
2. **Корнелий Тацит.** Сочинения в двух томах. Том I. «Анналы. Малые произведения»/ Издание подготовили А. С. Бобович, Я. М. Боровский, М. Е. Сергеев — М., Науч.-изд. центр «Ладомир», 1993. — 2 тома
3. **Иордан.** О происхождении и деяниях гетов = *Getica* / Вступительная статья, перевод, комментарий Е. Ч. Скржинской. — М.: Издательство восточной литературы, 1960. — 436 с.
4. **Кузьменко Ю. К.** Особенности скандинавских надписей на камнях (II-VII веков н. э.) // Ю. К. Кузьменко. — СПб., 2012. — С 683–706
5. **Лебедев Г. С.** Эпоха викингов в Северной Европе/ Г. С. Лебедев — Ленинград.: Издательство Ленинградского университета, 1985. — 284 с.
6. **Мелетинский Е. М.** О семантике мифологических сюжетов в древнескандинавской (эддической) поэзии и прозе: статья// Скандинавский сборник. Таллинн: Ээсти Раамат, 1973. № 18. С 145–156
7. **Младшая Эдда.** Видение Гюльви/ перевод с древнеисландского О. А. Смирницкой, ред М. И. Стеблин-Каменский. Ленинград.: Издательство Наука Ленинградское отделение, 1970. — 253 с.
8. **Младшая Эдда:** Язык Поэзии// перевод с древнеисландского О. А. Смирницкой, ред М. И. Стеблин-Каменский. Ленинград.: Издательство Наука Ленинградское отделение, 1970. — 253 с.
9. **Сага об Олафе сыне Трюггви** // Северная слава — URL: <https://norroen.info/src/konung/heimskringla/olaf-tr/ru.html> [дата обращения: 21. 10. 2024]
10. **Сапковский А.** Меч Предназначения. Немного жертвенности: новелла Перевод. Е. Вайсброт, наследники.: Издание на русском языке AST Publishers, 2013 [электронный ресурс] (<https://knigogid.ru/books/173668-nemnogo-zhertvennosti/toread?ysclid=m2p4mg2s2zn878557666>)
11. **Старшая Эдда:** Эпос / Пер. с древнеисл. А. Корсуна, ком. М. Стеблин-Каменский. — СПб.: Азбука, 2000. — 464 с.
12. **Старшая Эдда.** Песнь о Риге/ Пер. с древнеисл. А. Корсуна, ком. М. Стеблин-Каменский. — СПб.: Азбука, 2000. — 353–364 с.
13. **Старшая Эдда.** Песнь о Харбарде/ Пер. с древнеисл. А. Корсуна, ком. М. Стеблин-Каменский. — СПб.: Азбука, 2000. — 103–113 с.
14. **Старшая Эдда.** Перебранка Локи/ Пер. с древнеисл. А. Корсуна, ком. М. Стеблин-Каменский. — СПб.: Азбука, 2000. — 122–137 с.
15. **Старшая Эдда.** Прорицание Вёльвы/ Пер. с древнеисл. А. Корсуна, ком. М. Стеблин-Каменский. — СПб.: Азбука, 2000. — 23–38 с.
16. **Старшая Эдда.** Речи Высокого/ Пер. с древнеисл. А. Корсуна, ком. М. Стеблин-Каменский. — СПб.: Азбука, 2000. — 38–70 с.
17. **Старшая Эдда.** Речи Гримнира/ Пер. с древнеисл. А. Корсуна, ком. М. Стеблин-Каменский. — СПб.: Азбука, 2000. — 82–94 с.
18. **Старшая Эдда.** Речи Сигдривы/ Пер. с древнеисл. А. Корсуна, ком. М. Стеблин-Каменский. — СПб.: Азбука, 2000. — 239–247 с.
19. **Старшая Эдда.** Сны Бальдра/ Пер. с древнеисл. А. Корсуна, ком. М. Стеблин-Каменский. — СПб.: Азбука, 2000. — 349–352 с.
20. **Стеблин-Каменский М. И.** Миф/ М. И. Стеблин-Каменский — Ленинград: Наука, 1978. — 104 с.
21. **Стеблин Каменский, М. И.** Скандинавская Баллада: сборник баллад/ Г. В. Воронкова; Игн. Ивановский; ответственный редактор М. И. Стеблин Каменский. — Ленинград: Наука, 1979. — 183 с.
22. **Стеблин-Каменский М. И.** Древнеисландский язык: учебник/ М. И. Стеблин-Каменский — Москва: Издательство литература на иностранных языках, 1955–285 с.
23. **Хлевов А. А.** Предвестники викингов: монография/ А. А. Хлевов. — СПб.: Евразия, 2019. — 336 с.

Как праздновать Саунь в современном городе?

Сергей ПАГАНКА

Обзор первоначально был опубликован на сайте *Кельтская реконструкция и друидизм* — DRUIDISM.RU

Приближается ноябрь, а вместе с ним и традиционный для кельтов праздник Саунь¹. В этой статье мы попытаемся ответить на интересующий очень многих вопрос — а как можно праздновать Саунь сейчас жителю современного города? Здесь будет меньше фактической информации, подтверждаемой историческими источниками и исследованиями. Но будет больше мнений, предложений и предположений. Нельзя сказать, что наша инструкция является каноничной, а другие автоматически неправильными. Просто наш вариант празднования — наш. А другие не наши.

Общая семантика праздников

Прежде чем описывать конкретный Саунь, стоит описать общую семантику для любого праздника. Или точнее — что мы вообще считаем праздниками в своей жизни. Какие наши действия и окружающая атмосфера способны сделать любой день праздничным?

Отдых

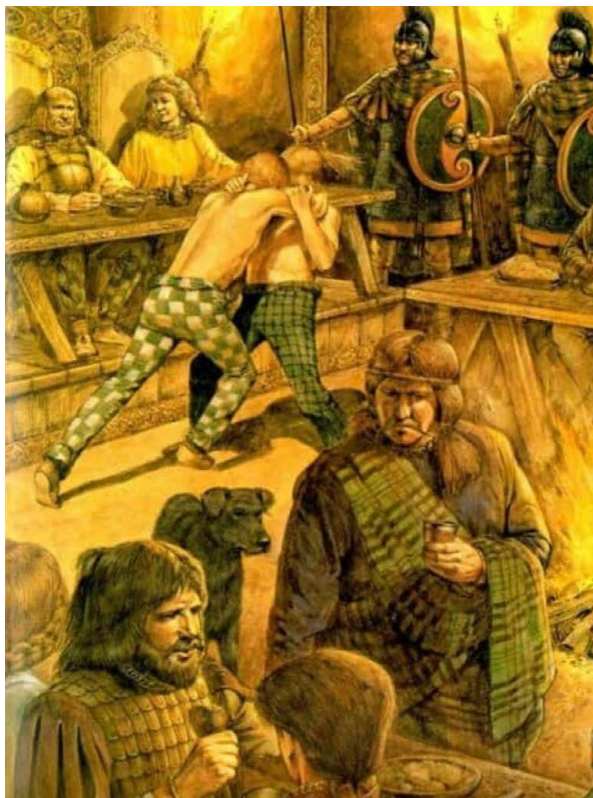
Многие праздники и в современных светских государственных календарях отмечены выходными. «Красный день календаря» — время, когда можно не работать. Само слово «праздник» в русском языке произошло от «праздно», то есть когда не работаешь. И это не случайно. В архаичном

мире кельтов праздники являлись периодами смен в первую очередь рабочих сезонов. Временем, когда один работный сезон уже закончился, но следующий сезон ещё не начался, и можно немного перевести дух, отдохнуть. Мы и сейчас имеем возможность отмечать свои праздники в выходные, в дни, когда нам не нужно ходить на работу. Ведь после тяжёлого рабочего дня труднее почувствовать атмосферу праздника.

«Действительно, большое собрание было у Конхобара. Три дня перед Самайном и три дня после Самайна отводились для того, чтобы кормиться в доме Конхобара. Прекрасен был этот дом». («Сказание о Конхобаре сыне Несс». Саги об Уладах в переводе Т. Михайловой)

Именно про Саунь мы можем предполагать, что он праздновался неделю. Мы знаем из Календаря из Колиньи, архаичного галло-римского

¹ **Примечание редакции.** Саунь - менее распространённый, но более фонетически корректный вариант названия праздника Самайн.

календаря, датированного I веком нашей эры, что Сауню соответствовали три дня. Дата Сауня в нём определена как TRINIVX SAMO SINDIV, что может быть переведено, как «Trinouxtion Samonii sindiu», т.е. «Трёхвечерний период Самониуса [-] сегодня». Однако из мифологии мы можем увидеть и семидневное празднование (три дня до, сам праздник и три дня после), и даже десятидневное. Если у вас есть возможность взять на время Сауня отпуск, получится совсем аутентично. Ведь силы вам понадобятся для того, чтобы пережить зиму.

Канун

Общим моментом для всех праздников кельтов является отличие счёта дней у кельтов и у нас. Собственно говоря, днями кельты ничего и не считали, полагая, что любой день начинается с ночи. И все праздники начинали отмечать ночью перед праздником и днём после. Не зря знаменитый Хэллоуин — это «канун Дня Всех Святых», а не сам день. Это пережиток как раз кельтского представления.

«Галлы все считают себя потомками [отца] Дита и говорят, что таково учение друидов. По этой причине они исчисляют и определяют время не по дням, а по ночам: день рождения, начало

месяца и года они исчисляют так, что сперва идет ночь, за ней день». (Гай Юлий Цезарь. «Записки о Галльской войне». Книга шестая. XVIII.)

Мы сейчас ведём счёт суток, начиная также с ночи (с 00:00, полночи), однако в нашем представлении день начинается утром. У кельтов же день начинался с ночи, месяц с новолуния, год с кануна зимы (Сауня). Если вы решите праздновать Саунь, помните, что праздничное время начинается с заката, а не с рассвета.

Здесь можно отметить, что ирландское слово праздник — feis — произошло от древнеирландского *feiss, fess*, от глагольного существительного от *foïd* «проводить ночь», от протокельтского **woseti* «проводить ночь», от протоиндоевропейского **h₂wes-* «проживать». Наши праздники — это проведённые ночи.

Обилие

Любой праздник несёт в себе одну из главных семантик — изобилие и богатый стол. Даже в современной России, в совершенно светской среде известно, что «как новый год встретишь, так его и проведёшь». Именно с этим связаны привычки на праздники готовить богатый стол. Кельтские праздники разделяют между собой сезоны, в разные сезоны кельты готовили разную еду, но на любой праздник еды старались приготовить как можно больше. Это было залогом сытости всего сезона.

Саунь знаменовал собой окончание пастбы, отмечался он после перегонки скота с летних пастбищ и после сопутствующего забоя скота. В мифологии чаще других праздников упоминается Саунь, и почти всегда ему сопутствуют пиры, чаще называемые «Пир Вождя». Основным атрибутом такого пира на Саунь является обилие мяса, целиком запечённые кабаны, считающиеся лучшей пищей, телята, ягнята, быки. Можно смело предполагать, что Саунь — самый «мясной» праздник кельтского годового праздничного цикла, так как сразу после забоя скота мясо свежее и его много.

Разумеется, сейчас, живя в городе, мы не так сильно зависим от аграрно-скотоводческого цикла и можем раздобыть мясо в любое время года. Однако, когда вы будете готовить праздничный стол на Саунь, помните, что этот стол должен быть по настоящему обилён, и основной рацион этого праздника должно составлять разнообразие мяса.

«И так прошел целый год, и была поделена вся земля на эти три доли, но вот настал праздник Самайн, и собрались все улады у короля Конхобара в Эмайн Махе. Было подготовлено для пира сто чанов пива каждого сорта. Говорили слуги Конхобара между собой, что не достанет всех уладов, чтобы съесть всю еду и выпить все питье, что приготовили для пира, так много всего там было». («Опьянение Уладов». Саги об Уладах в переводе Т. Михайловой)

Да, кельты пили алкоголь. Ставили сидр, варили пиво, импортировали у южных соседей вина. Этого не отнять. И, разумеется, по праздникам кельты тоже пили алкоголь. Если же обращаться к античным источникам, к записям римлян и греков о галлах, то, с их точки зрения, галлы пили алкоголь неумно, сверх всякой меры.

Чистота

Сам праздник начинается вечером, но это не значит что нам нечем занять себя в течение дня накануне. Ведь на каждый праздник принято приводить дом в порядок.

Уборка имеет не только практическое значение, ведь в чистоте жить и праздновать приятнее, но и символическое. «Как встретишь, так и проведёшь» — это касается не только обилия на столе, но и чистоты дома.

В случае Сауня и приглашения в дом предков (об этом будет написано ниже) уборка дома имеет и третье значение. Ведь когда вы зовёте гостей, особенно своих родственников, даже из иного мира, неловко им как-то показывать беспорядок дома.

Под чистотой можно понимать не только физическую уборку дома, но и мистическое его очищение. Существует множество традиционных способов очистить дом от вредоносного влияния иного мира. Очищение водой, то есть окропление. Очищение огнём, то есть окуривание. Очищение солью и троекратным обходом. Подробнее здесь об этих способах мы писать не будем, такие инструменты перечислены в нашем курсе «Традиционное колдовство Британских Островов».

Семантика, присущая Сауню

Выше перечислены вещи, которые так или иначе присущи совершенно любому празднику. Не только кельтскому — те же принципы все

стараятся соблюдать и при праздновании своего дня рождения, и на светский Новый Год. Ниже мы уже будем перечислять то, что характерно для Сауня, и постараемся обосновать такие привязки.

Собирайтесь вместе

«В определённое время года друиды собираются на заседания в освященное место в стране карнутов, которая считается центром всей Галлии. Сюда отовсюду сходятся все тяжущиеся и подчиняются их определениям и приговорам. Их наука, как думают, возникла в Британии и оттуда перенесена в Галлию; и до сих пор, чтобы основательнее с нею познакомиться, отправляются туда для ее изучения». (Гай Юлий Цезарь. «Записки о Галльской войне». Книга шестая. XIV)

Важно заметить, что практически любой праздник — явление социальное. Довольно трудно что-то праздновать в одиночестве, ведь праздник может не получиться. Архаические праздники предполагают окружающий социум, ведь формировались не одиночками и не для одиночек. Мало просто знать, что сегодня праздник, и встретить его в одиночку, запершись от всех.

Саунь — праздник общего собрания. Само его название в Календаре из Колиньи Samonios реконструируют от протоиндоевропейского *smH-on- «собрание, воссоединение, вместе». Это одна из возможных этимологий названия, но достаточно состоятельная, ведь ирландцы, мы это знаем достоверно, действительно собирались на этот праздник вместе.

Разумеется, как раньше, так и сейчас, праздник для молодёжи отличался от семейного праздника. Молодёжь во все времена проводила праздники в своём молодёжном кругу, с забавами и весельем. В то время как люди семейные устраивали своё небольшое пиршество, приглашая свою родню. Такое разделение на людей семейных и «молодёжь» можно найти и сейчас.

Во времена архаичных кельтов, или традиционной деревенской Ирландии, существовали свои, разные, традиции, охватывающие весь социум. То есть среди окружающих людей не было таких, кто не праздновал бы Саунь. Сейчас ситуация несколько изменилась. Но всё же социальный аспект забывать не стоит.

«Дом Кормака стоял в Темре, как это было заведено у всех верховных королей, ибо в те

времена короли каждый год справляли Праздник Темры, который начинался за пять дней до Самайна и заканчивался через пять дней после него. Люди собирались на этот праздник, ибо на нем было вдоволь всевозможных плодов». (Битва при Кринне в переводе М. Алимова)

Антиповедение

Традиционно собирающаяся вместе молодежь устраивала различные игры, связанные с антиповедением и бесчинствами. Девушки наряжались мужчинами, мужчины девушками, принято было устраивать различные проказы соседям, например, забивать дымоход кочаном капусты.

Большой популярностью пользовались игры с яблоками. Яблоки в это время года уже созрели, их можно встретить повсеместно. Яблоки вылавливали зубами из ёмкости с водой, или была задача надкусить яблоко, подвешенное на верёвку. Иногда требовалось схватить зубами яблоко на палке, которое проносили над огнём.

Игры на Саунь присутствовали не только во время деревенских общин. В архаичное время праздник также сопровождали игры, но иного характера. Молодые воины состязались в скачках на колесницах, в боевых приёмах, таких как метание копья, или же играли в хёрлинг, ирландский хоккей на траве. При описании Сауня в мифологии можно часто заметить, как вожди собираются на празднество и смотрят за играми молодёжи.

«Раз в году собирались все улады вместе на праздник Самайн, и длилось это собрание три дня перед Самайном, и три дня после него, и еще самый день Самайна. И собирались все улады вместе на этот праздник, что справлялся раз в году на равнине Муртемне. И пока длился праздник этот, не бывало там ничего иного, как игра

да гулянье, блеск да красота, пиры да угощенье. Потому-то и славилось празднование Самайна по всей Ирландии». («Болезнь Кухулина и единственная ревность Эмер». Саги об Уладах в переводе Т. Михайловой)

Сейчас в период Сауня и в России можно найти множество молодёжных вечеринок с переодеваниями, играми и другим интерактивом. А можно и самостоятельно организовать такую вечеринку.

Подарки

В древнем мире собирающиеся на пиры вожди одаривали друг друга подарками. В их время такое действие несло экономический и политический смысл. Более богатые, а значит, более главные вожди дарили более ценные подарки, подтверждая свой статус. Статус давал им больше власти среди других вождей.

Среди нас сейчас вождей нет, но это не значит, что мы не можем воспользоваться поводом, чтобы подарить друг другу что-нибудь. Подарки укрепляют наши эмоциональные связи с близкими людьми, да и, в конце концов, всем приятно получать подарки. Таким образом можно действительно наполнить день праздничной атмосферой.

Поминки

Разумеется, нельзя обойти стороной и самое главное. Зачем мы вообще празднуем Саунь? Ведь мы не скотоводы, и перегонкой стад не занимаемся. Мы не вожди, и статус свой не подтверждаем. Конвенциональный новый год государством установлен на другую дату. В современном обществе нет друидов, чтобы проводить ритуал зажжения нового огня. Зачем Саунь сейчас? Неужели только для антуража мистически настроенных людей?

Саунь, в первую и главную очередь для нас, — праздник поминовения мёртвых, наших умерших родственников и близких. Кельты верили, что в период Сауня *faeth fiadha*, Завеса, отделяющая иной мир от нашего, становится особенно тонка. И что белоголовый Финварра, Вождь Мёртвых, ведёт процессию умерших отпраздновать наш общий праздник вместе. Мёртвые устраивают свои танцы и хороводы на холмах, и к ним нельзя присоединяться. Помимо процессии умерших или танцующих на холмах ши на улице также можно встретить Белую Леди или Бесхвостую Чёрную Свиною...

«— Не может случиться это до следующего Самайна. Через год придут они, на следующий Самайн, когда раскроются опять чудесные холмы во всей Ирландии». («Приключение Неры». Саги об Уладах в переводе Т. Михайловой)

Вообще из-за обилия обитателей иного мира в ночь Сауня лучше не покидать свой дом. Однако своих родных мёртвых в эту ночь стоит пригласить в гости, поставив светильник или свечу на окно, выходящее на запад. Вместе со светильником, который послужит небольшим маячком к вашему дому, можно положить какие-нибудь личные вещи ваших умерших близких. Часы, трубку, фотографию.

Да, изначально светильники делали из репы или турнепса. Сейчас для этого можно использовать редьку. А самым распространённым вариантом после популяризации Хэллоуина стали светильники из тыквы. И светильники нужны, чтобы позвать своих предков и родственников, а не чтобы кого-то отпугивать.

Создание чар

На праздники было принято проводить уборку в доме не только гигиеническую, но и мистическую. Помимо очищения дома его можно защитить традиционными чарами.

На Саунь в качестве таких чар использовали Паршел и Ведьмин Крест. В дни безвременья, когда Завеса особенно тонка, было принято защищать свой дом и хлев, где содержатся домашние животные, с помощью чар. Паршел и Ведьмин Крест схожи в изготовлении. В качестве основы берутся ветви рябины, обладающей защитными свойствами по поверьям ирландцев. Веточки связываются крестом с помощью нитки, а затем, если вы изготавливаете Паршел, необходимо оплести их соломой по часовой стрелке. Ведьмин Крест оплетается только по центру красной шерстяной нитью. Вешать нужно кресты над входной дверью с внутренней стороны, это отпугнет злых духов, болезни и вредоносное колдовство. Действуют такие чары только один год, поэтому на следующий Саунь их нужно заменить.

Ужин с предками

Важная часть праздника — пиршество с разделением пищи. Здесь могут быть разные прочтения в зависимости от региона, у самих кельтов ужин живых и мёртвых устраивался разными традициями. Попробуем выделить главное.

Откройте окна или двери. Желательно открыть то самое окно, выходящее на запад, куда вы поставили светильники. Пригласите предков, когда будете готовить ужин. В процессе приготовления на это же окно можно ставить еду, например, поставить пирог остывать. А пироги на Саунь — традиционная пища для мёртвых, если не знаете, что приготовить, — готовьте мясной закрытый

пирог и ставьте его остывать рядом с открытым окном и светильником.

Когда всё будет готово, накройте на стол. Помните, что тарелок и приборов должно быть больше, чем присутствующих живых людей, ведь к вам за ужином присоединятся ваши родные, которых вы не увидите. Личные вещи (или фото), связанные с вашими предками, тоже можете перенести на стол, но не светильники. Они пусть остаются на окне.

С самой пищей, которую вы откладываете мёртвым в отдельную посуду, есть некоторые различия. В одних регионах, например в Бретани, людям было запрещено есть boued Anaon, «пищу Хозяев Мёртвых», даже в случае сильного голода. Тот, кто притрагивался к этой еде, рисковал после смерти стать вечно голодным неупокоенным, которому запрещалось есть на пире Сауня вместе с другими обитателями Иного Мира.

Казалось бы, этому противоречит уэльский обычай cennad u meirw «Посольство Мёртвых». Согласно ему, одни люди также откладывают часть пищи для мёртвых, однако бедняки могли в этот день переодеться в мёртвых, надеть маски и ходить по домам, получая ту самую пищу мертвецов. Отказать таким гостям и не покормить их считалось также кощунством.

Ряженые здесь олицетворяли посланцев иного мира, надевая маску, они отказывались от своего лица и от своего статуса живых на эту ночь, поэтому им чужая пища ничем не грозила.

На наш взгляд, обе традиции не противоречат друг другу. Вам точно нельзя есть ту пищу, которую вы отложили для мёртвых, потому что после вашего ужина она начнёт принадлежать иному миру. Такую пищу лучше всего на следующее утро вынести на улицу уличным животным и в первую очередь птицам. Птицы, особенно такие, как утки, способны путешествовать между тремя Царствами и переносить различные подарки из нашего мира предкам.

За ужином с предками лучше всего вспоминать и обсуждать то, что произошло в году. Считается, что такой ужин для умерших — самое лучшее время, чтобы узнать новости, чем вы живёте и как прошёл ваш год. Или же совсем ничего не говорить:

«Один из популярных обычаев в честь мёртвых — немой ужин. Обычай состоял в том,

чтобы оставлять праздничную еду для умерших. Немым он назывался потому, что мертвые не разговаривают. В этом обычае прослеживается связь не только с умершими, но и с праздником урожая. В Пемброкшире он носит название «cinio cynhaeaf» (обед в честь урожая) или «ffest y wrach» (праздник ведьмы), что соотносится с традициями в честь урожая. Также праздник связан и со временем забоя скота. Так в валлийском языке месяц Ноябрь называется Tachwedd, что переводится как «забой». Мясо забитых животных потом готовили и подавали на праздничном ужине». (Mary Jones в переводе Linnen)

Не забудьте в конце ужина или наутро отпустить предков обратно в их мир. Всегда, если вы кого-то приглашаете домой, не забывайте его и отпускать, провожать отдельными словами.

Гадания

Саунь — один из тех праздников, во время которых во все времена было принято предсказывать будущее или гадать. В раннее время это были массовые предсказания для всего социума, проводимые друидами или филидами. Они были необходимы, чтобы обеспечивать выживаемость всему сообществу, поэтому в таких предсказаниях чаще стремились узнать о грядущих смертях в зимний период, болезнях и других катаклизмах. Или же узнать волю богов на планируемые события, набегии или строительства.

В позднее время предсказания филидов трансформировались в девичьи гадания. Разумеется, запрос «Кто умрёт в этом году?» остался и всё ещё интересовал традиционную общину, но больше гаданий уже были посвящены теме замужества и поиску суженого. В статьях на нашем сайте перечислено множество таких гаданий, не будем повторять их здесь.

«Вот еще один рецепт, как во сне увидеть будущего мужа в эту ночь. Надо утащить солёную селёдку у соседней так, чтобы они этого не узнали, обязательно всё должно происходить в темноте, а также надо прихватить первое, что попало под руку. Затем отнести сельдь домой и жарить её на углях, пока она не подгорит. Обязательное условие — соблюдать полную тишину, пока ешь и после еды. Съесть надо всё целиком с косточками, шкварками и всем остальным. Как только пробьёт полночь, надо

лечь в постель, раздеться в темноте и ни в коем случае нельзя пить и вообще касаться воды. Если все инструкции были соблюдены, то будущий муж явится во сне и подаст воды». («The Folk-Lore of the Isle of Man» в переводе Linnen)

Подведение итогов

Часто под подведением итогов представляются какие-то умозрительные вещи, такие как ведение дневника желаний или стремлений. В нашем случае всё гораздо проще — раздайте долги. Нехорошо (хоть и можно) входить в сезон Сауны, будучи должным кому-то. Исполните то, что обещали, например, своим знакомым. Завершите то, что способны завершить, свои рабочие проекты, обязательство сходить к стоматологу, обучение на курсах по программированию. Если вы не сможете закончить что-то к Сауню — высока вероятность, что вы не закончите этого никогда.

При этом помните, что Саунь — очень хорошее время для начинаний. Именно с Сауны начинался учебный год в школах филидов, с Сауны начинается год в принципе. Если вы хотели что-либо начать, найти для этого время лучше будет трудно.

Выводы

«Пусть на Самайн приходит он к Бругу ... Это день мира и дружбы среди ирландцев, и никто тогда не питает злобы к другому». («Сватовство к Этайн». Предания и мифы средневековой Ирландии. С. Шкунаев)

Мы перечислили ряд пунктов, которые могут помочь любому читающему безопасно отметить Саунь в кругу семьи или с друзьями. Пришло время отметить, чего в нашем перечислении нет и почему этого здесь нет.

Мы ничего не написали про украшение дома, потому как кельты на Саунь дома не украшали, если за такие украшения не считать светильники и чары. Украшения дома лентами, бумажными летучими мышами, вечнозелёными растениями или чем-либо ещё — уже новая хеллоуинская традиция. Мы не запрещаем кому-либо украшать свои дома в любой возможный момент, но сами этого не делаем.

Мы ничего не писали про просмотр фильмов ужасов. Как и с пунктом выше, таким образом современные люди создают себе «хэллоуинское

настроение», но к Сауню как дню поминовения умерших это имеет слабое отношение. Вполне можно провести Саунь и без просмотра ужасиков, дело вкуса.

Мы ничего не писали про коллективный ритуал на Саунь. Хоть с ним и связана часть интересных традиций, которые можно воспроизводить в современном городе, но такие вещи мы не оставляем в открытом доступе, чтобы уберечь кого-то от необдуманных повторений. Одно дело — свой личный молодёжный Саунь с антиповедением, другое — семейный Саунь с приглашением своей родни и живой, и покойной, и совсем третье — коллективный Саунь, с зажжением новых огней и привлечением достатка социуму. Надеемся, из текста выше стало понятнее, что Саунь может быть разным, в зависимости от того, в каком социальном статусе находится встречающий этот праздник. По этой же причине мы не писали про то, каких богов было принято чествовать на Саунь в разных регионах Ирландии. Это вообще могло бы стать темой для отдельной статьи.

У нас ничего не написано про «цвета Сауны», «камни Сауны», «растения Сауны», «музыку Сауны», «карты таро Сауны», «деревья Сауны» и что-либо ещё, будто бы связанное с праздником. Чаще всего такие перечисления атрибутов праздника имеют современное происхождение. Исключение из этого списка — «традиционные блюда на Саунь», мы могли бы их описать, но они достаточно описаны в других статьях, посвящённых этому празднику, на нашем сайте².

² <https://druidism.ru/>

Образ Бальдра в контексте древнескандинавского культа Одина

Иван НЕГРЕЕВ
религиовед, преподаватель
философии и истории религий

«Смерть Бальдра», автор Christoffer Wilhelm Eckersberg, 1817 г.

Миф о Бальдре чрезвычайно сложен, и вследствие этого с самого первого момента, когда скандинависты обратили на него свое внимание, и до сегодняшнего дня он представляет предмет научной дискуссии. Однако для всех исследователей очевидно, что это один из ключевых древнескандинавских мифов. Так как культ Одина — последняя стадия языческой религии Северной Европы, он так или иначе должен быть соотнесен с мифом о Бальдре. Для того чтобы определить, какое место занимал этот миф в контексте культа Одина, будет целесообразно разделить статью на шесть частей. В первой части будут приведены общие замечания, касающиеся образа Бальдра, во второй и третьей мы детально рассмотрим две версии мифа, в четвертой и пятой проанализируем основные интерпретации мифа и его связь с культом Одина, последняя часть будет представлять собой заключение.

Вводные замечания

Древние ведические тексты провозглашают, что «жертвою боги пожертвовали жертве»¹. В загадочном созвучии с ними цепь германо-скандинавских мифических жертвоприношений, совершенных Одинем (Имир-Квасир-Один), заканчивается рассказом об убийстве юного сына Одина — бога Бальдра (*Baldr*). Связь Бальдра с жертвой очевидна и подтверждается словами прорицательницы Вёльвы: «Я видела Бальдра, кровавую жертву»².

Бальдр — один из наиболее важных германских богов и один из асов. Правда, в преданиях, как справедливо замечал М.И. Стеблин-Каменский, говорится «в основном не о нём самом, а о его смерти»³, поэтому при ближайшем рассмотрении создаётся впечатление, что этот бог существует исключительно в контексте мифа о его насильственной кончине и последующих похорон. Анализируя образ Бальдра, Е.М. Мелетинский писал: «...миф о Бальдре, занимающий центральное место в древнескандинавской поэтической мифологии, есть в сущности этиологический миф о происхождении смерти и, вместе с тем, пролог к трагедии гибели мира, собственно введение в скандинавскую эсхатологию»⁴.

Хоть смерть Бальдра и занимает центральное место в германской мифологии, единственным источником, который рассказывает непосредственно о нём самом, помимо краткой ссылки во Втором Марзенбургском заклинании⁵, является литература Древней Скандинавии. Скандинавская версия смерти этого бога подразделяется на норвежско-исландскую и датскую традиции. Большая часть деталей мифа о Бальдре сообщается в «Эдде» Стурлусона Снорри, где он приводит наиболее подробное сказание о смерти и похоронах бога. В «Старшей Эдде» присутствуют лишь намеки на данный миф. Известен также рассказ Саксона Грамматика о Бальдерусе (т.е. Бальдре), который будет рассмотрен более подробно ниже, однако уже сейчас следует заметить, что между сюжетом Саксона и мифом, переданным Снорри, совсем мало общего.

Несмотря на центральную роль мифа, свидетельств организованного культа Бальдра немного. Множество мест в Исландии и Норвегии сохраняют в топонимике имя этого бога, а *Friðbjórf's Saga*, написанная в XIV в., говорит о лугу Бальдра (*Baldrshage*) в западной Норвегии, на котором находились святилище и великолепный замок с идолами многих богов, среди которых Бальдр почитался больше всех. Однако других свидетельств нет.

«Бальдр», автор иллюстрации Johan Egerkrans

1 RV. X, 90; 16 (пер. Т.Я. Елизаренкова).

2 *Völuspá*. 31

3 Стеблин-Каменский М.И. Культура Исландии // Труды по филологии. СПб., 2003. С. 52.

4 Мелетинский Е.М. Скандинавская мифология как система // Мелетинский Е.М. Избранные статьи: Воспоминания. М., 2008. С. 259.

5 Несмотря на то что большая часть скандинавистов согласна с тем, что Бальдр фигурирует во Втором Марзенбургском заклинании, есть и иная точка зрения. — См., напр: Бальдр // Мифы народов мира. Т. 1. С. 258. («Попытка немецкого ученого Ф. Генцмера усмотреть намеки на миф о Бальдре в так называемом Втором Мерзебургском заклинании недоказательна».)

Миф о смерти Бальдра интерпретировался многократно. В течение долгого времени филологи, мифологи, специалисты в области сравнительного религиоведения и кабинетные антропологи пытались разрешить проблему Бальдра. Исследователи связывали этот образ и с христианским влиянием, и с представлениями о происхождении смерти и первой жертвы, и с различными эллинистическими и восточными культами так называемых умирающих и воскресающих богов, и с обрядами инициации, и с засвидетельствованным в Скандинавии ритуальным умерщвлением конунга для отвращения несчастья⁶.

Этимология имени *Baldr* до сих пор не объяснена полностью. Все версии без исключения зависят от интерпретации, данной тем или иным автором, мифа о Бальдре. Согласно наиболее ранним исследованиям, это имя происходит от индоевропейского корня **bhel* — «белый» (например, у балтов). Это делает Бальдра богом света, что соответствует описанию Снорри.

Помимо этой версии, существует предположение, что слово «Бальдр» связано с др.-англ. *bealdor*, что означает «господин», «владыка», и следовательно, др.-в.-нем. *Balder*, упомянутое во Втором Марзенбургском заклинании, может быть переведено таким образом⁷. Если рассматривать имя Бальдр как связанное с др.-в.-нем. *bald*, что означает «смелый», тогда этому асу может быть приписан воинственный характер, что, «однако, не находит подтверждения ни в одном из источников и не вписывается в картину наших представлений о Бальдре»⁸, резюмирует Рудольф Симек. Впрочем, смелость и даже воинственность юного бога присутствуют в предании Саксона, которое не менее важно для понимания образа Бальдра, чем эддическая традиция. К тому же он сын Одина, часто именуемого «богом войны», и потому предположение, что его имя означает «смелость», напрашивается само по себе. Шрёдер даже искусственно выводил формулу **bal-ora-m* (сила), придавая Бальдру значение бога плодородия. Следует отметить, что если эта версия и верна, она может вовсе и не означать, что Бальдр — бог с узкой функцией плодородия. Возможно, следует говорить о боге — подателе жизни или даже просто о сильном боге.

Бальдр в эддической традиции

В первую очередь представляется целесообразным рассмотреть непосредственно миф, как он представлен в эддической традиции. В «Младшей Эдде» в «Видении Гюльви» Бальдр описывается следующим образом: «Второй сын Одина — это Бальдр. О нем можно сказать только доброе. Он лучше всех, и его все прославляют. Так он прекрасен лицом и так светел, что исходит от него сияние. Есть растение, столь белоснежное, что равняют его с ресницами Бальдра, из всех растений оно самое белое. Теперь ты можешь вообразить, насколько светлы и прекрасны волосы его и тело. Он самый мудрый из асов, самый сладкоречивый и благостный. Но написано ему на роду, что не исполнится ни один из его приговоров. Он живет в месте, что зовется Брейдаблик (*Breiðablik*), на небесах. В этом месте не может быть никакого порока»⁹. Из различных кеннингов, которые приводит Снорри в «Языке поэзии», мы узнаем, что мать Бальдра — Фригг, его жена — Нанна (*Nanna*), а сын — Форсети (*Forseti*), а также что он владеет кораблем Хрингхорни (*Hringhorni*), на котором, по всей видимости, будет сожжен после смерти¹⁰, и кольцом Одина Драупнир, которое тот возложил на погребальный костер сына¹¹. В целом описание Бальдра резко

6 Краткую историографию по проблеме Бальдра см.: Lindow J. *The Tears of the Gods: A Note on the Death of Baldr in Scandinavian Mythology* // *J. of English and Germanic Philology*. Vol. 101. № 2 (Apr., 2002). P. 156–169; *Idem*. *Murder and Vengeance among the Gods: Baldr in Scandinavian Mythology* // *FF Communications*. № 262. Helsinki, 1997.

7 В целом эти этимологии приводятся уже у Якоба Грима. — Grimm J. *Teutonic Mythology: in 4 vol. Vol. 1 / tr. J.S. Stallybrass*. L., 1884–1888. P. 220f.

8 Simek R. *Dictionary of northern mythology*. Cambridge, 1993. P. 28.

9 *Gylfaginning*. 21; цит. по: *Младшая Эдда / пер. О.А. Смирницкой*. М., 1970. С. 42.

10 *Gylfaginning*. 48.

11 *Skáldskaparmál*. 11

контрастирует с характеристиками иных богов: он подчеркнуто идеален, в то время как другие боги склонны совершать разного рода сомнительные поступки¹².

Драма Бальдра началась с того, что молодому богу стали сниться дурные сны, предвещавшие скорую беду. Это предание сохранилось не только в «Видении Гюльви» у Снорри, но и в «Снах Бальдра» — поэме неизвестного автора, относимой к корпусу «Старшей Эдды» и по сути являющейся развитием беседы Одина с мёртвой прорицательницей Вэльвой.

Бальдр рассказал о своих снах асам, после чего на тинге было решено оградить его от грозящей ему опасности. Со всех вещей в мире, как одушевленных, так и неодушевленных, Фригг взяла клятву не причинять вреда Бальдру. После этого боги устроили весьма сомнительную забаву: поставив Бальдра на поле тинга, они стали метать в него стрелы и камни, которые не могли ничем ему навредить. Узнав об этом, Локи обернулся женщиной, пришёл к Фригг и хитростью выведал у нее, что богиня взяла клятву со всех вещей, кроме побега омелы, поскольку тот был слишком молод и на первый взгляд совершенно безвреден. Локи вырвал с корнем этот побег и явился с ним на поле тинга. Там в стороне стоял слепой ас Хёд (*Hêdr*), которому Локи вложил в руку прут омелы и подговорил метнуть его в Бальдра. Прут пронзил Бальдра, и он упал на землю за смертью.

Далее Снорри описывает горе, охватившее богов: «...язык перестал слушаться асов, и не повиновались им руки, чтобы поднять его... когда асы попытались говорить, сначала был слышен только плач, ибо никто не мог поведать другому словами о своей скорби. Но Одину было тяжелее всех сносить утрату: лучше других постигал он, сколь великий урон причинила асам смерть Бальдра»¹³. После того как боги пришли в себя, другой сын Одина, Хермод (*Hermêðr*), вызвался ехать в царство мертвых к Хель, чтобы попросить отпустить Бальдра назад в Асгард. В это время боги перенесли тело Бальдра на ладью Хрингхорни и позвали великаншу Хюррокин (ее имя может переводиться как «сморщенная от огня»), чтобы та спустила корабль на воду. Она приехала на волке, а поводьями ей служили змеи (это указывает на хтоническое происхождение данного персонажа), и даже четыре берсерка не могли удержать ее коня. Жена Бальдра Нанна умерла от горя, и ее положили на ладью вместе с мужем и подожгли корабль. Тор освятил своим молотом костер и кинул в огонь карлика по имени Лит (*Litr*). На погребальную процессию собрались все главные боги, а также инейистые и горные великаны. В итоге вместе с карликами за похоронами Бальдра наблюдала вся вселенная скандинавской мифологии. Один возложил своё кольцо на костер, после чего оно обрело свойство каждую девятую ночь производить восемь колец такого же размера. В «Старшей Эдде» добавляется, что Один прошептал нечто мёртвому сыну, когда тот лежал на погребальном костре, но что именно и зачем это было сделано, неизвестно. Великан Вафтруднир говорит об этом Одину: «Никто не знает, что потаённо ты сыну сказал»¹⁴.

Затем Снорри рассказывает об отправившемся в Хель Хермоде. Ас скакал девять ночей, прежде чем подъехал к реке Гьёлль (*Gjöll*) и к священному мосту в мир мертвых, путь в который постоянно ведет вниз и на север. Оказавшись в Хель, Хермод увидел своего брата Бальдра, сидящего на почетном месте, и после ночи, проведенной в загробном мире, стал просить Хель отпустить брата. Но та поставила условие: по Бальдру должно плакать всё сущее на свете, как живое, так и мертвое, и тогда она его отпустит. Взяв у брата перстень Одина, Хермод покинул Хель и возвратился в мир богов. Все существа в мире начали оплакивать кончину Бальдра и молить о его возвращении, лишь одна великанша по имени Тёкк отказалась плакать по нему, и, как резюмирует Снорри, «люди полагают, что это был не кто иной, как Локи»¹⁵.

12 Анализ поэмы и ее связь с другими поэмами «Старшей Эдды» см., напр.: Malm M. *Baldrs draumar: literally and literarily // Old Norse Myths, Literature and Society: 11-th International Saga Conference. Sydney, 2000. P. 277f.*

13 *Gylfaginning. 48; цит. по: Младшая Эдда. С. 82–83.*

14 *Vafþrúðnismál. 55; цит. по: Старшая Эдда. С. 35.*

15 *Gylfaginning. 48; цит. по: Младшая Эдда. С. 86.*

Завершающий аккорд эддической традиции в сюжете о Бальдре представляет упоминание в «Прорицании Вэльвы» того, что в конце времен, после Рагнарёк, Бальдр и Хёд выйдут из Хель примиренными¹⁶.

Главная проблема, связанная с преданием из «Младшей Эдды», — поиск источников, на которые опирался Снорри в своем повествовании о смерти Бальдра и поездке Хермода в Хель. Вероятно, Снорри следует за версией стихотворения конца X в. *Húsdrápa* скальда Ульфа Уггасона (*Ulfr Uggason*), который описывает деревянные резные фигуры в исландском праздничном зале¹⁷. Обстоятельства сочинения этой поэмы записаны в «Саге о людях из Лаксдаля»¹⁸.

В дополнение к этому, как указывалось выше, несколько намеков на детали мифа содержатся в «Старшей Эдде», в частности, в поэме «Сны Бальдра». Также Снорри, описывая жилище Бальдра, фактически цитирует «Речи Гримнира» — текст, вероятно, восходящий к X в. В «Прорицании Вэльвы» эпизоду с Бальдром непосредственно предшествует Рагнарёк¹⁹. Вэльва говорит, что видит, как окровавленный бог принял свою смерть, видит побег омелы, однако о подробностях самой смерти умалчивает. Она видит омелу, тонкую и очень красивую, возвышающуюся над полями, и этот побег стал оружием. Очень скоро, говорит провидица, сын родился у Одина, который ни рук не омыл, ни волос не расчесал, пока не убил врага Бальдра. Описание омелы у Снорри и в «Прорицании Вэльвы», как указывал Тюрвиль-Питр, «подразумевает, что традиция достигла своей заключительной формы на земле, где омела не была известна, в Исландии или, возможно, в западной Норвегии»²⁰.

Вышесказанное свидетельствует, что миф о смерти Бальдра в том или ином виде существовал задолго до Снорри, однако нижнюю границу датировки мифа определить практически невозможно. В 70-х годах XX в. Хаук²¹ достаточно убедительно доказал, что на рисунках, датированных Эпохой Переселения, сделанных на брактеатах, посвященных Одину, присутствовали основные сцены мифа о Бальдре. Таким образом, становится очевидно, что уже за 600 лет до рождения Снорри были известны смерть Бальдра от омелы, передача Одином кольца, прибытие Бальдра в Хель. Все эти сцены представлены на рисунках.

Бальдр у Саксона Грамматика

Необходимо рассмотреть и иную версию этого мифа. У Саксона Грамматика в «Деянии датчан»²² причиной спора между Бальдерусом и Хётерусом (Саксон дает имена персонажей на латинский лад — *Balderus, Høtherus*) является Нанна.

Хёд был сыном Ходбродда (*Hodbrodd*), короля Швеции. После смерти отца Хёд был отправлен Геваром (*Gevarus*) в Норвегию, где быстро достиг мастерства во многих умениях, и особенно в игре на арфе. Своей музыкой он мог влиять на сознание людей, и таким образом он добился любви Нанны, дочери Гевара. Нанна была красива, и когда Бальдр увидел, как она моется, то воспылил желанием к ней и решил убить своего соперника Хёда.

Однажды Хёд заблудился на болоте и набрел на хижину, в которой находились лесные девы. Они поведали ему, что даруют удачу в войне и незримо принимают участие в битвах. Также девы

16 *Völuspá*. 62–63.

17 Neckel G. *Die Überlieferungen vom Gotte Balder*. Dortmund, 1920. P. 65–66.

18 *Laxdæla saga*. XXIX. (Олаф построил роскошный дом в западной Исландии, в котором на деревянных панелях были очень искусно вырезаны сцены из жизни богов. После того как работа была закончена, Ульф сочинил стихотворение о вырезанных мифических сценах. Там были изображены и похороны Бальдра: Фрейр возвышался на своем золотом ощетиленном борове, и Один ехал к костру, сопровождаемый воронами и валькириями, и Хеймдалль и могущественная богиня гор, т.е. великанша.)

19 *Völuspá*. 31–35.

20 Turville-Petre E.O.G. *Myth and Religion of the North: The Religion of Ancient Scandinavia*. L., 1964. P. 108.

21 Hauck K. *Goldbrakteaten aus Sievern*. München, 1970.

22 *Gesta Danorum*. III; 69f.

рассказали Хёду о намерениях Бальдра, но предупредили его, чтобы сам он не нападал на Бальдра, поскольку тот полон ненависти с тех пор, как стал полубогом. Далее дом и девушки исчезли, и Хёд очутился в открытом поле в одиночестве.

После возвращения к своему приёмному отцу Хёд попросил руки Нанны, но Гевар не отважился отдать за него дочь из страха перед Бальдром. Вместо этого Гевар рассказал Хёду о мече, способном убить Бальдра, и о кольце, которое дарует богатство своему владельцу. Эти сокровища находились в руках Миминга (*Mimingus*), обитающего в далеком холодном краю. Хёд предпринял длительное путешествие и с помощью хитроумной уловки захватил сокровища Миминга. Пока Хёд был в отъезде, Бальдр потребовал у Гевара отдать ему Нанну. Гевар позволил дочери принять решение самой, и та отказала Бальдру на основании, что он является богом, и их природы несовместимы. Разозленный дерзостью Бальдра, Хёд и его союзники начали сражение. Один и другие боги сражались на стороне Бальдра, и впереди всех был Тор, сокрушая молотом всё на своем пути. Победа досталась бы богам, если бы Тор не сломал свой молот. Тогда боги покинули поле битвы, и Хёд смог жениться на Нанне. Он увез ее в Швецию, где весьма почитался народом, в то время как над Бальдром там насмехались.

Через некоторое время Бальдр одержал победу над Хёдом в Дании, но это не принесло ему ничего хорошего. Он стал мучиться от ночных видений Нанны, его здоровье ухудшилось, и он настолько ослаб, что его приходилось возить на колеснице.

Далее в одном из сражений Бальдр одержал ещё одну победу над Хёдом, и тому пришлось бежать с поля боя. Пробираясь в одиночестве по шведским лесам, Хёд снова попал к тем же самым лесным девам. На этот раз они поведали ему, что он одолеет своего врага, только если отведает волшебной пищи, которая составляет силу Бальдра. И снова две армии сошлись в битве. После больших потерь с обеих сторон бойцы прервались на ночь. В полночь Хёд выследил трёх дев, несущих волшебную пищу, и, притворившись менестрелем, стал развлекать их своей музыкой. Девы готовили пищу для Бальдра с ядом трёх змей и разрешили попробовать эту пищу Хёду, а также отдали ему пояс победы.

По пути назад Хёд встретил своего старого врага и пронзил его мечом. Бальдр упал на землю смертельно раненным, однако на следующий день снова сражался. Ночью ему явилась богиня Прозерпина и пообещала свои объятия. Через три дня Бальдр умер, и после королевских похорон его тело положили в могилу.

Далее Саксон рассказывает о мести Одина. Бог обратился за помощью к лапландскому мудрецу Ростифосу (*Rostiophus*), и тот открыл ему, что мстителя Одина родит Ринда, дочь короля Рутении (Руси). Один с помощью колдовства поступил на службу к этому королю, но девушка отклонила его предложение. Тогда, обернувшись женщиной, Один стал служанкой Ринды и изнасиловал её. Бус, сын Одина и Ринды, встретил Хёда в битве и убил его, сам при этом погибнув.

Вряд ли Саксон сам выдумал то, что Бальдр был датским королём. Скорее, эта идея проистекает из древней традиции, которая ассоциирует имя Бальдра с королевским домом в Лейре. Указание на это содержит строка из исландского стихотворения *Bjarkamál*. Также это подтверждается тем, что Брейдаблик (*Breiðablik*), мифический дворец Бальдра, можно обнаружить в названии датской местности Бредеблихе (*Bredebliche*) возле Лейре, согласно шведскому хронисту Йоханнесу Мессениусу²³. С этой версией отчасти согласуется замечание Снорри в прологе к «Младшей Эдде», где он говорит, что второго сына Одина звали Бельдег (*Baldeg*), но сам называет его Бальдром, а также информация в «Саге об Инглингах», где сказано, что, придя в Швецию, Один оставил Бальдра править в Брейдаблике — правда, там указана не Дания, а Швеция. Таким образом, Бальдр, как и его отец Один, возможно, являлся мифическим предком датской королевской семьи; это предположение подтверждается тем, что в датски ориентированных англосаксонских генеалогиях имя *Bældæg* заменено на *Бальдр*.

23 Simek R. Dictionary of northern mythology. P. 27.

Итак, сопоставляя разные версии мифа, мы видим две практически противоположные картины. Такое различие само по себе свидетельствует о древности мифа. Чтобы две версии настолько далеко разошлись, должно было пройти много времени с того момента, когда они были одним мифом. Различаются не только детали, но и характеры главных действующих лиц, хотя и сохраняется некоторая общая канва: Бальдр пал от руки Хёда, использовавшего особенное оружие, а сам убийца погиб от руки другого сына Одина. У Саксона отсутствует рассказ о попытках воскресить Бальдра, нет поездки в Хель, нет Локи, а также нет предания о том, что после Рагнарёка Бальдр и Хёд вернутся. Соответственно, возникает главный вопрос: какая из версий находится ближе к первоисточнику и существовал ли такой первоисточник вообще? Вместе с тем обе версии могут быть полезны в понимании проблемы Бальдра, и рассказ Саксона способен восполнить возможные лакуны в эддической традиции.

У Саксона отсутствует Локи, что ставит вопрос об архаичности участия этого персонажа в рассматриваемом мифе. Некоторые исследователи, например Дюмезиль²⁴, Де Фриз²⁵, Рудольф Симек²⁶, говорят о том, что Локи изначально присутствует в этом мифе. Об этом, возможно, свидетельствует наказание Локи, упомянутое Вёльвой. Аналогично и в «Перебранке Локи» Локи признается Фригг, что Бальдр погиб по его вине²⁷. Дюмезиль отстаивал архаичность присутствия в мифе Локи через индоевропейский параллелизм с осетинской мифологией, в которой описан конфликт Сослан-Сырдон, по мнению ученого, подобный конфликту Бальдр-Локи: «...поскольку сами по себе эти две смерти однотипны и основаны на аналогичных религиозных представлениях, мы уже не вправе рассматривать порознь случаи Локи-Бальдр и Сырдон-Сослан»²⁸. Однако параллель, на которую указывает Дюмезиль, неоднозначна, поскольку в осетинском эпосе есть иной сюжет, в большей степени похожий на скандинавский миф о смерти Бальдра. Сослан и Сырдон поссорились из-за того, что в отсутствие Сослана Сырдон заколдовал своего сына, обернул в воловью шкуру и поставил на крышу, чтобы нартские юноши стреляли в него из лука. Только стрела Сослана могла попасть в цель и убить мальчика. Сослан неожиданно вернулся и, решив наказать Сырдона, выстрелил и убил его сына. После этого началась вражда, которая и стала основным материалом в анализе Дюмезиля. Сырдон в различных осетинских сказаниях, действительно, напоминает Локи, однако сказание о смерти сына Сырдона куда ближе к мифу о смерти Бальдра, чем сказание о смерти Сослана от руки хитрого Сырдона. Всё это свидетельствует об индоевропейских корнях Локи и мифа о Бальдре, но отнюдь не об участии Локи в смерти Бальдра.

Другие исследователи сомневаются в том, что Локи присутствовал в мифе изначально. Например, Тюрвилль-Питр полагает, что этот персонаж мог быть привнесен в миф позднее, ведь, согласно Саксону, Хёд — единственный убийца Бальдра, а о Локи нет ни слова. Исследователь отмечает: «...возможно, история Саксона глубже»²⁹. В этом контексте Эдгар Полеме пишет: «Снорри сделал Локи ответственным, но вопреки Дюмезилю и Де Фризу я полагаю, что он поступил так только на основании своих этических представлений, с целью ассоциировать смерть с определённым демоническим элементом, как в библейской космической драме»³⁰.

Повествование Саксона не лишено явных противоречий, на которые уже давно обратили внимание исследователи. Например, меч, который должен был сразить Бальдра, не убил его сразу, и Хёд, уже обладая этим мечом, долгое время терпел поражения. Ридберг, анализируя этот момент, предполагал, что Саксон несколько запутался в источниках и из-за схожести звучания имен *Hoder-Oder*

24 Dumèzil G. *Gods of the Ancient Northmen*. L., 1973. P. 60–65.

25 Vries J. de. *Der Mythos von Balders Tod* // *Arkiv für nordisk filologi*. № 70. 1955. P. 41–60.

26 Simek R. *Dictionary of northern mythology*. P. 27.

27 Lokasenna. 28.

28 Дюмезиль Ж. Локи // *Осетинский эпос и мифология*. М., 1976. С. 116.

29 Turville-Petre E.O.G. *Myth and Religion of the North*. P. 114.

30 Polomé E.C. *The Indo-European Component in Germanic Religion // Myth and Law Among the Indo-Europeans: Studies in Indo-European Comparative Mythology* / ed. J. Puhvel. Berkeley & Los Angeles, 1970. P. 79.

перепутал эддического Хёда (*Höðr*) с Одром (*Óðr*)³¹. Одр, так же как и Хёд в рассказе Саксона, имел конфликт с богами, но не с Бальдром, а с Тором. Схожесть имен и ситуаций достаточна, по мнению Ридберга, чтобы объяснить беспорядок у Саксона.

Встречается мнение, что Саксон следует исландской традиции устной саги о Хёде. Однако хоть сам он и говорит, что использовал исландские источники, в это трудно поверить: вряд ли Бальдр мог существовать в таких различных образах в столь небольшом исландском обществе. Скорее всего Саксон следовал датской традиции, возможно даже, как уточняет Поломе³², какому-то датскому рассказу, в то время как Снорри почерпнул свою версию у исландских или западно-норвежских поэтов. Саксон неоднократно упоминает места в Дании, с которыми ассоциируется рассказ о Бальдре.

История, изложенная Саксоном, сохранила, по всей видимости, немало архаики, но вместе с тем она наполнена множеством средневековых мотивов, таких, например, как волшебная арфа. «Очевидно, что датские историки не понимали языческого образа мышления и демонстрировали нехватку причастности к ней, как и Снорри»³³, — отмечает Поломе. Вместе с тем, как полагает Турвилль-Питр, «Саксон мог хорошо сохранить древние элементы, которые не встречаются в западных источниках»³⁴. История Снорри также не лишена ценности как источник информации об изначальной форме мифа о Бальдре. Анализируя соотношение двух источников, Поломе пишет: «...в то время как Снорри модифицирует миф этическими мотивами, пытаюсь сделать Локи демоническим оппонентом богов и приписать ему главную роль в оппозиции по отношению к святой жертве и слепому инструменту — Хёду, Саксон лучше показывает последние две фигуры и также отображает причину их вражды в соперничестве за руку Нанны, что каким-то образом исчезает в подоплеке истории Снорри»³⁵. Саксон, действительно, более прямолинеен в своём изложении, он мыслит миф о Бальдре в рамках человеческой аксиологии, существовавшей вокруг него. Но, возможно, такой подход не удаляет нас от первоисточника дальше, чем попытка Снорри последовательно изложить мифологию.

Интерпретации мифа о Бальдре

Как было сказано выше, интерпретаций сюжета о Бальдре существует множество. Среди них следует упомянуть гипотезы Софуса Бугге и Дж. Фрейзера. Первый традиционно видел в мифе о Бальдре христианское влияние, второй относил это сказание к ежегодным ритуалам возобновления. Помимо традиционных интерпретаций, есть отчасти новаторские, среди которых можно упомянуть гипотезу Маргарет Клунис Росс. Исследовательница полагала, что проблема Бальдра чрезвычайно династическая, поскольку Бальдр был единственным сыном и законным наследником Одина, и его смерть делала невозможным династическое наследование³⁶. Впрочем, сомнительно, что генезис мифа о Бальдре, а также место этого сказания в скандинавской мифологии можно ограничить разысканиями в области традиции наследования власти. Джон Линдоу справедливо пишет, что едва ли в повествовании Снорри из «Младшей Эдды» и «Саги об инглингах» присутствует идея, что для передачи власти необходим абсолютно законный наследник, и далее резюмирует: «Но даже если я не прав, полемизируя с тем, что смерть Бальдра демонстрирует проблему династической последовательности в рамках мифологии, я просто хотел бы указать, что эта гипотеза... не может сказать нам, почему, например, Бальдр погибает от побега омелы или почему есть тщательно продуманная история о неудавшейся попытке вернуть Бальдра к жизни»³⁷.

31 Rydberg V. *Teutonic mythology*. Vol. 3. L.; Copenhagen; Stockholm; Berlin; N. Y., 1906. P. 790f.

32 Polomé E.C. *Op. cit.* P. 66–67.

33 *Ibid.* P. 67.

34 Turville-Petre E.O.G. *Op. cit.* P. 115.

35 Polomé E.C. *The Indo-European Component in Germanic Religion*. P. 67.

36 Clunies Ross M. *Prolonged Echoes: Old Norse Myths in Medieval Icelandic Society*. Vol. 1: *The Myths*. Odense, 1994.

37 Lindow J. *The Tears of the Gods: A Note on the Death of Baldr in Scandinavian Mythology*. P. 158.

Достаточно популярна по сей день гипотеза о ближневосточном влиянии, в основе которой лежит сравнение Бальдра с умершими и воскресшими богами бессмертия и плодородия, распространенными практически повсеместно в ближневосточных религиях. Сакральность земли и земледелия в германо-скандинавской религии преимущественно представлена богами-ванами, и потому элементы аграрной сакральности принято называть ваническими. Соответственно, исследователи, склонные интерпретировать Бальдра как умершего и воскресшего бога, ищут в мифе о Бальдре ванический компонент.

Одним из сторонников гипотезы о ближневосточном влиянии был Г. Некель³⁸. Он подчеркивал некоторое сходство между Бальдром и Фрейром — богом, тесно связанным с землей и плодородием в германо-скандинавском языке. Некель полагал, что оба они боги солнца и плодородия и что со временем культ Фрейра затмил культ Бальдра. Бальдр, по мнению Некеля, произошел от богов Ближнего Востока, таких как Думузи-Таммуз, Аттис, Баал, Адонис, Дионис и Орфей. Боги этого типа часто умирают молодыми, насильственной смертью, и в некоторых обществах их смерти были публично оплакиваемы на осенних празднествах.

Однако скандинавские источники не изображают Бальдра специализированным богом плодородия, как Фрейра. И самое главное, Бальдр не воскрес подобно египетскому Осирису или аккадскому Таммузу — он так и остается в Хель вплоть до конца времен, и это обстоятельство особенно красочно представлено в версии Снорри.

Франц Рольф Шрёдер, посвятивший проблеме Бальдра ряд статей³⁹, рассматривал его в качестве бога плодородия, как и многие до него, но акцентировал внимание на сходстве этого бога не с Фрейром и ванами, а с финским героем Лемминкяйненом (*Lemminkäinen*). Лемминкяйнен добился девушки, которую желал, с условием выполнения трех заданий. Он успешно справился с первыми двумя, но в третьем задании должен был добыть лебедя с подземной реки Туонелы (*Tuonela*). Герой добрался до реки, но его пронзил слепой пастух, по всей видимости тростником. Пастух расчленил свою жертву и бросил части тела в реку. После долгих поисков и многих испытаний мать героя выловила куски тела из реки и соединила их. После этого Лемминкяйнен вернулся к жизни.

Истории Лемминкяйнена и Бальдра схожи: убийца героя, хоть и не настолько невинен, как Хёд у Снорри, но всё же слепой и хромой, а его оружие — безобидное растение. Однако история о Лемминкяйнене содержит некоторые элементы, которых нет ни в одной из версий сказания о Бальдре. Наиболее сильно бросается в глаза расчленение Лемминкяйнена и, опять-таки, его воскрешение. Это может представлять сезонный ритуал смерти и воскрешения бога плодородия. Расчленение и соединение бога имеет место и в истории о Дионисе, и в мифе об Осирисе. Ритуалы подобного типа были распространены во многих частях Азии и Европы, и на первый взгляд нетрудно

«Бальдр», автор иллюстрации Dilyana Bozhinova

38 Neckel G. *Die Überlieferungen vom Gotte Balder*. Dortmund, 1920.

39 Schröder F.R. *Balder und der zweite Merseburger Spruch* // *Germanisch-Romanische Monatsschrift*. № 34. 1953. P. 161–183; *Idem*. *Balder-Probleme* // *Beiträge zur Geschichte der deutschen Sprache und Literatur*. West, 84. 1962. P. 319–357; *Idem*. *Die eddichen «Balders Träume»* // *Germanisch-Romanische Monatsschrift*. № 14. 1964. P. 329–337.

заклЮчить, что финны позаимствовали этот элемент. И все же гипотеза Шрёдера о том, что история о Лемминкяйнене представляет собой старшую версию мифа о Бальдре, выглядит сомнительно: в скандинавской версии, как отмечалось выше, подчеркивается, что Бальдр не вернётся к жизни до Рагнарёка, а также полностью отсутствует элемент расчленения.

Бальдр обладает некоторыми качествами бога плодородия, однако в меньшей степени, чем многие другие. Скорее, миф о Бальдре более тесно связан с одиноческими мифами, чем с плодородием. Как замечает Джон Линдоу, «на самом деле в легенде гораздо меньше относящегося к культу плодородия, представленному умирающими и воскресающими богами, нежели с инициацией в предполагаемый культ Одина»⁴⁰. Бальдр — сын Одина, убитый слепым богом с помощью безобидного растения. Подобным образом Викар, легендарный король, был убит одиноческим героем Старкадом с помощью тростника, превратившегося в последний момент в орудие смерти, а король шведов Эрик Победитель уничтожил врагов, запустив тростник над их головами со словами «Вы все принадлежите Одину!», и в полете тростник стал копьём.

Среди тех исследователей, которые относили Бальдра к мифологии культа Одина, следует отметить Яна де Фриса⁴¹ и Эдгара Поломе⁴². Де Фрис убедительно оспаривал гипотезу о ближневосточном влиянии. По его мнению, миф о Бальдре восходит к ритуалам инициации в рамках культа Одина.

Одиноческого в мифе о Бальдре, действительно, много, особенно в рассказе Саксона. Он упоминает о встречах Хёда с девами в лесу, которые, должно быть, являются валькириями. Они подсказывают асу, как одержать победу над Бальдром. Валькирии — это девы-воительницы Одина, незримо участвующие в битвах и отбирающие погибших, достойных Вальхаллы. Помимо того, Нанна — это имя валькирии. В «Прорицании Вёльвы»⁴³ валькирии названы «наннами Одина» (*NBnnur Herjans*). К тому же имя Нанна отражает древнюю форму слова **nanBō*, связанного с др.-в.-нем. *nand*, что значит «смелость», и *nendam* («посметь»), которому родственно кельтское *nēit* — «битва»⁴⁴.

Аргументируя одиноческую интерпретацию мифа, Тюрвиль-Питр замечает: «Скорее всего, Бальдр не был пассивным страдающим Богом, а был отважным воином. Возможно, это отражено в кеннингах для воина, таких как *sárlinns Baldr* (Бальдр меча), *skjaldar Baldr* (Бальдр щита), *atgeirs Baldr* (Бальдр копья)»⁴⁵.

Аналогично и Хёд не обязательно был слепым инструментом зла. Его имя, по всей видимости, должно означать «битва». Слово «Хёд» — это отражение германского **hapu* («битва»), которое присутствует как первый компонент в имени *Hadubrand* (отец Хильдебранда). Оно родственно кельтскому **katu* («битва»), которое также можно обнаружить в именах германских вождей, таких как *Catumeras*, глава племени хатти согласно Тациту, или *Catualda*, глава племени маркоманнов в конце I столетия⁴⁹. Это же слово присутствует в имени Старкада (*stark- hBör* — «сильный воин») — одиноческого героя, ослепшего в конце жизни, о котором шла речь выше. Так же как и имя Бальдра, Хёд упоминается в кеннингах для воина четыре раза⁴⁶, и, возможно, его слепота — «это отражение жертвы Одним своего глаза»⁴⁷, — замечает Линдоу. «На этом основании, — считает исследователь, — мы можем предположить, что в более ранней версии истории смерти Бальдра слепой Один убивает своего любимого сына и забирает его к себе»⁴⁸.

Если это так, то история смерти Бальдра, которую мы видим в «Прорицании Вёльвы», «Снах Бальдра» и «Младшей Эдде», была изменена. Один, ранее сам оборачивающийся Хёдом, в дальнейшем от него совсем отделился. «В действительности можно предположить, что Хёд не был

40 Lindow J. *Norse Mythology: A Guide to the Gods, Heroes, Rituals, and Beliefs*. Oxford, 2002. P. 68.

41 Vries J. de. *Der Mythos von Balders Tod // Arkiv für nordisk filologi*. 1955. № 70. P. 41–60.

42 Polomé E.C. *The Indo-European Component in Germanic Religion*. P. 55–82.

43 *Völuspá* 20.

44 Polomé E.C. *The Indo-European Component in Germanic Religion*. P. 68.

45 Turville-Petre E.O.G. *Myth and Religion of the North*. P. 115.

46 Polomé E.C. *Op. cit.* P. 67.

47 Lindow J. *Norse Mythology: A Guide to the Gods, Heroes, Rituals, and Beliefs*. P. 69.

48 Turville-Petre E.O.G. *Op. cit.* P. 119.

отдельным богом, но что его имя было одним из многих используемых для Одина⁴⁹, — заключает Тюрвиль-Питр. Отсюда мог возникнуть миф, что он был слепым. Одно из имен Одина — *Tviblinði* («Слепой на оба глаза»).

«В целом эта история напоминает смерть воинов на поле битвы, убитых копьями валькирий Одина, особенно если учесть, что имена Бальдр и Хёд, судя по всему, означают «господин» и «битва»⁵⁰, — отмечает Ричард Норс. То, что Один мог сам убить своего сына руками лесных дев-валькирий, которые в версии Саксона подтолкнули Хёда к битве, совершенно не удивляет. Один убивает многих своих героев, фаворитов и избранников, таких как Сигмунд и Харальд Боевой Зуб. В целом Один — причина войн. Здесь же нелишним будет добавить, что имя Миминга, у которого Хёд добывает орудия убийства Бальдра, созвучно с именем Мимира, от которого Один, потеряв глаз, приобрел мудрость.

Мысль о том, что причиной смерти Бальдра в конечном счете является сам Один, встречается уже в конце XIX в. в статье Деттера⁵¹, и позднее она была поддержана многими учеными. Деттер начинал с простого указания на то, что в одном пантеоне не должно быть двух слепых богов, т.е. богов с одинаковым дефектом. Если это предположение верно, то возникает вопрос о мотиве убийства Бальдра Одином. Тюрвиль-Питр по этому поводу пишет: «Не будет странным предположить, что была иная версия истории, в которой слепой или полуслепой Один спланировал смерть сына. Если это так, тогда Одином двигали те же мотивы, что и в других случаях. Ему нужно было, чтобы его сын Бальдр присоединился к нему в его царстве, так же как Сигмунд, Харальд Боевой Зуб, Эрик Кровавая Секира и другие»⁵².

Однако возможно, что Один и Хёд вовсе не идентичны. В версии Саксона Хёд и Бальдр скорее выступают как классические герои Одина, стравленные своим богом. Их гибель нужна, поскольку гибель на поле брани — необходимое условие попадания героя в Вальхаллу. Бальдр и Хёд погибают, и возможно, оба — по вине Одина, поскольку должны присоединиться к своему отцу в царстве мёртвых. Не менее интересно и то, что Нанна — имя валькирии, а в версии Саксона Бальдр и Хёд борются за то, кто станет ее супругом. Конечно, Саксон не мог знать этого, однако сохранил сам сюжет. Вступить в брак с валькирией равноценно смерти и попаданию в Вальхаллу. Первое случается с обоими героями, а о втором Саксон ничего не знает.

То, что Бальдр и Хёд попадают в Вальхаллу, можно было бы утверждать со всей определенностью, если бы не сообщения о том, что они попадают в Хель, т.е. в альтернативное Вальхалле и негативное по своим характеристикам место вечности. Однако даже это не может стать полноценным аргументом против интерпретации Бальдра и Хёда как двух отдельных героев. В «Снах Бальдра» мёртвая провидица рассказывает Одину о грядущей смерти сына: «Мёд здесь стоит, / он сварен для Бальдра, / светлый напиток, / накрыт он щитом»⁵³. Мёд пьют павшие воины в Вальхалле, украшенной щитами и другим оружием. Иначе говоря, слова Вэльвы можно понять так, как будто место, в которое должен попасть Бальдр — не Хель, а Вальхалла. Также и погребальный корабль Бальдра напоминает классические погребения викингов — тех самых воинов, которые всеми силами стремились попасть в Вальхаллу и погребальный корабль расценивали как средство для этого. Есть ещё одно интересное свидетельство в скальдических стихах, описывающих прибытие Эйрика Кровавой Секиры со своими последователями в Вальхаллу. Когда они приближаются, Браги говорит, что это Бальдр вернулся домой со своей свитой, однако Один отвергает это предположение как невозможное⁵⁴. Если это верно, то остается два варианта: либо слова Вэльвы и отрывок из «Речей Эйрика» — это артефакт древнего мифа, который забылся со временем, либо в случае с Бальдром что-то пошло не так, и тот, кто должен был попасть в Вальхаллу, в итоге попал в Хель. Возможно, этим объясняется безмерная и беспрецедентная скорбь богов.

49 *Ibid.* P. 115.

50 North R. *Heathen Gods in Old English Literature*. P. 125.

51 Dettler F. *Der Baldmythus // Beiträge zur Geschichte der deutschen Sprache und Literatur*. 1894. № 19. P. 508–509.

52 Turville-Petre E.O.G. *Myth and Religion of the North*. P. 115.

53 *Baldrs draumar*. 7.

54 *Eiríksmál*. 4.

Скорее всего, в рассматриваемом мифе речь идет о жертвоприношении, поскольку именно жертва переносит избранных Одина из земного мира в мир бога⁵⁵. Категория жертвы окончательно выводит нас из земной логики проблемы Бальдра и лишает смысла этические спекуляции наподобие «зачем отцу убивать сына?».

О смерти Бальдра как о жертве свидетельствует сама Вёльва: «Я видела Бальдра, кровавую жертву»⁵⁶. Ульф Угассон в «Húsdrápa» называет Бальдра «святое приношение» (*heilagt taft*)⁵⁷. Языковые данные также подтверждают связь Бальдра с жертвоприношением. *Baldr* (от **Balǫraz*) и обозначение жертвы — др.-исл. *blót* (от инд.-евр. **bhlād*) — возводятся к и. е. **bhel-*, **bhlē-* — «набухать», «изобиловать». Др.-исл. *bál* (от инд.-евр. **bhel-* — «блестеть»), обозначающее погребальный костер Бальдра, по-видимому, также родственно имени *Baldr*⁵⁸. Родство между глаголами со значением «набухать», «расти» и словами, обозначающими жертвоприношение, само по себе интересно и восходит скорее всего к эпохе неолита⁵⁹. По всей видимости, индоевропейцы, как и многие другие народы, видели связь между пищей и жертвой, с одной стороны, и огнем и жертвой — с другой.

Следует немного вернуться к гипотезе об инициации. Эдгар Поломе и Де Фриз выделяют в мифе следующие поэтапно раскрывающиеся смыслы:

- появление смерти, которая будет для человека неминуема;
- установление Одином человеческого жертвоприношения с использованием копья (и, возможно, повешения);
- введение кремации;
- крах всех попыток победить смерть путем выполнения определённого условия⁶⁰.

В ритуалах инициации мифологема смерти является центральной. Это связано прежде всего с тем, что иницируемый должен стать новым существом, перейти из одной формы существования в другую, но для этого старая форма существования должна умереть. «Чтобы действительно стать мужчиной, человек должен полностью осознать неизбежность смерти и принять её со спокойной отрешённостью... Это было понято древней Скандинавией: везде смерть ассоциировалась с чем-то неприродным»⁶¹, — пишет Поломе.

В литературных источниках, в частности у Тацита и в некоторых исландских сагах, можно встретить упоминания об инициациях юношей во взрослых воинов, практиковавшихся у германцев. Так, по словам римского историка, только после доказательства своих способностей молодым людям позволялось носить оружие и занимать свое место в жизни общины⁶². В другом месте Тацит, рассказывая об обычаях племени хатти, говорит, что дети хатти, достигая половой зрелости, не стригли волос и не брились, пока не убьют врага. После же они брились на кровавых останках и считали, что только так они платят цену своего рождения⁶³.

Картину инициации изображает «Сага о Вёльсунгах», и переход от юности во взрослый мир воинов описан в ней особенно кроваво⁶⁴. Мать Синфьётли — будущего воина, посвященного Одиному, — испытывает мужество своих детей, пришивая рубашки к их коже и затем срывая их так, чтобы кожа с кусками мяса оставалась на рукавах рубашки. Очевидно, что не все дети готовы к подобной процедуре, но Синфьётли молчит, лишь замечая, что для Вёльсунга это незначительная боль. Далее Сигмунд просит мальчика вымесить мешок муки, в котором находится ядовитая змея. Тот

55 Скандинавская традиция, представленная культом Одина, рассматривала битву и смерть во время военных действий как жертвоприношение.

56 *Völuspá*. 31.

57 *Húsdrápa*. 14.

58 См.: Топорова Т.В. Древнегерманские представления об ином мире // Представления о смерти и локализация иного мира у древних кельтов и германцев. М., 2002. С. 344–345.

59 Подробнее см.: Зубов А.Б. История религий. Кн. 1: Доисторические и внеисторические народы. М., 2006. С. 163ff.

60 *Vries J. de. Der Mythos von Balders Tod*. P. 51; *Polomé E.C. The Indo-European Component in Germanic Religion*. P. 78.

61 *Polomé E.C. The Indo-European Component in Germanic Religion*. P. 78–79.

62 *Tacitus. Germania*. 13.

63 *Ibid.* 31.

64 *Völsunga saga*. 7–8.

выполняет задание, замечая лишь, что в муке было что-то живое. В конце Сигмунд и Синфьётли влезают в волчьи шкуры и, как говорит сага, приобретают волчью природу и начинают говорить по-волчьи. Они не могут сбросить шкуры и договариваются идти разными дорогами и бросаться на врагов численностью не больше семи. В итоге Синфьётли сначала помогает Сигмунду победить его врагов, а потом убивает одиннадцать человек, напавших уже на него. Далее следует странный рассказ о том, как Сигмунд в ответ на укор мальчика перегрызает ему горло, чтобы позже излечить или, возможно, оживить волшебной травой, которую ему принес ворон, что свидетельствует об единичном мотиве саги. После этой инициации мальчик становится способным выполнить задание — отомстить за смерть дедушки.

Поломе и Де Фриз ссылаются на этот отрывок, сравнивая его с мифом о Бальдре. Но Бальдр не возвращается к жизни, как это произошло с Синфьётли. «Тем не менее, — полагает Поломе, — Бальдр возрождается в другом воине, мстителе за себя, Вали»⁶⁵. Вали — «быстрый» сын Одина, его возраст — одна ночь. Его имя родственно др.-сканд. **waihalan* — «маленький воин». Он тот, кто принят во взрослое общество, где от него ожидают, что он немедленно убьёт своего первого врага. Он не моет рук, не обрезает волос, пока убийца Бальдра не умрёт. Это напоминает сообщение Тацита о воинах хатти.

Если эта интерпретация верна, тогда, возможно, инициация проходила в кругу мужчин, которые бросали оружие в юношу, а потом в какой-то момент «появлялся» Один, который поражал иницируемого прутом или каким-то оружием. Далее человек считался умершим, и совершалось оплакивание. В конце символически рождался другой человек, а не воскресал старый.

«Гибель Бальдра»,
автор иллюстрации Sam Flegal

Бальдр в Беовульфе

Помимо эддических текстов и текста Саксона, существует ещё один источник, возможно, повествующий о смерти Бальдра, — в «Беовульфе» есть фрагмент, который добавляет некоторые интересные детали к интерпретации образа Бальдра как жертвы Одина. В поэме описывается случайное убийство Херебальда своим братом Хадкюном, в именах которых читаются имена Бальдра и Хёда:

«И так случилось, / что младшего брата свалил брат Хадкюн / на ложе смерти стрелой, сорвавшейся / с упругого лука в игре на охоте / без злого умысла, братоубийству / была причиной стрела неверная, / поэтому Хредель не мог по праву / воздать за сына другому сыну»⁶⁶. Далее автор по неизвестной причине начинает говорить об умершем от стрелы Херебальде как о повешенном на древе: «Так некий старец, увидевший кровного / чада тело на дереве смерти / в удавке пляшущее, горько сетует, / слагает строфы об отпрыске юном, / в петле висящем на радость воронам, / а сам он, старый, не властен исправить / участь детища»⁶⁷. И далее описывается великая скорбь

65 Polomé E.C. *The Indo-European Component in Germanic Religion*. P. 80.

66 Беовульф. 2434–2441 (пер. В. Тихомирова); цит. по: Беовульф, Старшая Эдда, Песнь о Нибелунгах. М., 1975. С. 144.

67 Беовульф. 2444–2449; см. там же. С. 144–145.

отца об умершем сыне, подобная скорби Эгиля по своим сыновьям из поэмы *Sonatorrek* и скорби самого Одина.

Поэма «Беовульф» была записана в X в., таким образом, миф о Бальдре, отраженный в истории Херебальда, номинально является более ранним, чем тексты Снорри и Саксона. Ричард Норс попытался проанализировать историю из «Беовульфа» в связи с поэмой Ульфа Уггасона «Húsdrápa» и иными скандинавскими версиями мифа. Очевидно, что автор «Беовульфа» недвусмысленно говорит о повешении Херебальда или же о том, что его отец Хредель воспринимает гибель сына как повешение на дереве. Повешение вместе с упомянутой «радостью воронов» напоминает жертвоприношение Одина на Мировом древе Иггдрасиль, а также историю Старкада и Викара. Норс полагает, что следует попытаться найти следы повешения Бальдра в скандинавской литературе: «Доказательства в пользу повешения и пронзания Бальдра скупы и фрагментарны. Его жертвоприношение интересно тем, что ранение Бальдра характерно для любой версии этой истории; однако его повешение, как поездка в Хель на виселице-лошади, проявляется лишь в кеннинге «морской Слейпнир», который Ульф Уггасон употребляет при описании погребального корабля Бальдра (*haf-Sleipnir*)»⁶⁸.

Норс указывает на дословный перевод строчки из «Беовульфа». Когда беспомощный отец скорбит, он буквально наблюдает, «что его мальчик должен скакать молодым на виселице»⁶⁹. Следовательно, Херебальд едет в Хель на виселице как на лошади. Можно отметить, что ритуально-поэтическое отождествление виселицы и лошади очень характерно для скандинавской традиции. О повешенных говорят, что они едут на виселице, и, следовательно, у Норса есть основания для проведения параллелей.

Чуть дальше в поэме сказано: «Всадники спят, герои во тьме»⁷⁰. Множественное число, по мнению Ричарда Норса, никогда не объяснялось достаточно удовлетворительно, но эта форма, кажется, сохранилась в сообщении Снорри в «Видении Гюльви» о том, что пять мертвецов уже переехали через мост накануне прибытия Хермода, отправившегося в Хель вслед за Бальдром. К тому же «тьма»⁷¹ (*hoðma*) из «Беовульфа» переключается с «темными глубокими впадинами», которые должен переехать Бальдр по пути к мосту через реку Гьель. «Таким же образом в «Беовульфе», возможно, смерть Херебальда показана как повешение, протыкание и езда с другими умершими»⁷², — заключает Норс. В другом месте он прямо пишет: «...смерть Бальдра была жертвоприношением, в котором он был не только пронзен копьем, но также повешен на Мировом древе»⁷³. И далее исследователь со ссылкой на Ульфа Уггасона и кеннинг погребального корабля Бальдра «морской Слейпнир» резюмирует, что Бальдр отправился в Хель на Слейпнире, что одновременно означает и повешение на Мировом древе, подобное жертвоприношению Одина.

* * *

Итак, последние замечания ещё больше сближают миф о Бальдре с культом Одина. Смерть Херебальда описывается автором «Беовульфа» как смерть самого Одина, что, конечно, не означает, что Бальдр и Один одно лицо. Скорее поэма подтверждает интерпретацию образа Бальдра как одиноческого героя, повторяющего смерть своего бога, дабы уподобиться ему и в итоге соединиться с ним в Вальхалле. Бальдр — сын Одина, но и герой Старкада, по сути, приходится приёмным сыном Одину. Один приносит Бальдра как жертву, что согласуется с участью всех героев этого верховного бога, смерть которых он подстроил. Во всяком случае так Бальдр и Хёд выглядят в повествовании Саксона. Однако под вопросом остаётся версия Снорри и негативная участь Бальдра в «Младшей Эдде». Почему Бальдр попадает в Хель? Возможно, попадание Бальдра в Хель — результат искажения мифа, а в изначальной версии окончательным местом пребывания Бальдра

68 North R. *Heathen Gods in Old English Literature*. P. 200.

69 *Беовульф*. 2445–2446 («gæt his byre ride gióng on galgen»).

70 *Беовульф*. 2457–2458 («ridend swefað, hæred in hoðman»).

71 *Gylfaginning*. 48.

72 North R. *Heathen Gods in Old English Literature*. P. 200.

73 *Ibid.* P. 300.

была Вальхалла. Или же можно принять версию Де Фриза и Поломе о том, что в ритуале инициации старый человек умирает и попадает в Хель, а новый человек рождается для будущей Вальхаллы. Но тогда не вполне понятно, почему Бальдр и Хёд выйдут из Хель после гибели богов и почему эта гибель богов начинается со смерти Бальдра, если речь идёт только об инициации.

Связь Бальдра с умершим и воскресшим богом, вероятно, также имела место. В эпоху неолита в Северной Европе были распространены идеи, связанные с сакральностью земли и мистикой возрождения. В контексте этих идей фигура, подобная Бальдру, вполне могла существовать, и, возможно, она оказала определённое влияние на структуру мифа о Бальдре. И все же Бальдр эпохи викингов далек от классического образа умершего и воскресшего бога. Даже если, назовем его условно, прото-Бальдр существовал, этот персонаж не был понят поклонниками Одина, которые стремились в Вальхаллу и в качестве идеальной участи видели себя в качестве эйнхериев — воинов Одина, неустанно сражающихся после смерти в ожидании последней битвы. Умерший и воскресший бог был им просто не нужен для достижения такой религиозной цели, как Вальхалла. Возможно, Бальдр эпохи викингов есть результат переосмысления людьми, исповедовавшими культ Одина, древних преданий. Может быть, этим объясняется то, что после гибели богов именно участники драмы Бальдра возродятся в новом мире. Говоря иными словами, идея воскресения Бальдра была лишней в логике достижения Вальхаллы, но сохранилась как артефакт и была отнесена к эпохе, когда образ Вальхаллы теряет актуальность. Ведь после гибели богов судьба Вальхаллы и эйнхериев неизвестна. А в остальном Бальдр был переосмыслен, адаптирован и стал частью мифологии Одина.

Если у Саксона Бальдр — герой Одина, то у Снорри эпизод с Бальдром выглядит как одиночное жертвоприношение, которое по каким-то причинам пошло не так как надо, т.е. было испорчено. С этого испорченного ритуала начинается гибель богов и смерть. Тогда, возможно, таинственные слова Одина, «которых не знает никто», прошепанные богом своему мёртвому сыну, — это какая-то формула, которая позволит Бальдру возродиться в обновленном мире после Рагнарёка. Наверняка неспроста имя Бальдра встречается во Втором Мерзебургском заклинании на восстановление костей хромого коня. Возможно, Бальдр — это бог, с которым ассоциировалось восстановление разрушенного мира. Как предположила Т.В. Топорова, «Бальдр на погребальном костре отождествляется с жертвой, приносимой Одином в целях повторной космозации вселенной в преддверии гибели богов»⁷⁴. Вероятно, эта жертва на погребальном костре должна была не предотвратить гибель, а помочь в этой гибели не погибнуть. Можно даже теоретически разделить миф на два жертвоприношения: смерть Бальдра и погребальный костер. Первое священнодействие было нарушено и искажено, и тогда начинается второе, которое должно исправить последствия первого. Тогда Один шепчет что-то мёртвому сыну [и это выражено глаголом *rūnen* («шептать»), связанным со словом «руны»] и возлагает волшебное кольцо Драупнир, и затем следует погребальный костер. Безусловно, всё это только предположения, однако они не лишены теологической логики. В конце концов миф о Бальдре остается одной из самых больших загадок скандинавской мифологии.

*Иллюстрации подобраны редакцией журнала
и не входили в оригинальный текст статьи.*

74 Топорова Т.В. Древнегерманские представления об ином мире. С. 344.

Шведские народные сказки: судьбы составителей и их сборника

Анастасия ТИШУНИНА

Статья первоначально опубликована
в паблике «Библиотека викинга»:
https://vk.com/biblioteka_vikinga

ISBN: 978-5-907982-19-2
Издательство: ИД «Городец»
Переводчик: Анастасия Тишунина
Художник: Катерина Вигдис
Год выпуска: 2025

В мае в издательстве «Городец» вышел первый перевод на русский язык сборника шведских народных сказок, изданного в середине XIX века под названием «Svenska folksagor». Он был составлен двумя шведскими фольклористами, чьи имена были до сих пор неизвестны русскому читателю. Однако для шведской традиции изучения сказок их вклад значит столько же, сколько братьев Гримм — для немецкой, Асбьёрнсена и Му — для норвежской, а Александра Афанасьева — для русской. Это Гуннар Улоф Хюльтен-Каваллиус и Джордж Стивенс.

Гуннар Улоф Хюльтен-Каваллиус (1818–1889) — сын священника, родился в Висланде, небольшом городке на юге Швеции. Библиотекарь, дипломат (в этом качестве он четыре года проработал в Бразилии) и этнолог, основатель первого регионального музея Швеции (Музея Смоланда в городе Векшё), один из основателей Шведской

ассоциации древностей, автор фундаментального двухтомного труда «Wärend och Wirdarne» (Историческая область Веренд и её жители) о фольклоре и языческих верованиях в южной Швеции. Наибольшую известность он получил как составитель сборника «Svenska Folksagor og äfventyr» (Шведские народные сказки и приключения),

опубликованный в соавторстве с Джорджем Стивенсом в 1844–49-х гг.

Одним из самых ярких литературных событий в жизни юного Гуннара Улофа стало знакомство со сборником шведских народных песен в четырёх томах «Svenska folkvisor», выпущенным в 1814–1816 годах. Он был составлен историком, поэтом, композитором Эриком Густавом Гейером и писателем, знатоком и переводчиком древнескандинавских саг Арвидом Августом Афцелиусом. Во многом именно собрание этих текстов заронило в Густаве Улофе желание изучать фольклор. В своих мемуарах «Ur mitt framfarna lif» (Из моей прошедшей жизни) он так описывал впечатления от знакомства с этим сборником: «Глубина чувств, пронизывающих эту старинную поэзию, захватила меня с удивительной силой». Возможно также предположить, что название своего собственного сборника сказок «Svenska folksagor» Гуннар Улоф намеренно сделал столь похожим на название этого сборника поэзии. Он познакомился со сборником в семнадцатилетнем возрасте и сразу же принялся самостоятельно собирать народные сказки, легенды, загадки, пословицы и песни. Особенно его интересовало культурное наследие Смоланда — исторической провинции в южной Швеции. Большое внимание он уделял также изучению языковых особенностей диалекта, на котором говорили в Смоланде, и первой научной работой Хюльтена-Каваллиуса стало составление двухтомного словаря «Vocabularium Værendicum» (Словарь Веренда), над которым он работал с 1837 по 1839 годы. Эту счастливую для себя пору он так описывает в мемуарах: «Какая удача для девятнадцатилетнего юноши, полного энергии, жажды жизни и научного интереса, иметь возможность путешествовать по краю, столь богатому воспоминаниями, каким был тогда Смоланд! Приключение за приключением, веселье и игры, охота в зелёных лесах и у голубых озёр, беседы со стариками в избах и с молодыми крестьянскими девушками на лугу, состязания с крестьянскими парнями, пение и танцы. И всё это среди средневековых церквей, полуразрушенных

замков, заросших мхами валунов, сказок, легенд, рыцарских сказаний... По правде говоря, чем чаще я оглядываюсь назад, тем больше убеждаюсь в том, что у меня была завидная молодость, если не сказать завидная жизнь.»

Хюльтен-Каваллиус окончил Уппсальский Университет, где изучал философию, в 1839 году и устроился библиотекарем в Королевскую библиотеку в Стокгольме, где проработал семнадцать лет. Однако собирание фольклора оставалось главной его страстью. Он описывал в своей автобиографии, как разыскивал приезжающих в Стокгольм на заработки крестьянских мужичков и расспрашивал их о фольклоре и сказках их родных краёв: «В зависимости от обстоятельств я угощал их пивом или кофе, и, разговорившись, мужички раскрывались словно шкатулки — рассказывали сказки, легенды, демонстрировали глубокое мифологическое сознание. А я сидел за шатким столом при свете жировой лампы, подробно записывал их рассказы и расспрашивал, не переставая.»

Осенью 1839 года он познакомился и на почве горячего интереса к фольклору быстро подружился с Джорджем Стивенсом.

Джордж Стивенс (1813–1895) —

сын священника, уроженец Ливерпуля. Однако наибольшую известность он приобрёл в Скандинавии. В 1834 году он переехал в Швецию, где стал заниматься историческими и археологическими исследованиями, а также обзавёлся семьёй. В первую очередь Стивенс интересовался историей Эпохи викингов: он выпустил ряд книг о рунических камнях в Скандинавии и несколько трудов о родстве английского и скандинавских языков. Но большой интерес он питал и к литературе: изучал древ-

нескандинавские саги, баллады и легенды, а также переводил на английский язык современных ему шведских писателей. Например, он перевёл «Сагу о Фритьофе» Эсайаса Тегнера, которая вышла в 1839 году в Англии с великолепными иллюстрациями и подробными комментариями. Однако Хюльтен-Каваллиус заразил Стивенса своим интересом к фольклору более позднего периода

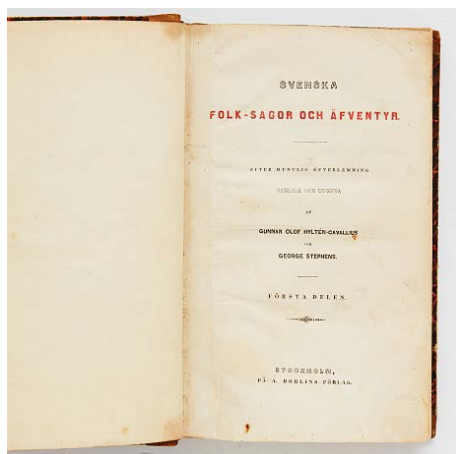

и прежде всего к народным сказкам. После переезда в Данию в 1851 году Стивенс был назначен преподавателем английского языка и литературы в Копенгагенском университете, где и проработал до самой своей смерти. Хюльтен-Каваллиус и Стивенс всю жизнь поддерживали дружеские отношения и вели активную переписку.

Однако вернёмся в 1839 год, когда друзья только познакомились. У них довольно быстро родилась идея издать собственный сборник сказок. Стоит отметить, что их молодость в целом пришлась на период всплеска интереса к народной поэзии, и аналогичные сборники выпускались во многих европейских странах. Неслучайно на второй странице сборника «Шведские народные сказки» содержалось посвящение братьям Якобу и Вильгельму Гримм, чей сборник «Kinder- und Hausmärchen» был опубликован в Германии в 1812–1814 гг. Некоторые из сказок братьев Гримм начали распространяться в Швеции в виде дешёвых тонких брошюр с 1824 года и довольно быстро завоевали популярность. Другими источниками вдохновения для издания, безусловно, были норвежские сказки, собранные Асбьёрнсеном и Му и опубликованные в 1843 году.

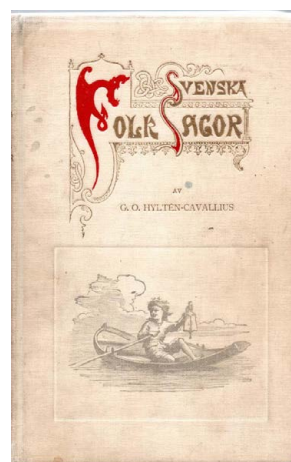
Единственное, что принадлежит нам, — это внешняя форма повествования... Хотя наша работа, таким образом, оказывается предназначена больше для исследователя, чем для широкой публики, мы всё же смеем надеяться, что и простой читатель полюбит эти сказки».

Всего в изданном друзьями сборнике содержалось 32 сказки, к большинству сказок давались подробные комментарии, а также приводились их различные региональные вариации. Среди представленных регионов Швеции преобладал, конечно же, родной для Хюльтена-Каваллиуса Смоланд — отсюда родом сразу 17 сказок. Упланд был представлен семью сказками, Сёдерманланд — двумя, а Верmland, Эстерьётланд, Вестманланд, Вестерьётланд, Сконе и Готланд — одной. Работа Хюльтена-Каваллиуса и Стивенса заложила основу для более серьёзного научного подхода к собранию сказок и вдохновила многих последователей. Хотя изданный ими сборник так и не получил того успеха, на который надеялись авторы, отдельные сказки широко разошлись в виде маленьких дешёвых переизданий.

Обложка первого издания сборника

За несколько лет друзьям удалось собрать большую коллекцию сказок и легенд из многих областей Швеции. В 1843 году они подписали контракт с книготорговцем и издателем Авраамом Болином. В предисловии к первому изданию 1844 года Хюльтен-Каваллиус писал: «Собранный материал мы систематизировали и воспроизвели без значительных дополнений или изменений.

Обложка первого издания сокращённой версии сборника 1875 г.

В 1875 году был опубликован укороченный сборник под названием «Svenska Folksagor» (Шведские народные сказки), в который вошли тринадцать сказок. Иллюстрации к нему создал знаменитый художник Эгрон Лундгрен. По данному изданию и был выполнен мой перевод.

Героями сказок этого сборника, впервые переведённого на русский язык, часто становятся самые обычные люди: крестьянские парни, сироты

и младшие сыновья, которым не приходится рассчитывать на наследство. Благодаря отваге, смелости и честности им удаётся получить в награду сказочные сокровища и любовь прекрасной принцессы. Конечно, во многом эти сказки похожи на сказки из других европейских культур: например, в сказке под названием «Каттенборг» причудливо сплелись мотивы «Кота в сапогах» и «Принцессы на горошине». Большинство сюжетов так или иначе связаны с крестьянской мечтой как-нибудь чудесным образом разбогатеть и подняться выше по социальной лестнице, восстановив при этом справедливость и наказав обидчиков.

Чудесные иллюстрации Kate Vigdis
для русского издания

Мудрые говорящие животные, волшебные помощники, чудесные артефакты, способность обернуться невидимым или перенестись за мгновение на невиданное расстояние — всё это может показаться читателю знакомым. Но есть в скандинавских сказках и отличительные черты. Это в первую очередь образы злых сил, противостоящих главным героям.

Во многих сказках роль антагонистов выполняют великаны и тролли, чей быт, однако, очень похож на быт людей. Не совсем ясно, разные это существа или одни и те же — в большинстве письменных источников (данный сборник не является исключением) эти слова часто являются взаимозаменяемыми и непоследовательно используются для описания одних и тех же персонажей. Шведские учёные вплоть до XVIII века всерьёз обсуждали вероятность существования неких великанов на территории Скандинавии, которые со временем то ли вымерли, то ли куда-то мигрировали. В своём фундаментальном труде «Wärend och Wirdarne» (Историческая область Веренд и её жители), опубликованном в 1863 году, Гуннар Улоф Хюльтен-Каваллиус высказывает предположение, что народные предания о троллях и великанах можно интерпретировать как воспоминания о неких коренных жителях южной Скандинавии, которые населяли эти территории до прихода индоевропейцев. Некоторые положения из этого труда были подвергнуты критике, но, несмотря на это, «Wärend och Wirdarne» имел очень большое значение для шведской этнографии. Антрополог Станислав Дробышевский, наш современник, считает, что представления скандинавов о троллях и великанах могут быть отголосками памяти первых людей о встрече с неандертальцами: «Уровень культуры троллей обычно изображается крайне низким, они олицетворяют дикость. На фоне кроманьонцев даже самые выдающиеся достижения неандертальцев действительно выглядят блекло. Практически всегда тролли в легендах глупы и даже тупы, их легко обмануть — это вообще один из главных мотивов. Трудно сказать, насколько остроумны были неандертальцы, но все, что мы о них знаем, заставляет предположить, что у них было меньше фантазии, чем у сапиенсов» («Достающее звено. Книга 1: Обезьяны и все-все-все», 2021).

Напоследок расскажу, что Хюльтен-Каваллиус и Стивенс составили и издали вместе ещё один сборник — в 1853 году они выпустили «Sveriges historiska och politiska visor» (Шведские исторические и политические песни). В этом обширном собрании были представлены народные песни на самые разные темы: о войнах Карла XII и Вестфальском мирном соглашении, о неурожае и ужасном голоде 1649 г., о коронациях монархов и их похоронах, и т.д.

Сюжет и пространство в викингских сагах

Алексей ЕРЁМЕНКО

МНОГИЕ элементы поэтики викингских саг — одной из двух групп исландских саг о древних временах (*fornaldarsögur*)¹ — определяются их сюжетообразующим конфликтом. Немаловажную роль в нем играет географическое пространство, которое не является однородным, но разделяется на три мира — реальный, сказочный, героический². Речь идет не просто о пространственной обособленности — все три мира представляют собой сложные комплексы с большим набором признаков, среди которых нужно назвать:

- а) топографические характеристики,
- б) этническую принадлежность жителей и их общественную организацию,
- в) этические и ментальные особенности населения,
- г) роль в сюжете, отношение обитателей к герою.

В настоящей работе предпринимается попытка охарактеризовать каждый из трех миров этого типа саговых текстов по перечисленным параметрам на материале двух крупных викингских саг — «Саги об Одде Стреле»³ и «Саги о Хрольве Гаутрекссоне»⁴.

1. Реальный мир

Из трех миров викингских саг реальный мир наиболее точно локализуется в координатах реальной топографии. В рассматриваемых памятниках речь идет о норвежских территориях Согн⁵ (запад страны), Халогаланд (центр/север страны)⁶, Осло-фьорд (юго-восток)⁷, а также о Ёталанде — области в южной Швеции⁸. Данные произведения писались в Исландии, но повествовали в большинстве своем о временах до заселения острова (последняя треть IX в.), т.е. чаще всего об этнических предках⁹ составителей данных текстов, и таким образом, перечисленные выше земли можно считать примерной зоной «своей территории» викингских, т.е. регионами, глубоко

1 Подробнее о классификации исландских саг см.: Simek R., Hermann Pálsson. *Lexikon der altnordischen Literatur*. Stuttgart, 1987. S. 179; о делении саг о древних временах: Глазырина Г.В. *Исландские викингские саги о Восточной Европе*. М., 1996. С. 9–16.

2 Ерёменко А.Б. *Пространство и сюжет в «Саге о Хрольве Гаутрекссоне» // Восприятие, моделирование и описание пространства в античной и средневековой литературе. XVIII Чтения памяти В.Т. Пашуто. V Чтения памяти А.А. Зимина. Москва, 17–19 апреля 2006 года. Тезисы докладов*. М., 2006; С. 61–64. Eremenko A.B. *The Dual World of the Fornaldarsögur // The 13th International Saga Conference. Durham and York, 6th–12th August, 2006. Conference Papers*. Durham, 2006. P. 217–222.

3 «Сага об Одде Стреле» цитируется по изданию: *Övar-Odds saga // Fornaldarsögur Norðurlanda / Útg. av Guðni Jónsson, Bjarni Vilhjálmsson. Reykjavík, 1944. Bd. I. Bls. 283–399 (далее: Ö.O.). Текст датируется второй половиной XIII в. (датировка дана по: Глазырина Г.В. *Исландские викингские саги*. С. 15).*

4 «Сага о Хрольве Гаутрекссоне» цитируется по изданию: *Hrólfs saga Gautrekssonar // Fornaldarsögur Norðurlanda / Útg. av Guðni Jónsson, Bjarni Vilhjálmsson. Reykjavík, 1944. Bd. III. Bls. 45–151 (далее: Hr.Gautr.). Текст датируется концом XIII в. (датировка дана по: Глазырина Г.В. *Исландские викингские саги*. С. 15).*

5 *Hr.Gautr.* Bls. 46.

6 *Ö.O.* Bls. 283.

7 *Ibidem.*

8 *Hr.Gautr.* Bls. 45.

9 Clunies Ross M. *Prolonged Echoes. Old Norse myths in medieval Northern society*. Odense, 1998. Vol. 2: *The Reception of Norse myths in medieval Iceland*. P. 90–96.

интегрированными в культурное пространство авторов и аудитории саг, осознающих эти территории как свою историческую прародину.

Необходимо отметить, что реальный мир, как и остальные миры викингских саг, не имеет четко выраженной границы, и в ряде случаев территории сочетают черты более чем одного мира, как правило, реального и героического. Это можно сказать, в частности, об Англии в «Саге о Хрольве Гаутрекссоне»¹⁰ или шведском городе Упсале в «Саге об Одде Стреле»¹¹. В этих случаях страна или регион обычно выступает как место, где герой получает дружественный прием, однако не остается надолго.

Обитателями реального мира викингских саг являлись обычные люди, принадлежащие к скандинавскому этносу и культуре, его общественное устройство отражает общественное устройство средневековой Скандинавии. Кроме того, именно в реальном мире главные герои усваивают этическую модель, которую отстаивают по ходу действия саги. В целом, реальный мир «Саги о Хрольве Гаутрекссоне» существует по тем же законам, что и мир, в котором это произведение создавалось — фактически, это часть реальности, которая была отражена в саге.

В «Саге о Хрольве Гаутрекссоне» довольно подробно описывается устройство власти в Ёталанде, которое имеет явное сходство с норвежской системой власти в том виде, в каком она отражена, в частности, в «Круге Земном»: сага показывает взаимодействие конунга страны (главным образом это касается не Хрольва, а его отца) со своими придворными, которые, обладая собственными интересами и определенной степенью независимости, способны влиять на государственную политику¹², хотя все же в итоге подтверждают свою лояльность правителю¹³. О родителях Одда Стрелы сообщается: «Грим жил в Храфнисте. Он был богат, а также являлся влиятельным человеком по всему Халогаланду и во многих других местах. Он был женат, и жену его звали Лоптена. Она была дочерью Харальда, херсира Осло-фьорда на востоке»¹⁴. Сага отражает также семейные и экономические отношения, характерные для средневековой Скандинавии: после долгого отсутствия Одд предъявляет права на имущество, которое принадлежало его семье в Храфнисте, и местные жители признают его требования юридически оправданными, после чего он вступает в право наследования¹⁵. Надо отметить при этом, что наличие в Халогаланде и Осло-фьорде социальной иерархии с правителем-монархом не подчеркивается, и в целом отраженная в этом тексте общественная структура имеет черты сходства с архаичной исландской моделью.

Сюжетная функция реального мира состоит в том, чтобы служить исходным пунктом для приключений героев в других условных мирах саги. В связи с этим он фигурирует только в начале и в конце всего повествования, а также, возможно, одного или нескольких промежуточных приключений, в котором принимают участие основные действующие лица. В финале обеих рассматриваемых саг титульные персонажи в итоге возвращаются в земли, где они родились: Хрольв — в Ёталанд¹⁶, Одд — в Храфнисту¹⁷ в Норвегии. Хрольв приходит в Ёталанд и после двух своих основных походов, в Швецию и в Гардарики¹⁸. В целом, главный герой викингских саг выступает как представитель реального мира, вступающий в контакт с другими мирами викингских саг, и именно поэтому его приключения происходят вне территории реального мира.

2. Сказочный мир

Одной из фундаментальных характеристик сказочного мира является отсутствие признаков, позволяющих локализовать его в реальном пространстве, чтобы попасть в эту безымянную

10 *Hr. Gautr. Bls. 116–130.*

11 *Ö.O. Bls. 323.*

12 *Hr. Gautr. Bls. 50–53.*

13 *Hr. Gautr. Bls. 55–57.*

14 *Ö.O. Bls. 283. Здесь и далее все переводы фрагментов из «Саги об Одде Стреле» и «Саги о Хрольве Гаутрекссоне» выполнены мной.*

15 *Ö.O. Bls. 389–390.*

16 *Hr. Gautr. Bls. 150.*

17 *Ö.O. Bls. 389 след.*

18 *Швеция: Ö.O. Bls. 55, 85 (о какой части Швеции идет речь, не уточняется); Гардарики: Ö.O. Bls. 112.*

локацию, героям приходится странствовать по незнакомым им территориям, отдаляясь от мест обитания людей, а само путешествие в сказочный мир в тексте часто заявляется, но не описывается, и не играет никакой существенной роли. Так, в «Саге о Хрольве Гаутрекссоне» злой волшебник-великан Гримнир насылает бурю, чтобы пригнать к своему острову корабль Хрольва, и, хотя из текста мы узнаем, что изначально Хрольв путешествовал из Швеции в Гардарики, сага сообщает, что его судно уносит очень далеко, и никак не уточняет, где герои оказываются после того, как сбились с пути (единственным указанием направления является северо-западная направленность ветра)¹⁹. Непогода, насланная врагами, приводит в страну великанов корабли Одда Стрелы и его спутников, отступающих после успешного набега на Бьярмаланд²⁰. В другом случае Одд просто странствует по безымянным землям, после чего гигантская хищная птица²¹, подхватывает его и переносит на неопределенное расстояние в неизвестном направлении, в результате чего герой оказывается в Рисаланде, дословно — «Земле великанов»²² (стоит отметить, что попадание в нечеловеческий мир при посредстве стервятника — типичный мотив для викингских саг, аналогичный случай есть, в частности, в «Саге об Эгиле и Асмунде»²³). Возвращение Одда из Рисаланда представлено еще более лаконично: «Пошел Одд в темный лес. Однажды [...] Одд вышел из леса»²⁴, — после чего он встречает корабли викингов, на которых отправляется «на запад к Англии»²⁵. Наконец, в еще одном случае Одд, находясь в Ёталанде, идет по безымянным и безлюдным землям, пока не оказывается в другой населенной людьми земле, которая долго остается безымянной в саге — что, по сути, также символизирует уход Одда из знакомого ему географического пространства (в итоге земля оказывается Грецией²⁶).

Фактически, герой «перескакивает» из реального пространства в сказочное — подобный феномен описан как на материале эпоса²⁷, так и волшебной сказки²⁸. При этом иногда территории могут сочетать атрибуты сказочного мира и других миров викингских саг — примером может служить Бьярмаланд. Формально это реальная территория, локализуемая в географическом пространстве, пусть и не совсем точно²⁹, и населенная людьми. Однако его жители подчеркнута чужды скандинавам: в частности, сага указывает, что бьярмов и Одда с его спутниками разделяет абсолютный языковой барьер, исключаящую всякую возможность общения³⁰. Необходимо отметить, что, хотя в реальной жизни случаи языкового непонимания должны были встречаться довольно часто, для викингских саг это уникальное описание. Кроме того, из Бьярмаланда Одд попадает уже в собственно сказочный мир, не имеющий привязки к реальной территории и населенный резко враждебными к скандинавам великанами, которые, как выясняется, являются союзниками бьярмов.

В викингских сагах обычно указывается происхождение и общественный статус действующих лиц, однако в «Саге о Хрольве Гаутрекссоне» это не распространяется на тех, кто принадлежит к сказочному миру, который, таким образом, не рассматривается в координатах, обычных для

19 *Hr.Gautr. Bls. 94–95.*

20 *Ö.O. Bls. 298–299.*

21 *Ö.O. Bls. 337. В тексте использовано слово *gamtr*, которое может означать «гриф», «коршун», «стервятник».*

22 *Ö.O. Bls. 337–339.*

23 *Egils saga einhenda ok Ásmundar berserkjabana // Fornaldarsögur Norðurlanda. Bd. III. Bls. 156. Также см.: Boberg I.-M. Motif-Index of Early Icelandic Literature. Copenhagen, 1966. P. 41 (мотив B31.2 «птица Gam»); 103 (F110 «путешествие в наземный иной мир»); 120 (F531.6.3 «жилища великанов» — Рисаланд и Йотунхейм).*

24 *Ö.O. Bls. 344.*

25 *Ö.O. Bls. 348.*

26 *Ö.O. Bls. 359–360. Указание на Грецию приводится в тексте позднее: Ö.O. Bls. 384.*

27 *Гуревич А. Я. Пространственно-временной континуум «Песни о Нибелунгах» // Гуревич А. Я. История. Нескончаемый спор. Мединевистика и скандинавистика: статьи разных лет. М., 2005. С. 128.*

28 *Пропп В. Я. Морфология <волшебной> сказки. Исторические корни волшебной сказки. М., 1998. С. 142.*

29 *Как отмечают исследователи, термин «Бьярмаланд» чаще всего использовался как собирательное название для земель Русского Севера. См.: Джаксон Т. Н., Глазырина Г. В. Бьярмия в отечественной историографии // История и археология Пскова и Псковской земли: Тезисы докладов предстоящей научно-практической конференции. Псков, 1986. С. 62–64; Джаксон Т. Н. Русский Север в древнескандинавских сагах // Культура Русского Севера. Л., 1988. С. 58–67; Jackson T. N. Bjarmaland Revisited // Acta Borealia. 2002. Nr. 2. P. 165–179.*

30 *Ö.O. Bls. 294. Побратим Асмунда называет наречие бьярмов «птичьим щебетом» (*fuglaklið*).*

человеческого общества³¹. В «Саге об Одде Стреле» приводится информация о происхождении жителей сказочного мира, однако речь не идет о реальной территориальной и/или этнической привязке: так, Хильдир происходит из вымышленной страны Рисаланда, йотун Гейррэд с Аустрвега (с Восточного пути)³²; остров великанов, куда Одд и его спутники попадает при бегстве из Бьярмаланда, не имеет никакого названия³³, а главный враг Одда Эгмунд является сыном конунга Бьярмаланда и колдуньи-великанши, о которой сообщается только, что она «жила под большим водопадом»³⁴. Однако обитатели сказочного мира, в сущности, вообще являются не людьми, а созданиями, наделенными сверхъестественными способностями или обладающими волшебными атрибутами. О Гримаре сообщается: «Железо не брало его и те двенадцать [воинов], которые за ним следовали. Они все едят сырое [мясо] и пьют кровь. Считается, что они больше похожи на троллей, чем на людей»³⁵, — а о его брате: «Это был ужаснейший великан, какого никто из них еще никогда не видел. Он не был таким уж уродливым, хотя обладал грубыми чертами лица. Он был хорошо одет и нес на спине целого медведя»³⁶.

Представители сказочного мира могут существовать вне общества — Гримнир обитает на пустынном острове, загадочный советник Йольф, который встречает Одда после его «перескакивания пространства» (в терминах В.Я. Проппа³⁷), чтобы дать волшебную помощь, также проживает в отдалении от людей на границе сказочного и обычного миров³⁸. Однако даже когда обитатели сказочного мира организованы в социум, он обладает принципиальными отличиями от человеческого. В Земле великанов, показанной в «Саге об Одде Стреле», существует примитивный вариант человеческого общества: в нем есть социальная иерархия, хотя власть в ее рамках передается в зависимости от силы и свирепости претендента (конунгом страны выбирается тот из сыновей предыдущего правителя, который убьет самого опасного зверя и держит самую злобную собаку)³⁹. Кроме того, местное общество отличается от общества средневековой Скандинавии, делая упор на магию, а не на технологическое развитие: великан принимает поставленный Оддом парус за колдовство, которое, по изумленному описанию Хильдира, заставляет «всю землю и горы нестись как сумасшедшие, а лодка [при этом] вот-вот потонет»⁴⁰.

Роль сказочного мира в сюжетобразующем конфликте викингских саг состоит в том, чтобы предлагать герою испытание, подобно тому, как происходит и в загробном мире сказки⁴¹. Чаще всего обитатель сказочного мира враждебен человеку из реального мира, и испытание для героя состоит в том, чтобы победить его. Такую роль выполняет Гримнир в «Саге о Хрольве Гаутрессоне», Эгмунд, Гейррэд и великаны с безымянного острова в «Саге об Одде Стреле». В основе подобных противостояний лежит различие этических воззрений: жители Йотунхейма отказываются от мудрости, Гримнир проявляет жестокость и презрение к правилам, регламентирующим схватку между благородными соперниками, Гейррэд и многие другие просто выказывают злые намерения по отношению к обитателям «реального мира». Как следствие, чтобы достичь своих целей, героям саг требуется проявить определенные этические качества, такие, как мудрость, храбрость или даже смирение⁴².

31 *Hr. Gautr. Bls. 86*

32 *Ö.O. Bls. 355*. Термин «Аустрвег» обозначал реально существующий регион, однако в тексте этот регион описан как родина вымышленного существа — йотуна.

33 *Ö.O. Bls. 299–303*.

34 *Ö.O. Bls. 245–347*.

35 *Hr. Gautr. Bls. 86*.

36 *Hr. Gautr. 97–98*.

37 Пропп В.Я. *Морфология*. С. 142.

38 *Ö.O. Bls. 360–361*.

39 *Ö.O. Bls. 338–339*.

40 *Ö.O. Bls. 342*.

41 Пропп В.Я. *Морфология*. С. 142–145.

42 Именно убедившись в наличии у Одда смирения, которого ему долго не хватало, Йольф оказывает ему поддержку (*Ö.O. Bls. 360–363*).

Надо отметить, что в рассматриваемых сагах чуждость не полностью тождественна отчуждению и агрессивности: в ряде случаев между жителями сказочного мира и скандинавами возможно конструктивное взаимодействие. Одд устанавливает добрые отношения с семьей одного из великанов, от дочери которого у него рождается сын⁴³. Кроме того, персонажи Йольф и Один-Раудграни⁴⁴ выступают в роли посредников, направляющих героя к испытанию или вознаграждающих за него. Однако мирные контакты скандинавов со сказочным миром в викингских сагах значительно более редки, чем конфликты с его обитателями.

3. Героический мир

Территории и страны, относящиеся к героическому миру, формально локализованы в реальном пространстве, но удалены от Исландии. Речь идет о таких землях, как Дания, Гардарики, Ирландия, Англия и даже Аквитания⁴⁵. В отличие от Норвегии, с которой у исландцев исторически существовали тесные связи и о которой они имели четкое представление, эти регионы были известны им меньше, и поэтому могли быть героико-мифологизированы. Степень «мифологизации» была разной: Швеция воспринимались в целом еще как территория реального мира, хотя и с присутствующими атрибутами других миров — в частности, именно здесь проживает королева-амазонка Торнбьёрг, преуспевшая в воинских искусствах и называющая себя мужчиной⁴⁶. Ирландия, напротив, предстает как колдовское и враждебное человеку место, что приближает ее к сказочному миру. Однако она все же населена людьми, кроме того, герои ищут и находят здесь для себя законных жен, что не характерно для сказочного мира⁴⁷. Многие территории в «Саге об Одде Стреле» вообще не получают описания, выступая просто как арена для викингских походов героев: сюда относятся, в частности, острова Зеландия и Самсё, Саксония и Фландрия⁴⁸.

В целом, в героическом мире сочетаются атрибуты реального и сказочного миров, хотя он отнюдь не сводился к их механическому наложению друг на друга. С одной стороны, это населенное людьми квазиреальное пространство, в которое переносятся основные принципы организации общества, в частности, государственное устройство и социальная иерархия, присущие скандинавскому обществу. Гардарики и Ирландия обладают такими признаками государства, как верховная власть, двор, войско⁴⁹, а в «Саге об Одде Стреле» абсолютное большинство стран имеют правителей-конунгов. В «Саге о Хрольве Гаутрекссоне» детально описывается социальная иерархия Англии, где присутствуют бедные люди (в том числе амбициозная молодежь, стремящаяся сделать воинскую карьеру)⁵⁰, и состоятельные землевладельцы⁵¹, и знать, серьезно озабоченная своим положением в обществе⁵².

В то же время свойства этого мира обычно гиперболизированы настолько, что были бы невозможными в реальном мире. Здесь регулярно происходят масштабные военные конфликты, часто приводящие к переходу из рук в руки целых королевств, причем речь идет о событиях, которые

43 Ö.O. Bls. 351–352.

44 Один-Раудграни сообщает Одду важную для него информацию после того, как тот прошел через сказочный мир (Ö.O. Bls. 344–348, 359), а Йольф, убедившись в его подобающих этических качествах (Одд показывает ему, что обуздал свою гордыню), снабжает героя магическим артефактом, который помогает ему одержать победу в последующих битвах со сверхъестественными созданиями (Ö.O. Bls. 360–363, 382–383). Оба персонажа выступают здесь в качестве эквивалента «магического помощника» из потустороннего мира сказки — об этом подробнее см.: Ерёмченко А.Б. Фольклорные элементы в викингских сагах: образ дарителя // Скандинавские чтения 2004 года: Этнографические и культурно-исторические аспекты / Отв. ред. В.Е. Возгрин, Т.А. Шрадер. СПб, 2006. С. 269–277.

45 Дания: Hr.Gautr. Bls. 50–53, Ö.O. Bls. 350; Гардарики: Hr.Gautr. Bls. 91–92; Ирландия: Hr.Gautr. Bls. 112, Ö.O. Bls. 312; Англия: Hr.Gautr. Bls. 118–130, Ö.O. Bls. 318–319; Аквитания: Ö.O. Bls. 335.

46 Hr.Gautr. Bls. 53.

47 Ö.O. Bls. 317–318, Hr.Gautr. Bls. 146–147. Помимо этого, в одном эпизоде Одд становится отцом ребенка, которого рождает обитательница Рисаланда, однако в этом случае речь идет о подчеркнуто незаконном сожителе.

48 Зеландия: Ö.O. Bls. 310; Самсё: Ö.O. Bls. 323; Саксония: Ö.O. Bls. 350; Фландрия: Ö.O. Bls. 326.

49 Hr.Gautr. Bls. 91–92, Ö.O. Bls. 112.

50 Hr.Gautr. Bls. 123.

51 Hr.Gautr. Bls. 128.

52 Hr.Gautr. Bls. 125.

порой невозможно соотнести с реальной историей — так, Одд и его побратим Хьяльмар отказываются от добытой ими в бою власти над Англией и дарят страну персонажу по имени Сколли⁵³, что, разумеется, не имеет исторической основы. Действующие лица часто обладают сверхъестественной силой и другими способностями: так, Торир из Гардарики настолько могуч в бою, что способен в одиночку изменять ход сражения целых армий, Хрольв Ирландский обладает даром предвидения: «Конунг был настолько прозорливым, что в своей невероятной злобе он узнавал заранее о приходе [сватов], и успевал подготовить могучее войско, даже когда они пытались застать его врасплох», — а Ольвор из «Саги об Одде Стреле» тклет рубашку, которая защищает своего хозяина от любого оружия⁵⁴.

Кроме того, у жителей героического мира гиперболизированы и этические качества. Доблесть Хьяльмара побуждает его вступить в самоубийственный поединок с Ангантюром, который вооружен волшебным мечом⁵⁵. Хрольв Гаутрекссон неоднократно проявляет великодушие по отношению к людям, которые стремились его убить — в частности, к Сигурду с Бардом и английским ярлам-заговорщикам, посягнувшим на его жизнь, — а храброму викингу Асмунду, над которым одерживает победу, вообще предлагает дружбу и побратимство⁵⁶. Хрольв также неоднократно проявляет мудрость, например, в эпизоде с великаном Гримниром, который запирает Хрольва и Асмунда в своем доме, намереваясь их убить — здесь Хрольв находит способ победить столь опасного противника⁵⁷. Побратимы-викинги Одд и Хьяльмар следуют подчеркнuto благородному и малореалистичному кодексу чести, который был предложен Хьяльмаром, указывавшим, в частности: «В набегах я буду позволять себе брать у торговцев или крестьян только то, что необходимо моей команде для пропитания. Я не буду также похищать женщин»⁵⁸.

При этом, если у положительных персонажей преувеличены их позитивные свойства, то у отрицательных — негативные. Ирландский конунг проявляет коварство, подготовив тщательную и смертельную ловушку Хрольву и Асмунду, которые прибывают посвататься к его дочери. Берсерки из Гардарики ведут себя глупо, поддаваясь на словесную провокацию в бою, что дает Хрольву возможность легко с ними расправиться. Воины страны Бьялки также демонстрируют глупость, принимая за колдовство победу Одда над их предводителем Видгрипом, одержанную обычной воинской хитростью. Берсерки Ангантюра проявляют выходящую за любые рамки жестокость, выражая намерение убить собственного отца только потому, что он не смог помочь им найти достаточно сильных противников.

Героический мир, где происходит основная часть действия викингских саг, может выступать как промежуточное место пребывания героев — в таком качестве представлены Англия и Дания в «Саге об Одде Стреле»⁵⁹. Однако главная его сюжетная функция состоит в том, чтобы служить ареной для развертывания конфликта, переходящего в сказочный мир только в момент испытания для героя.

Проведенный анализ структуры пространства, изображенного в «Саге о Хрольве Гаутрекссоне» и «Саге об Одде Стреле», позволяет нам установить соотношение трех миров викингских саг между собой и их роль в сюжетах данных памятников. Реальный мир является исходным пунктом для путешествия героя, героический мир служит ареной для основного действия саги, а в сказочном мире — эквиваленте загробного мира — герой проходит свое испытание. Последнее обычно играет важную, хотя не обязательно ключевую, роль для всего сюжета, и кроме того, подчеркивает основной этический посыл саги, поскольку требует от героя проявления положительных моральных качеств.

53 *Ö.O. Bls. 318–319.*

54 *Ö.O. Bls. 313–314.*

55 *Ö.O. Bls. 326–330.*

56 *Hr.Gautr. Bls. 75.*

57 *Hr.Gautr. Bls. 96–100.*

58 *Ö.O. Bls. 310.*

59 *Англия: Ö.O. Bls. 348; Дания: Ö.O. Bls. 350.*

Леонид ОГОРОДНОВ,
психолог,
психодраматерапевт

Мифодрама «Смерть Бальдра»: принятие потери

От автора: *События, описываемые мифом о смерти Бальдра, который изложен в восьмой главе, кладут начало необратимым нарушениям равновесия, которые приводят к гибели мира. Активность матери Бальдра, кажущееся спокойствие его отца, ярость его брата и отчаяние его жены достаточно полно описывают чувства человека, пережившего тяжёлую утрату, чтобы этот миф можно было использовать для работы с посттравматическим стрессовым расстройством.*

Взаимоотношения двух миров скандинавского Мирового Древа — Асгарда и Хель — описываются двумя мифами: «Снами Бальдра» и «Мифом о смерти Бальдра». В психологическом плане оба мифа, особенно «Миф о смерти Бальдра», описывают работу горевания у людей, потерявших близкого им человека. Прежде чем исследовать содержание мифов, необходимо понять, что представляет собой Хель.

Хель или Нифльхель — один из девяти миров скандинавской мифологии, царство мертвых. Туда отправляются люди, не погибшие на поле боя, а умершие от болезней или убитые без оружия в руках. Воины, погибшие в бою, отправляются в Вальгаллу, дворец Одина в Асгарде. Миром Хель владеет дочь Локи, которую также зовут Хель:

«А великаншу Хель Один низверг в Нифльхейм и поставил её владеть девятью мирами, дабы она давала приют у себя всем, кто к ней послан, а это люди, умершие от болезней или от старости. Там у нее большие селенья, и на диво высоки её ограды и крепки решетки. Мокрая Морось зовутся её палаты, Голод — её блюдо. Истощение — её нож, Лежебока — слуга. Соня — служанка, Напасть — падающая на порог решётка. Одр Болезни — постель. Злая Кручина — полог её».

Асгард, мир богов-асов, и Хель — миры оппозиционные, их прямое столкновение произойдёт в Рагнарек, когда предводительствуемые Локи обитатели Хель станут сражаться с эйнхериями Одина.

В качестве Мира мёртвых я использую Хель как место для работы с темой смерти и для драмы предков. Здесь есть возможность поговорить с умершим родственником, закончить незавершенные отношения, попросить прощение при работе с чувством вины и получить благословение. При работе с отдаленными предками здесь можно обнаружить причины проблемных ситуаций, которые не объясняются обстоятельствами жизни клиента, а также ресурсы для их решения.

Так, в одной из драм причиной недоверия протагонистки к мужчинам оказалась травма, полученная её прабабушкой, муж которой пропал без вести во время войны. Бессознательно прабабушка воспринимала то, что произошло, как предательство со стороны мужа, и от неё по женской линии в этой семье передавалось ожидание подвоха. Выходом из этой ситуации стал разговор прабабушки с её мужем, а затем переданное дочери, внучке и правнучке разрешение доверять мужчинам.

В статье я буду по сценам пересказывать миф и сопровождать пересказ своими комментариями.

Бальдру, богу весны, сыну Одина и Фригг, снятся зловещие сны, предвещающие его гибель. Один отправляется в Хель, чтобы выяснить, что это означает, а Фригг пытается предотвратить гибель Бальдра. Проследим сначала за Одином («Сны Бальдра», «Старшая Эдда»).

Один скачет в Хель, по дороге встречает окровавленного пса, заклинанием поднимает из могилы прорицательницу — вёльву — и от неё узнает все будущие события: в Хель уже приготовлено пиво для Бальдра, его убийцей станет его слепой брат Хёд, а специально для этой цели рожденный Вали отомстит Хёду.

Итак, мы узнаем, что будущее predetermined и даже Одину не под силу изменить положение вещей.

Бальдр — самый светлый из скандинавских богов:

«Второй сын Одина — это Бальдр. О нем можно сказать только доброе. Он лучше всех, и его все прославляют. Так он прекрасен лицом и так светел, что исходит от него сияние. Есть растение, столь белоснежное, что равняют его с ресницами Бальдра, из всех растений оно самое белое. Теперь ты можешь вообразить, насколько светлы и прекрасны волосы его и тело. Он самый мудрый из асов, самый сладкоречивый и благостный. Но написано ему на роду, что не исполнится ни один из его приговоров. Он живет в месте, что зовется Брейдаблик, на небесах. В этом месте не может быть никакого порока, как здесь об этом сказано:

Брейдаблик зовется.

Бальдр там себе

построил палаты;

на этой земле

злодейств никаких

не бывало от века».

Смерть Бальдра принесет в мир «величайшее несчастье для богов и людей» — это первый шаг к Последней Битве, в которой погибнет существующий порядок вещей. Для Одина, «Всеотца», это самая важная информация во всей этой истории. В дальнейшем Один остается как бы над происходящими событиями, он не предпринимает попыток спасти Бальдра, понимая их тщетность. Это пытается сделать его жена:

«Надо поведать и о событиях, что ещё важнее для асов. Начинается сказ с того, что Бальдру Доброму стали сниться дурные сны, предвещавшие опасность для его жизни. И когда он рассказал те сны асам, они держали все вместе совет, и было решено оградить Бальдра от всяких опасностей. И Фригг взяла клятву с огня и воды, железа и разных металлов, камней, земли, деревьев, болезней, зверей, птиц, яда и змей, что они не тронут Бальдра».

Всё сущее в мире понимает, что гибель Бальдра будет означать гибель самого мира.

«А когда она это сделала и другим поведала, стали Бальдр и асы забавляться тем, что Бальдр становился на поле тинга, а другие должны были кто пускать в него стрелы, кто рубить его мечом, а кто бросать в него камнями. Но что бы они ни делали, всё было Бальдру нипочём, и все почитали это за великую удачу».

Появившаяся иллюзия безопасности, неуязвимости и бессмертия заставляет асов потерять бдительность. Их поведение напоминает поведение играющих детей, не задумывающихся о собственной смерти и возможной потере близких. Сама игра подтверждает существование сообщества и неизбежность его основ.

«Как увидел то Локи, сын Лаувейи, пришлось ему не по нраву, что ничего не вредит Бальдру. Он пошел к Фригг, в Фенсалир, приняв образ женщины. А Фригг и спрашивает, ведомо ли той женщине, что делают асы на поле тинга. Та отвечает, что все, мол, стреляют в Бальдра, но это не причиняет ему вреда. Тогда промолвила Фригг: «Ни железо, ни дерево не сделают зла Бальдру. Я взяла с них в том клятву». Тут женщина спрашивает: «Все ли вещи дали клятву не трогать Бальдра?» Фригг отвечает: «Растет к западу от Вальгаллы один побег, что зовется омелою. Он показался мне слишком молод, чтобы брать с него клятву». Женщина тут же ушла».

Фригг также полагает, что Бальдр в безопасности. В конце концов, если клятва была взята со всех, значит, никто, в том числе и навестившая Фригг женщина, не может повредить Бальдру. Опасный самообман:

«Локи вырвал с корнем тот побег омелы и пошёл на поле тинга. Хёд стоял в стороне от мужей, обступивших Бальдра, ибо он был слеп. Тогда Локи заговорил с ним: «Отчего не метнёшь ты чем-нибудь в Бальдра?» Тот отвечает: «Оттого, что я не вижу, где стоит Бальдр, да и нет у меня оружия». Тогда сказал Локи: «Всё ж поступи по примеру других и уважь Бальдра, как и все остальные. Я укажу тебе, где он стоит; метни в него этот прут». Хёд взял побег омелы и метнул в Бальдра, как указывал ему Локи. Пронзил тот прут Бальдра, и упал он мёртвым на землю. И так свершилось величайшее несчастье для богов и людей».

Давайте попытаемся осмыслить действия Локи. С эсхатологической точки зрения он выступает как антигерой. Убийство Бальдра — его первое необратимое выступление против существующего порядка.

Двойственность образа Локи неоднократно подчёркивалась исследователями. Главная характеристика Локи как трикстера состоит в двойственности его отношения к существующей структуре мира.

Локи — теневая ипостась и побратим Одина. Сначала Локи под именем Лодур выступал одним из создателей мира и людей. Затем в результате его не всегда безобидных трикстерских проделок боги обретают основные предметы своего могущества. Когда молот Тора попадает к врагам асов, великанам, Локи помогает вернуть его обратно.

С другой стороны, Локи является отцом трёх чудовищ — волка Фенрира, который в Рагнарёк уьёт Одина, мирового змея Ёрмундганда, который погубит Тора, столпа порядка, и уже знакомой нам Хель. Сам Локи в Последней Битве сразится с Хеймдаллем, погибнут оба.

В мифе о Бальдре Локи начинает выполнять своё предназначение — разрушить этот мир. И то, что мир должен быть разрушен, не оспаривается создателем этого мира, Одином (это подтверждается хотя бы тем, что Локи не был наказан непосредственно после его поступка, да и инициатором отсроченного наказания был не Один).

Выполняя своё предназначение, Локи действует отнюдь не планомерно и обдуманно, а импульсивно, как и положено трикстеру. Его действия напоминают поведение обиженного ребенка, исключённого из игры и старающегося помешать другим детям наслаждаться игрой.

Вместе с тем Локи играет ещё одну очень важную интрапсихическую роль — он разрушает иллюзию о бессмертии. Инфантильное отрицание смерти свойственно людям, когда речь идёт об их близких. Для того, чтобы исцеляющий процесс горевания был запущен, эта иллюзия должна быть развеяна.

Дальнейшее повествование ярко демонстрирует процесс, который в современной психологии и психиатрии описывается как посттравматический стресс.

«Когда Бальдр упал, язык перестал слушаться асов, и не повиновались им руки, чтобы поднять его. Они смотрели один на другого, и у всех была одна мысль — о том, кто это сделал. Но мстить было нельзя: было то место для всех священно. И когда асы попытались говорить, сначала был слышен только плач, ибо никто не мог поведать другому словами о своей скорби. Но Одину было тяжелее всех сносить утрату: лучше других постигал он, сколь великий урон причинила асам смерть Бальдра».

Общепринятого определения посттравматического стресса (ПТС) не существует, но в целом его можно описать как реакцию человека на очень сильный стресс: потерю близких, катастрофические события, насилие, участие в боевых действиях и т.п. Сила стресса при этом определяется не столько интенсивностью самого события, сколько отношением к нему потерпевшего (на самом деле в списке стрессовых событий есть лишь одно, вызывающее посттравматическое стрессовое расстройство со стопроцентной вероятностью, — это пытки).

В протекании ПТС выделяют четыре фазы: фаза шока, фаза агрессии и вины, фаза депрессии и фаза исцеления. Если человек в своих переживаниях не проходит одну из первых трех фаз, фиксируется на одной из них, принято говорить о посттравматическом стрессовом расстройстве.

Потеря близкого человека — одно из событий, способных вызвать ПТС. Переживание потери близкого называют гореванием.

Приведенный выше отрывок мифа описывает первую фазу ПТС — фазу отрицания или шока.

Заручившись клятвами всего сущего, боги чувствуют себя в безопасности — и вдруг мир рушится: неожиданность, неподготовленность к случившемуся сопровождается ощущением оглушенности, беспомощности. Первую фазу ПТС часто сравнивают с психологическим анестетиком — психика не способна справиться с таким стрессом, человек отказывается верить в случившееся.

Такой механизм психологической защиты называется отрицанием, и это один из самых архаических механизмов нашей психики. Его постоянное использование приводит к серьезному психическому заболеванию, но, к счастью, первая фаза ПТС, как правило, очень непродолжительна.

Замечу, что описание самочувствия Одина напоминает чувства человека, подготовленного к смерти близкого: он не испытывает шока, он страдает больше всех, но уже принимает смерть Бальдра и её последствия.

Вторая фаза развития ПТС называется фазой агрессии и вины.

Самым драматичным описанием перехода от первой ко второй стадии ПТС в скандинавской мифологии можно считать «Первую песнь о Гудрун» из «Старшей Эдды».

*«Так было — смерти
желала Гудрун,
над Сигурдом мёртвым
горестно сидя;
не голосила,
руки ломая,
не причитала,
как жёны другие».*

Знатные ярлы пытались утешить Гудрун, но безуспешно:

*«Не было слёз
горючих у Гудрун:
гибель юноши,
конунга смерть,
горе великое
камнем легло».*

Тогда каждая из жен ярлов стала рассказывать ей о самом большом горе в своей жизни — о гибели семи сыновей и мужа, о своём пребывании в плену и унижениях, которые пришлось претерпеть. Гудрун не плакала. И тогда молодая девушка:

*«Сдёрнула саван
с тела Сигурда,
к ногам жены
подушку метнула:*

*«Вот он! Прильни
губами к устам, —
ведь так ты его
живого встречала!»
Вскрикнув, грянулась
оземь Гудрун;
косы рассыпались,
вся покраснела,
хлынули слёзы
дождём на колени».*

Однако эти слёзы — не исцеляющие, это слёзы бессилия. Они помогают Гудрун выйти из шока, перестать отрицать сам факт гибели Сигурда, но теперь она начинает строить план мести.

В мифе о Бальдре вторая стадия посттравматического стресса описана иначе:

«Когда же боги обрели разум, молвила слово Фригг и спросила, кто из асов хочет снискать любовь её и расположение и поедет Дорогою в Хель, и постарается разыскать Бальдра, и предложит за него выкуп Хель, чтобы она отпустила Бальдра назад в Асгард. И тот, кого называют Хермод Удалой, сын Одина, вызвался ехать. Вывели тут Слейпнира, коня Одина, вскочил Хермод на того коня и умчался прочь».

Здесь повествование распадается на две линии событий, происходящих одновременно: путешествие Хермода и погребение Бальдра. Путешествие Хермода, с моей точки зрения, относится в большей степени к третьей фазе ПТС, и к нему я вернусь позже. Погребение же Бальдра продолжает описание процесса горевания.

Итак, вторая фаза ПТС — это фаза агрессии и вины. Стеничное поведение Фригг является отражением одного из способов пережить травму. Именно Фригг должна по логике событий переживать вину (замечу, что вина в данном случае — это агрессия, обращенная на себя). Люди, недавно пережившие потерю близких, часто склонны винить себя в том, что мало сделали для их спасения. Так, одна из моих клиенток, переживая смерть отца-алкоголика, винила себя в том, что не смогла помешать ему пить. Фригг не предусмотрела, что омега может явиться причиной смерти Бальдра, винит себя в непредусмотрительности и теперь пытается исправить необратимую ситуацию (из Хель никто никогда не возвращался). Многие знают, как целенаправленная активность в этот период, например, при подготовке к похоронам, помогает пережить боль. Другой персонаж, переживающий вину, — это слепой Хёд, «убийца рукой» (в отличие от «убийцы советом», Локи, которой никакой вины не переживает). Его способ искупить вину — принести себя в жертву. В реальности люди, переживающие посттравматический стресс таким способом, часто становятся алкоголиками или наркоманами. Печальная статистика самоубийств, вызванных смертью близких людей, также иллюстрирует фиксацию на чувстве вины.

«Асы же подняли тело Бальдра и перенесли к морю. Хрингхорни звалась ладья Бальдра, что всех кораблей больше. Боги хотели спустить её в море и зажечь на ней погребальный костер. Но ладья не трогалась с места.

Тогда послали в Страну Великанов за великаншей по имени Хюррокин. Когда она приехала — верхом на волке, а поводьями ей служили змеи — и соскочила наземь, Один позвал четырёх берсерков поддержать её коня, но те не могли его удержать, пока не свалили. Тут Хюррокин подошла к носу ладьи и сдвинула её с первого же толчка, так что с катков посыпались искры и вся земля задрожала».

Великаны в скандинавской мифологии — неоднозначные существа, иногда они помогают богам, родословная некоторых богов восходит к великанам. Но в целом великаны воспринимаются как враждебные силы. В тексте подчеркиваются атрибуты агрессии и силы, и само имя Хюррокин («Сморщенная от огня») можно понять как указание на постоянное пребывание в состоянии

агрессии. В мифе этот персонаж эмоционально нейтрален по отношению к Бальдру и выполняет функцию кладбищенского работника, закапывающего гроб.

Важно подчеркнуть, что сами асы не могут спустить ладью на воду. Психологически эта вдруг охватившая их слабость означает неспособность «отпустить» Бальдра — это возможно только на фазе исцеления. В обряде захоронения близкие символически «отпускают» покойника, бросая на гроб комья земли, но всё же, как правило, кладбищенскую работу выполняют эмоционально нейтральные люди.

«Тогда Тор разгневался и схватился за молот. Он разбил бы ей череп, но все боги просили пощадить её».

Гнев как проявление второй фазы ПТС может быть обращён на себя, на покойника или на третьих лиц, в том числе никак не вовлечённых в ситуацию. По сути, этот гнев обращён на саму ситуацию («Так не должно быть!»), а конкретный предмет, на который он будет обращён, зависит от психологического типа горящего. Импульсивный экстраверт Тор злится на ни в чем не повинную великаншу. Один из моих клиентов рассказывал мне, что на поминках по отцу он избил неудачно пошутившего родственника.

«Потом тело Бальдра перенесли на ладью, и лишь увидела это жена его Нанна, дочь Цета, у нее разорвалось от горя сердце, и она умерла. Её положили на костер и зажгли его».

«Ты умер, значит, умру и я» — довольно распространённая психологическая реакция. Если она не имеет в своем основании чувства вины, то такие чувства более характерны для фиксации на третьей фазе ПТС, фазе депрессии или собственно горевания. В психодраматической работе эти два состояния (состояние Хёда и состояние Нанны) можно различить, проведя встречу с умершим. Если во время встречи со стороны умершего звучат обвинения, значит, чувство вины есть. В этом случае стратегия психотерапии направлена на избавление от чувства вины либо с помощью умершего, либо с помощью третьих сил. Здесь мне вспоминаются два случая. В первом женщина страдала панфобией, имевшей своей причиной чувство вины перед умершей на её руках бабушкой. После разговора с бабушкой, объяснившей клиентке, что ей не в чем себя винить, все страхи прошли. В другом случае умерший отец клиентки отказывался «отпустить» клиентку, говорил, что её вина слишком велика и она должна последовать за ним. Выходом из ситуации было введение ангела-хранителя протагонистки, объяснившего ей реальное положение вещей и отпустившего «грехи».

На третьей фазе ПТС отказ от жизни, в том числе мысли о самоубийстве, вызваны потерей ощущения смысла жизни («Без тебя мне белый свет не мил»). По моим ощущениям, работа по обретению новых смыслов более энергоёмкая, чем работа с чувством вины.

«Тор встал рядом и освятил костер молотом Мьёлльнир. А у ног его пробежал некий карлик по имени Лит, и Тор пихнул его ногою в костер, и он сгорел».

Убийство карлика — гнев на обстоятельства (поиск козла отпущения), сродни попытке убить великаншу. В тоже время имя карлика, означающее «Цветной», может намекать на отказ от красок мира, свойственный фазе депрессии.

«Множество разного народу сошлось у костра. Сперва надо поведать об Одине и что с ним была Фригг и валькирии, и его вороны. А Фрейр ехал в колеснице, запряжённой вепрем Золотая Щетина, или Страшный Клык. Хеймдалль ехал верхом на коне Золотая Чёлка, Фрейя же правила своими кошками. Пришёл туда и великий народ инеистых исполинов и горных великанов».

Небывалое единение обитателей разных миров (асов, ванов, карликов и великанов), в том числе и враждебных друг другу, относится к эсхатологическому мотиву в мифе и подчёркивает общую для всех угрозу.

«Один положил на костер золотое кольцо Драупнир. Есть у этого кольца с тех пор свойство: каждую девятую ночь капает из него по восьми колец такого же веса. Коня Бальдра взвели на костёр во всей сбруе».

Кольцо Драупнир («Капающее») фигурирует в нескольких мифах и изменяет свою символику в зависимости от контекста. Наиболее распространённая (и уместная в данном контексте) версия

предполагает, что кольцо является символом богатства, плодородия и размножения. Если принять моё предположение о том, что Один находится вне процесса горевания, «над ситуацией», то он кладёт кольцо в погребальную ладью Бальдра именно ради того, чтобы Бальдр вернул его. Это было бы знаком того, что Бальдр остаётся в Хель, попытки вернуть его бессмысленны, но в то же время жизнь продолжается и без него. Понимание этого — ключ к исцелению от боли, вызванной потерей. Кроме того, имя кольца — «Капающее» — навеивает ассоциации со слезами, позволяющими перейти от депрессии к исцелению.

В «Младшей Эдде» отсутствует упоминание о том, что, передавая сыну кольцо, Один что-то прошептал ему. Между тем, содержание этого послания представляет собой самую тщательно охраняемую тайну скандинавской мифологии. Великан Вафтруднир, знающий всё не только об устройстве и истории происхождения мира, но и о гибели богов и возрождении мира, на вопрос о речи Одина к Бальдру ответить не смог:

*«Один сказал:
«Я странствовал много,
беседовал много
с благими богами;
что сыну Один
поведал, когда
сын лежал на костре?»
Вафтруднир сказал:
«Никто не узнает,
что потаённо
ты сыну сказал!»*

Между тем, ответ на этот вопрос дал бы ключ к пониманию всей скандинавской эсхатологии и, в частности, к мотивам поведения Одина. В литературе я встречал самые разные по своей спекулятивности и самонадеянности ответы на этот вопрос, но приводить я их не буду. Гораздо интереснее, экологичнее и терапевтичнее попросить участников социодрамы дать свои версии. Замечу только, что моя собственная версия: «Верни кольцо с Хермодом» — на группе прозвучала не один раз.

Итак, погребение состоялось, Бальдр отправился в Хель. Вернемся к попыткам Фригг (и Хермода) вернуть Бальдра из Хель.

«Теперь надо поведать о Хермоде, что он скакал девять ночей тёмными и глубокими долинами и ничего не видел, пока не подъехал к реке Гьёлль и не ступил на мост, высланный светящимся золотом. Модгуд — имя девы, охраняющей тот мост. Она спросила, как звать его и какого он роду, и сказала, что за день до того проезжали по мосту пять полчищ мертвецов, так не меньше грохочет мост и под одним тобою, и не похож ты с лица на мёртвого. Зачем же ты едешь сюда, по Дороге в Хель?» Он отвечает: «Нужно мне в Хель, чтобы разыскать Бальдра, да может стать, видала ты Бальдра на Дороге в Хель?» И она сказала, что Бальдр проезжал по мосту через Гьёлль, «а дорога в Хель идет вниз и к северу».

Тогда Хермод поехал дальше, пока не добрался до решётчатых ворот в Хель. Тут он спешился, затянул коню подпругу, снова вскочил на него, всадил в бока шпоры, и конь перескочил через ворота, да так высоко, что вовсе их не задел. Тогда Хермод подъехал к палатам и, сойдя с коня, ступил в палаты и увидел там на почётном месте брата своего Бальдра.

Хермод заночевал там. А наутро стал он просить Хель отпустить Бальдра назад, рассказывая, что за плач великий был у асов. Но Хель сказала, что надо проверить, правда ли все так любят Бальдра, как о том говорят. И если все, что ни есть на земле живого или мёртвого, будет плакать по Бальдру, он возвратится к асам. Но он останется у Хель, если кто-нибудь воспротивится и не станет плакать. Тогда Хермод поднялся, а Бальдр проводил его из палат и, взяв

кольцо Драупнир, послал его на память Одину, а Нанна послала Фригг свой плат и другие дары, а Фулле — перстень».

На третьей стадии горевания, после того как постепенно иссякает энергия агрессии, человек переживает депрессию, вызванную потерей близкого. Симптоматически это проявляется в безразличии к происходящему, тоске, ощущении потери смысла. В тоже время в психике человека происходят глубинные изменения, которые при благоприятном исходе позволяют ему примириться со случившимся. Внешние проявления депрессии, хотя они и не описаны в мифе, символизируются богами, оставшимися в Асгарде. Внутренние процессы описаны путешествием Хермода.

Хермод едет в подземный мир и в течение девяти дней ничего не видит. Я вижу в этом символическое описание экзогенной депрессии — переживающий депрессию человек обращен внутрь себя, он проделывает работу (путешествие), сути которой до поры до времени не понимает (слепота).

Для погружения в мир бессознательного, прикосновения к тем его аспектам, которые связаны с переживанием потери, нужна большая внутренняя сила. Эта сила символизируется мощью Слейпнира (коня Одина, на котором путешествует Хермод), равной мощи «пяти полчищ мертвецов». Сам Слейпнир является «пропуском» в мир мертвых. Во-первых, это конь Одина, единственного аса, спуставшегося в Хель. С другой стороны, Слейпнир — это сын Локи, дочь которого Хель царствует в мире мертвых. Таким образом, у Хермода есть «благословение» на путешествие как от Одина (олицетворение существующего порядка), так и от Локи («теневой» части Одина, провоцирующей разрушение существующего порядка). Это противостояние сил составляет суть депрессии — надежда на то, что мир после утраты останется прежним, борется с пониманием факта необратимого изменения. Человек в состоянии депрессии внешне кажется обессиленным, но это не означает, что у него мало психической энергии. На самом деле внешняя (проявляющаяся во внешней деятельности) энергия скована описанным конфликтом, а внутренняя энергия направлена на его преодоление.

Третья ваза ПТС — самая длительная. Человек, переживающий состояние депрессии, совершает путешествие в Хель медленно. Как правило, он не склонен обращаться к терапевту на этой фазе («Всё равно мне никто не поможет»). В длительной психодраматической группе такой человек долгое время посещает занятия, но не предъявляет свою проблему для работы. Терапевтической задачей на этом этапе является осознание конфликта между надеждой и реальностью.

Если такое осознание происходит, это означает, что человек готов встретиться с умершим и такая встреча способна принести облегчение. На психодраме это проявляется в том, что клиент наконец предъявляет свою тему («конь перескочил через ворота, да так высоко, что вовсе их не задел»).

Далее по мифу Хермод беседует с Хель и Бальдром.

Хель, дочь Локи, поставлена Одином владеть миром мёртвых. *«Она наполовину синяя, а наполовину — цвета мяса, и ее легко признать, потому что она сутулится и вид у нее свирепый».* Из её царства никто не возвращался, не должен возвратиться и Бальдр.

С моей точки зрения, пара Локи — Хель (отец и дочь) выполняют психологическую функцию освобождения от несбыточных, нереальных надежд. Поэтому Хель ставит Хермоду *заведомо невыполнимое условие*. О том, что это условие не может быть выполнено, Хермоду неизвестно. Хель знает об этом, поскольку она — дочь Локи, который и помешает выполнить условие. Конечно, она могла бы просто отказать Хермоду, но её задание — всеобщий плач по Бальдру — позволяет перейти от фазы депрессии к фазе исцеления, принятия потери.

Бальдр и Нанна, видимо, тоже знают, что не вернуться в Асгард. Возвращение кольца, плата и перстня — это завещание помнить и жить. В терапевтической работе этот символизм овеществляется в разговоре с умершим, когда оставшимся жить передаются наказы, сообщаются знания, завещаются умения. После такого разговора человек получает новый смысл жизни. Если умерший — старший родственник, то, в терминологии Б. Хеллингера, в этот момент восстанавливается правильное течение реки времени.

Замечу, что такой исход психодраматической встречи возможен только после того, как протагонист освободится от чувства вины и агрессии, а также от иллюзорной надежды вернуть умершего. В терапевтической работе сначала умерший сам должен сообщить протагонисту, что он ушёл навсегда, а уже затем, после эмоционального принятия этого факта протагонистом, напутствовать его в новой жизни. Если эмоциональное принятие, сопровождающееся слезами катарсиса, не состоялось, протагонист захочет остаться в Хель с близким, что равносильно продолжению депрессии.

В мифе акт принятия смерти растянут во времени, что делает миф более драматичным.

«Вот пустился Хермод в обратный путь, приехал в Асгард и поведал, как было дело, что он видел и слышал. Асы тут же разослали гонцов по всему свету просить, чтобы все плакали и тем вызволили Бальдра из Хель. Все так и сделали: люди и звери, земля и камни, деревья и все металлы, и ты ведь видел, что все они плачут, попав с мороза в тепло. Когда гонцы возвращались домой, свое дело как должно исполнив, видят: сидит в одной пещере великанша. Она назвалась Тёкк. Они просят ее вызволить плачем Бальдра из Хель. Она отвечает:

«Сухими слезами

Тёкк оплачет

кончину Бальдра.

Ни живой, ни мёртвый

он мне не нужен,

пусть хранит его Хель».

И люди полагают, что это был не кто иной, как Локи, сын Лаувеи, причинивший асам величайшее зло».

В этой сцене важны три вещи: осознание необратимости утраты, плач по Бальдру и возвращение в мир живых.

Плач — это точка перехода от депрессии к исцелению, он означает осознание и принятие утраты. Это уже не бессильные слёзы фазы агрессии. Бальдра нет, но весна все равно наступает, и кольцо Драупнир всё равно рождает новые кольца. Принять потерю — значит обрести новый смысл в жизни.

На фазе исцеления нет места лжи и самообману, ситуация принимается такой, какая она есть. Здесь нет места иррациональному чувству вины и агрессии, личная ответственность за произошедшее точно измерена и принята. Исцелившемуся человеку хватает мудрости не брать на себя ответственности за то, что невозможно изменить.

Если в травматическом событии есть вина другого человека, то в фазе исцеления клиент уже не мечтает о мести, а предоставляет возможность высшим силам (в зависимости от мировоззрения — Богу, богам, закону, равновесию и т.п.) восстановить справедливость.

Одним из самых запомнившихся в этой связи случаев из моей терапевтической практики был случай женщины, муж которой ушел к другой женщине (с точки зрения развития посттравматического стресса уход равносильен умиранию). Клиентка последовательно прошла все фазы посттравматического стресса. На фазе агрессии она колола иголками восковую фигурку соперницы и ежедневно звонила бывшему мужу, напомнить, какая он сволочь. На фазе депрессии она жаловалась мне, что теперь ей суждено умереть старой девой (ей было 29 лет) и что у нее никогда не будет детей. Кульминация горевания совпала с рождением в новой семье ребенка. После этого клиентка приняла уход мужа, внутренне отпустила его из своей жизни и получила возможность жить собственной жизнью. Терапевтический процесс был на этом закончен, зато жизнь продолжалась, и через полтора года она была беременна и вышла замуж за отца будущего ребенка.

Но вернёмся к мифу. В завершение статьи мне хотелось бы сделать несколько замечаний о его психодраматической постановке. Чтобы использовать миф для работы с ПТС, необходимо, конечно, при инсценизации выбирать детали, укладывающиеся в логику развития посттравматического стресса. Закончиться драма должна фазой исцеления. Обычно я провожу короткое интервью

с каждым из участников группы. Если их высказывания звучат в том ключе, что «со смертью Бальдра мир изменился, но можно счастливо жить и в этом изменившемся мире», то социодраму можно заканчивать. В случае, когда некоторое небольшое количество участников демонстрируют вину, агрессию или депрессию, с ними нужно поработать отдельно, например, психодраматически. По опыту замечу, что это самый распространенный случай и что я всегда оставляю время на индивидуальную работу. Если большая часть группы «застряла» на фазе вины или агрессии, необходимо вернуться в соответствующие сцены и заново поработать с чувствами участников там.

Мифодрама о Бальдре — очень сильный терапевтический инструмент, с одной стороны, но и весьма опасный — с другой. Во-первых, тема посттравматического стресса сама по себе очень болезненна и вызывает сильное сопротивление в группе. Во-вторых, группа, если она не подбиралась специально, обычно бывает неоднородна по составу участников. Люди по-разному переживают стрессовые ситуации, они могут оказаться на разных фазах ПТС. По причине этих и других факторов всегда существует риск, что действие начнёт разворачиваться без контроля со стороны директора.

Для уменьшения этого риска директору стоит помнить о некоторых простых, но важных вещах. Во-первых, необходимо оценивать состояние группы перед началом действия (эмоциональное состояние участников, групповая тема и проч.). Во-вторых, действием необходимо управлять, в случае необходимости нужно прервать действие и провести вне «мифологического пространства» психодраматическую виньетку. В-третьих, полезным оказывается введение кодиректора или квалифицированного вспомогательного Я на ключевые роли в мифодраму. В мифе о Бальдре кодиректор может эффективно управлять процессом в роли Одина.

И ещё одно замечание. В мифе о Бальдре, как я уже говорил, есть как минимум два переплетающихся мотива. В терапевтической работе их нужно различать. Второй мотив, который я назвал эсхатологическим, связан с гибелью существующего миропорядка, а в психологическом плане связан со страхом смерти или коренных изменений в жизни. В скандинавском мифологическом цикле во время Последней Битвы погибли большинство миров и богов, а немногие оставшиеся боги и люди станут основателями нового мироустройства. Психологическое значение таких потрясений связано с возрастными кризисами и состоит в значительном изменении ценностей и мировоззрения. Если использовать миф о Бальдре в этих целях, необходимо погубить старый мир и построить новый. При работе с посттравматическим стрессом упоминаний о Последней Битве следует избегать. ❖

Автор фото:
Вельга СЕВЕРНАЯ —
художница,
эстетичный блогер

Фестиваль живой истории “Былинный Берег”

Июль, 2025

Страничка:
https://m.vk.com/velga_north

Фестиваль живой истории «Былинный Берег» давно стал заметным событием в календаре исторической реконструкции. В 2025 году он прошёл 18–20 июля на территории парка «Земля легенд» (этническое поселение Хольмгард, Новгородская область). В течение трёх дней фестиваль дарил гостям возможность погрузиться в атмосферу IX–XI веков: увидеть лагерь воинов и ремесленников, посетить лекции и мастер-классы, стать зрителями масштабных боёв и концертной программы. Перед вами фоторепортаж от давнего друга нашего журнала *Velga North*, интервью с которой вы можете прочитать в 30-м номере «Северного ветра».

ВЕТЕР
СТРАНСТВИЙ

Нарративная прелюдия: три события, предшествующие Рагнарёку (строфы 21–33)

У.М. ДРОНКЕ

Составитель и переводчик:

Анна БЛЕЙЗ (с)

Отрывок из книги «Прорицание вёльвы.

Интерпретации и комментарии».

Продолжение. Начало в 49 номере «Северного ветра»

Убийство Бальдра и предшествующие события (26–31)

(а) Клятвы. Акцентируя в строфе 26 тему нарушения клятв, автор ПВ преследует две цели. Он хочет, во-первых, предупредить своих слушателей, что эта ошибка была роковой, и, во-вторых, намекнуть на цену, которую боги заплатили за свое преступление. Это не просто очередной пример «коварной» клятвы на кольце, которую Один цинично дает лишь для того, чтобы затем безнаказанно нарушить (*Речи Высокого*, 110). В данном случае нарушение клятв, которые боги дают великану, влечет серьезные последствия (несмотря на то, что сам великан пытался их обмануть).

Серьезность клятвoprеступления подчеркивается контрастной переменной тона между двумя хельмингами строфы 26. Первая полустрофа эмоциональна: она пылает яростью и торжеством. Вторая — объективна и тяжеловесна в своем перечислении всего того, что было попрано при убийстве каменщика: *eiðar, orð, særi, mál meginlig* (клятвы, обеты, присяги, весомые слова); ей будто передается «весомость» самих слов, от которых асы так опрометчиво отказались. В описании Тора, который раздувается от праведного гнева на дерзкого великана и тут же сам совершает моральное преступление, попирая клятвы богов, чувствуется изрядная ирония — одновременно и комичная, и зловещая: *...hann sialdan sitr / — er hann slíkt um fregn!* — «...редко он остается сидеть в праздности, если услышит подобное!»

О том, что клятвoprеступление чревато ужасными последствиями, известно с глубокой древности: *grimmur limar* [в рукописи: *simar*] / *ganga at tryggðrofi*; / *armr er vára vargr*, «злые побеги у лживых обетов, и проклят предатель», — предупреждает своего героя валькирия Сигдрива¹. В изложении Снорри нарушение клятв сходит богам с рук. Боги выигрывают заклад, а великан достоин лишь того, чтобы над ним посмеялись за глупость: не стоило быть таким легковерным! Но автор ПВ, искусный в поэтическом ремесле, чутко подмечающий и умело использующий подобия и параллели, обращает внимание на то, что в традиционной истории богов наступило время, когда уже они сами доверяются ложным клятвам и остаются в дураках. В этом случае клятвы не нарушаются, но оказываются попросту недостаточными: одна-единственная не прозвучавшая клятва (которую Фригг не взяла с побега омелы) лишает силы все остальные, воплощая в жизнь знаменитое опасение: *Eið láta þú ... einn ... alla verða*, «Да не отменит клятва одна всех остальных» (Сигват Тордарсон, *Висы о поездке на запад*, 8).

Перечисление всевозможных синонимов слова «клятва» намекает и на некую юридическую формулу, и на большое многообразие известных форм и разновидностей клятвы. Эти строки подготавливают

¹ *Речи Сигдривы*, 23, пер. А. Корсуна.

почву для следующего сюжета, в котором все на свете живые существа и неодушевленные предметы дают бесчисленные клятвы богине Фригг, обаясь не причинять вреда Бальдру. Полное изложение мифа, опять-таки, сохранилось только у Снорри (*Видение Гюльви*, 49). Узнав, что Фригг приняла все эти клятвы, боги поддаются ложному чувству безопасности — и оно кружит им головы. На одно блаженное, безоблачное мгновение они уверовали, что их зачарованная жизнь может длиться вечно. И, опьяненные этой верой, они превратили спасительные клятвы в предмет для потешной игры: «*почитая то за великую удачу*» (*þótti þetta qllum mikill framí*, по выражению Снорри), они пускают в Бальдра стрелы и рубят его мечом прямо на поле тинга, в месте священных собраний, — а Бальдр остается цел и невредим. Стоит ли удивляться, что они наклевали беду? Завистливому и дотошному Локи приходится не по нраву, что Бальдру ничего не вредит (*líkaði honum illa, er Baldr sakaði ekki*). Он узнаёт, что одну единственную вещь на свете Фригг обошла стороной — побег омелы, который она сочла слишком юным, а потому не стала брать с него клятвы. И это единственное «оружие», которое может убить Бальдра, не нарушив обета.

Роковую связь между нарушением клятв, гарантировавших безопасность великану-строителю, и действиями в обход тех клятв, которые защищали жизнь Бальдра, поэт показывает с предельной и весьма изобретательной лаконичностью: он объединяет завершение первого из этих двух сюжетов с началом второго, используя фразы с двойным смыслом.

Так, выражение *á gengoz eiðar* (26/5) может означать не только «клятвы были нарушены (попраны)», но и «клятвы уравнивали друг друга», то есть, в юридическом смысле, нейтрализовали, отменили друг друга. В этом втором значении выражение *á gengoz* встречается в *Саге о людях из Долины Дымов*, 18: после битвы при Гейрстадире «...они уговорились принять, что убийства хускарлов уравнивали (отменили) друг друга» (*sú var gerð þeirra að á gengust vígin húskarlanna*). Схожим образом вельва в ПВ на мгновение как будто заглядывает в приходно-расходную ведомость судьбы и убеждается, что за попрание клятв боги «расплатились» гибелью Бальдра.

Выражение, завершающее строфу, *á meðal vóro* (в рукописи — *fóro*), тоже может быть

истолковано двояко. Клятвы и торжественные договоренности «стояли (по рукописному варианту — «шли») между» богами и строителем после того, как боги приняли условия сделки и предоставили строителю *grið* — гарантию личной безопасности. Такие же клятвы-*grið* «стояли между» Бальдром и его смертью, препятствовали его гибели. В переводческих целях я остановила выбор на втором толковании.

Посредством таких неоднозначных выражений поэт связывает две «негодные» клятвы воедино и этим намекает (тем, кто разгадал его загадку), что моральный приговор богам вынесен «древним ходом событий» (*forn røk*). Миф о строителе-великане выбран в качестве «второго события», предшествующего Рагнарёку, (1) потому, что в нем красочно изображаются опасности грядущего Рагнарёка (утрата солнца и луны, прекращение ежегодного возрождения жизни), которых боги на сей раз избежали только чудом; и (2) потому, что в нем присутствует мотив принесения клятвы и клятвоступления, в котором можно усмотреть роковую связь с «третьим событием», предвосхищающим Рагнарёк, — убийством Бальдра. Никакой другой миф, насколько мы можем судить, не послужил бы двум этим целям одновременно.

Строфа 27

(b) Вельва, которая здесь становится одним из действующих лиц (поэма Прорицание вельвы) содержит вложенное прорицание вельвы). Взяв за отправную точку саму идею роковых последствий, вызванных нарушением клятвы, поэт начинает нагнетать страх. Отныне в мире богов нет места ни беспечным забавам, ни самоуверенному изблещению великанов, ни даже величавым и чинным собраниям. Мир этот омрачен дурными предчувствиями: боги тайно вглядываются во тьму грядущего, пытаюсь разглядеть, что уготовала им судьба.

Причина этой перемены в том, что для богов смерть Бальдра становится намеком на их собственную смертность. Как Бальдра посещают дурные сны (Сны Бальдра, 1), так и богов начинают преследовать ужасные предчувствия, подобные тем, что настигают смертных героев незадолго до гибели.

Впрочем, автор ПВ начинает развивать тему дурных предчувствий не с упоминания о зловещих снах Бальдра, а с обращения к фигуре

вельвы — той свидетельницы божественных деяний, которая впервые появилась в поэме с воспоминаниями о первой войне богов: *pat man hón fólkvíg / fyrst í heimi...* — «Она помнит войну, первую в мире...» В том месте поэмы, в строфе 21, глагол «помнит», пусть и употребленный в настоящем времени, не позволял ощутить непосредственно присутствия вельвы. «Воспоминания» удерживали ее в прошлом, в стороне от событий настоящего, и сам рассказ о деяниях богов — о войне с ванами и о сделке с великаном-строителем — разворачивался без дальнейших упоминаний об этой прорицательнице. Но теперь, наконец, она встает в полный рост из тени, отброшенной клятвopепреступлением. Теперь она живет полной жизнью и участвует в событиях непосредственно; она знает (*Veit hon*) и видит (*sér hon*) то, что происходит в настоящем (строфа 27). А знает и видит она не что иное, как тревогу богов перед лицом грядущего Рагнарёка. Ее прорицания исходят от древа и источника, из сокровенного сердца мира и принимают форму визионерских картин.

1. *Хеймдалль как дозорный.* Вельва «знает», что чудесный слух (*hlióð*) Хеймдалля сокрыт под тем священным древом, о котором сказано: *heiðvanr*, «привычное к светлому меду» из источника, бьющего у его подножия. Это мировое древо, а Хеймдалль — его божественный страж. Он «приникает ухом к земле», чтобы не пропустить ни единого звука, — потому что корни древа, уходящие в девять подземных миров, уже дрожат от поступи великанов, идущих на битву с богами.

Знает вельва и о том, что под этим же древом сокрыт «звук» (*hlióð*) рога, в который Хеймдалль протрубит, возвещая о последней битве (строфа 45). Пока что этот рог молчит — и служит для питья: им черпают мед мудрости из источника у корней древа. Упоминание об этом роге, изливающим руны, встречается в *Речах Сигрдривы*, 13 (см. ниже).

Автор ПВ использует здесь оба значения слова *hlióð*: подразумевается и «слух» Хеймдалля, и «звук» его гулкового рога. Как полагается хорошему стражу, Хеймдалль слышит всё и сам слышен всем.

Полный смысл «знания», которым вельва делится в этот момент, раскроется лишь при условии, что мы воспримем не только первое значение *hlióð*, но и второе — и проведем ассоциацию между звуком рога и сигналом тревоги. Именно эта ассоциация помещает «слух» Хеймдалля

в особый контекст. Хеймдалль — *vǫrðr goða* (страж богов) — прислушивался к звукам мироздания испокон веков, но если раньше это были звуки жизни — «как растет трава на земле и шерсть на овце» (*Видение Гюльви*, 27), — то теперь им на смену приходят звуки смерти — шаги приближающихся великанов. Намеренно соединяя «звук» как сигнал тревоги со «слухом» стража богов, поэт превращает шаблонную мифологическую информацию (наподобие той, которую приводит Снорри, — «Он страж богов и обитает у края небес, чтобы охранять мост от горных великанов» — *Видение Гюльви*, 27) в драматичный образ, проникнутый напряженным ожиданием катастрофы.

2. Древние, как мир, *руны Одина — Fimbulýs fornar rúnar*. Визуальный образ древа, намеченный в первой полустрофе, получает яркое развитие во второй: вельва переходит от того, что она «знает», к тому, что она непосредственно «видит». Светлый мед, питающий древо (ср. *heiðvǫnom*), теперь представляется ей в образе потока, струящегося илистой — то есть плодородной — влагой с «залога» (*veð*) Одина. Этот «залог» — его глаз, хранящийся в источнике Мимира у подножия древа (о чем уже в следующей строфе, 28/7–13, Одину напомним сама вельва). Согласно Снорри, Один отдал свой глаз в уплату за глоток меда из этого источника мудрости. Видению плодоносной реки, изливающейся с глаза Одина, параллелей в дошедших до нас мифах не находится. Чтобы вложить в уста вельвы образ, непосредственно соответствующий теме этих строф — теме приближения Рагнарёка, — поэт заимствовал элементы из трех различных вариантов легенды о том, как Один обрел свою мудрость.

Основная легенда, использованная автором ПВ, повествует о сделке Одина с Мимиром: обмен глаза на глоток напитка из источника. Она объясняет, почему глаз Одина сокрыт в медовом источнике Мимира (строфа 28) и почему он назван «залогом» (строфа 27), но не объясняет, откуда взялся образ струящегося потока (*á sér hon ausaz*). Впрочем, ответ на этот вопрос находится в *Речах Сигрдривы*, 13 и 18–19.

В своем загадочном и сложном монологе многознающая валькирия Сигрдрива рассказывает о происхождении великого потока мудрости (символически представленного как «руны мысли»,

hugrúnar), который изливается в миры богов, альвов и людей. Здесь мудрость — это не просто некий напиток, который Один испил, а затем отрыгнул для богов и смертных (как он поступил с медом поэзии, похищенным у великанов). Это результат более тонкого магического процесса, который описывается так: Один «истолковал» или «разгадал» (*réd*) руны мысли, «вырезал их» (*reist*) и «измыслил их» (*um hugði*) «из той влаги» (*af þeim legi*), что когда-то излилась из черепа и рога, которые, судя по всему, то ли поднялись из медового источника, то ли были подвешены над ним.

Эти руны, порожденные головой (в прямом и в переносном смысле), были вырезаны на самых разных предметах: на зубах Слейпнира (Одинова коня), на ногте норны, на медвежьей лапе и так далее, — после чего их соскоблили, смешали со «священным медом» (*hverfðar við inn helga mið*) и разослали *á víða vega*, «по всему миру». И с тех пор эти руны, освященные божественной влагой, можно использовать во благо (*at heillom*) до скончания времен — то есть до Рагнарёка, *unz rjúfaz regin*, «до смерти богов».

Итак, Сигрдрива задает образ рунической мудрости Одина как струящегося по всему миру потока, который берет начало из меда и освящен медом, но в ее монологе нет указаний на то, что это ветвящийся поток мудрости обладает плодотворной силой (ср. *á ... aurgom forsi*). Тем не менее связь между мудростью и плодородием прослеживается не только в эпитете *fróði*, «мудрый и плодотворный», которым охарактеризован Фрейр в Поездке Скирнира, 1–2, но и в контексте мифа о похищении Одином меда поэзии: испив драгоценный мед — *drykk ... ens dýra miðar* — в пещере великана, Один обретает не только мудрость, но и новую жизненную силу: *Þá þat ek frævask / ok fróðr vera* — «Стал созревать я / и знания множить...»².

В *Речах Высокого*, как и в *Речах Сигрдривы*, слышатся ликование по поводу мудрости, которую Один приносит в мир, и радостная надежда на будущее, в котором знания принесут могущество и власть. Но в ПВ дело обстоит иначе. Когда вёльва говорит Одину: «Я знаю ... где ты оставил свой глаз», — ее сардонический тон граничит с оскорбительной насмешкой (схожим образом в *Перебранке Локи*, 38 Локи насмехается над Тюрором,

заявляя, что тот оставил руку в пасти Фенрира). Во всей ее реплике (28/7–13) нет ни единого намека на то, что поступок Одина достоин похвалы или принес добрые плоды. Времена изменились. Когда Один еще только обрел мудрость, как повествуют легенды из *Речей Сигрдривы и Речей Высокого*, он был культурным героем, действующим в новорожденном мире; до «смерти богов» было еще очень и очень далеко (в выражении *unz rjúfaz regin* из *Речей Сигрдривы* едва ли можно усмотреть скрытую иронию). Но в ПВ отсылка к тому же мифу об обретении мудрости помещена не в контекст ранней истории мира (которую вёльва излагает в строфах 3–20), а в один из последних эпизодов, предшествующих Рагнарёку. В этот момент, полный зловещих предчувствий, поэт выводит на первый план самую жестокую версию легенды, согласно которой Один пожертвовал глазом ради мудрости, и противопоставляет традиционной картине благодетельного и плодотворного меда мудрости гротескный образ напрасной жертвы — «залога Отца Павших» (*veði Valföðrs*), глаза в источнике.

Именно здесь впервые звучит рефрен II («Хотите знать еще? И о чем же?»), исполненный откровенной иронии и наглядно демонстрирующий тщетность этой жертвы. Один отдал половину своего зрения за мудрость — и все же этого оказывается недостаточно: он вынужден обратиться к вёльве (строфа 28) в поисках ее знаний и пророческого дара. Его мудрость устарела, и в новом, возрожденном мире о ней будут вспоминать лишь как о делах далекой старины — о «древних рунах Исполинского Бога» (*Fimbulýs fornar rúnar*, строфа 57). И великая река Одиновой мудрости, и *hugrúnar* — «руны мысли», порождения его ума, и знания-*fræði*, оплодотворяющие тот могучий поток, который сейчас видит вёльва, — всё это будет существовать лишь до тех пор, пока жив сам Один: *unz rjúfaz regin*, «до смерти богов».

От первых завуалированных предвестий Рагнарёка в строфе 27 и до последнего крика петуха, возвещающего атаку великанов (строфа 43), поэт будет постоянно переходить от настоящего то к прошлому, то к будущему, показывая, как укрепляются связи и переклички между временами в сознании самой вёльвы. Ее знаменитый возглас — *Vitoð ér enn, eða hvat?* — уже гремит во всех временах сразу, обнажая неизбывную, вечную тревогу, скрытую в каждом мгновении.

2 *Речи Высокого*, 140–141, пер. А. Корсуна.

Строфа 28

3. *Видение участи Бальдра* — *ego ǫrlög fólgin*, «тайно предначертанная судьба». Указание на то, что вельве известны зловещие предчувствия богов, дается в настоящем времени (строфа 27), а следующая сцена — данное Одину пророчество о судьбе Бальдра — отнесена к прошлому (строфа 28). Но несмотря на хронологическое смещение, эта сцена проникнута теми же мрачными предчувствиями. Один — состарившийся, но все еще грозный (если можно истолковать так имя *Yggjungur*, под которым он фигурирует только здесь) — приходит к вельве, обремененный страхами, которые внушили всем асам дурные сны Бальдра.

Посредством прямой речи и последовательного нарратива в этой строфе поэт превращает беседу Одина с вельвой в одну из самых ярких и крупноплановых сцен всей поэмы. Когда старик приходит к ней за советом, вельва совершает утисету — сидит ночью под открытым небом и общается с духами. Мотив его зрения, «залога владыки» (*veði Val-fǫðrs*), возвращается с новой силой, под новым углом: Один смотрит вельве прямо в глаза (*í augo leit*), чтобы подчинить ее своей воле. По этому взгляду она понимает, что он собирается «испытать» ее каким-то непростым и мучительным вопросом: *Hvers fregnið mik? Hví freistið mín?* — «О чем вы меня спрашиваете? Зачем вы меня испытываете?» Множественное число глагола (с учетом того, что в других случаях вельва обращается к Одину на «ты», *þú*) показывает, что вельва понимает: Один пришел к ней с вопросом от лица всех богов. Удар, который он наносит ей взглядом, вельва отражает насмешливыми словами, раскрывающими тайну «владыки». Встречая его взгляд, она не может не заметить, что Один смотрит на нее лишь одним глазом, — и ей прекрасно известно, где он оставил второй: *Allt veit ek, Óðinn, / hvar þú auga falt!* И за этими словами кроется невысказанное: «Мимир каждое утро вкушает тот мед, за один глоток которого ты — великий Один! — отдал свой глаз». В этом соль ее ядовитой насмешки.

Строфа 29

Но соблазн сверкающих драгоценностей, которыми подкупает ее Один, слишком велик: враждебность сменяется утоленной алчностью, дающей волю пророческой силе. Взор вельвы без труда проникает сквозь все миры. Может показаться,

что в этот момент она забывает о присутствии Одина, но ее последующая речь (начиная со строфы 31) обращена в том числе и к нему.

Строфа 30

Панорама миров, открывающаяся провидческому взору, сужается: внимание вельвы привлекает кавалькада валькирий, выступающих в далекий путь — «в страну богов», *til goðþjóðar*. Валькирии чувствуют грядущую битву; подобно воронам, слетающим на поле боя, они устремляются туда, где Хёд-«Битва» (*Hǫðr*) сразит Бальдра-«Князя» (*Baldr*). Они скачут в Асгард, страну богов, чтобы присутствовать при смерти Бальдра, — точно так же, как в Эйвиндовых Речах Хакона валькирии мчатся в Норвегию, чтобы забрать в Вальгаллу доброго конунга (*konungmaðr*) Хакона.

Строфа 31

Картины дальних миров и скачущих валькирий представлены в форме объективного повествования, в третьем лице: «Она видела... она видела...» Но, дойдя до центральной точки открытия — образа окровавленного Бальдра, — поэт передает слово самой провидице и переходит на прямую речь: «Я видела...» Теперь древняя вельва обращается не только к Одину, но и к своей живой преемнице, и к ее человеческой аудитории, открывая всем им то, что когда-то сказала только владыке богов: ее весть слишком важна, чтобы таить ее от слушателей и дальше.

Поэт вновь обращается к емкому и насыщенному скрытыми смыслами стилю 27-й строфы, которая исподволь подводила слушателей к этой кульминационной сцене пророческого видения. Сама последовательность образов 31-й строфы наводит на мысль, что вельва сперва видит окровавленное тело Бальдра и только потом замечает омелу, ставшую орудием его убийства. В порядке фраз приоритет отдается трагической гибели бога и чувству потрясения, возникающему при виде его окровавленного тела: вельва первым делом сообщает слушателям о факте трагедии, пока не упомянет о ее причинах. Но поэт видит свою задачу не в том, чтобы сделать из гибели Бальдра пустую сенсацию: шокирующий визуальный образ подчинен более важной теме. Описывая слушателям свое видение, вельва одновременно признаёт неизбежность убийства, свершившегося по воле сокрытой

и неотвратимой судьбы: «Я видела для Бальдра — / для окровавленной жертвы, / отпрыска Одина / — судьбу, предначертанную тайно (*orlog fólgin*)». Но откровение вельвы не исчерпывается гибелью Бальдра, и к концу строфы мы уже можем догадаться, что ей открылась и дальнейшая его судьба. Видение крови, пятнающей тело Бальдра, означает его смерть; видение омелы, погубившей его, предвещает его возвращение к жизни. Несколькими точными эпитетами поэт рисует безмятежный образ высокого и стройного побега омелы: *Stóð um vaxinn ... miór ok miðk fagr* («Стоял полностью выросший ... тонкий и прекрасный»). Вельву поражает его зрелость (*vaxinn*): когда-то Фригг сочла омелу слишком юной и не взяла с нее клятву щадить Бальдра, но теперь эта омела становится «взрослой» и *harmflaug*, «несущей гибель» (строфа 32); она превращается в орудие убийства, которое Локи *inn lævisi*, «злокозненный» Локи, пускает в ход. Итак, красота и хрупкость этого растения оказываются обманчивыми: на деле оно смертоносно.

Однако за этими ложными признаками безобидности, обернувшимися трагедией, вельва различает иное, великое обетование, ибо известная пословица гласит: *miór er mikils vísir*, «тонок побег могучего дерева» (см. вису, авторство которой приписывается Оттару Черному, в *Пряди о Сигхвате Скальде*, 4). Описание омелы как *miór*, «тонкого» побега, не просто реалистично, но и подкреплено традицией, в которой хрупкость и малый рост — залог великого будущего.

Выстраивая этот чарующий образ омелы, поэт намеренно не называет растение прямо — до самой последней строки 31-й строфы. До этого момента все эпитеты, которые он использует, вызывают ассоциации с Бальдром: создается впечатление, что вельва описывает самого бога — не поверженного и окровавленного, но твердо стоящего на ногах, исполненного жизненных сил, по-прежнему юного и лучезарного. Слова *stóð ... vøllom hæri*, «стоял ... возвышаясь над полем», напоминают какой-то устойчивый оборот, подобное *mikill á vallarsýn*, «большого роста» (применительно к человеку). Тонкий стан (*miór*) — примета молодости, на которую намекает выражение *Óðins barn*, «дитя Одина». Интересно, что слово *barn* больше нигде не используется применительно к богам; зато его употребляет, например, Стурла Тордасон, говоря о своей тринадцатилетней

дочери, пережившей пожар на Мошкарном Болоте: *Var hon mjök þrekuð, barn at aldri* — «Она была очень изнурена, еще ребенок годами» (*Сага об исландцах*, 174). Исключительная красота (*miðk fagr*), казавшаяся некоторым исследователям совершенно неуместной в описании омелы, отсылает и к знаменитому описанию физического совершенства, отличавшего Бальдра: *Hann er svá fagr álitum ok bjartr, svá at lýsir af honum* — «Так он прекрасен лицом и так светел, что исходит от него сияние» (*Видение Гюльви*, 22). Сформировав с помощью этих эпитетов образ Бальдра, живого и полного сил, поэт неожиданно передает все его приметы побегу омелы, благодаря чему умирающий бог, в свою очередь, перенимает от этого вечнозеленого растения способность «пережить зиму», возродиться после смерти. Омела преобразуется в подобие бога, и ее судьба-*orlog* становится его судьбой. Это отождествление божества и растения — самое яркое и запоминающееся *collatio occulta*³ из всех, которые использует вельва.

Помимо этого в строфе 31 содержится еще один важный элемент, требующий внимания. Вельва употребляет по отношению к Бальдру слово *tívorrr*, «жертва», а сам характер его смерти, описанный в строфе 32, на удивление схож с известными по другим источникам описаниями смерти, которая постигает человека, предназначенного в жертву Одину: здесь перед нами тот же иронический обман ожидания, то же превращение безобидного растения в беспощадное копье божества. Используя слово *tívorrr*, поэт затрагивает глубочайшую религиозную основу мифа о Бальдре — зимнее жертвоприношение, которое призвано обеспечить возрождение природы по весне. Именно зимой, когда омела предстает в полном расцвете сил, Бальдр будет принесен в жертву, дабы мир возродился после Гибели богов. Когда же новый мир придет на смену старому, Бальдр вернется из мертвых (строфа 59). Погибнув от Одинова копья, подобно ванам, гибнущим в войне с асами (строфа 24), он вновь воскреснет — так же, как воскресают ваны. Итак, видение вельвы показывает Одину то, что с необходимостью должно совершиться ради возрождения мира. ❖

3 «Скрытое сопоставление» (лат.).

Люди, отмеченные печатью Иных миров

Перевод с английского
и комментарии: Анна БЛЕЙЗ (с)

Отрывок из книги Квельдульфа Гундарссена
«Тролли, альвы и ветты:
младшие духи в северном язычестве»

ЛЮДИ могут переходить в Иные миры в разной степени и разными способами. Люди, которых называют *hamrammnar* (букв. «могучими шкурой», то есть способными менять облик своих духовных или физических тел), а также маги и *trollaukinn* («приросшие троллем») какой-то своей частью пребывают в Иных мирах постоянно. То же самое можно сказать и о потомках иномирных созданий, и о тех, кому довелось близко общаться с последними (яркий пример — история о том, как Бард соблазняет дочь бывшего возлюбленного своей дочери, чтобы произвести на свет, а затем усыновить Геста¹).

К этому же типу людей, принадлежащих земному миру лишь частично, относятся спутники Барда, последовавшие за ним в Исландию². Помимо родичей Барда, на его корабле плывет супружеская пара — Сваль и Тува, о которых говорится, что они *vāru trylld mjök bæði* (букв. «оба были сильно отроллены»)³, — и человек по имени Торкель с любопытным прозвищем *skinnvefja*⁴ («завернутый в шкуру», что предполагает практику оборотничества с использованием звериных шкур; в саге поясняется, что на севере, где он родился, было плохо с сукном, и детей завертывали в тюленьи шкуры вместо пеленок; но далее в тексте внешность Торкеля описывается в таких подробностях, которые совершенно нетипичны для персонажей саги, выглядит он чересчур причудливо для обычного человека). Еще один спутник Барда — Ингьяльд сын Альварина, то есть, судя по имени, потомок альвов, а еще один — сын Кетиля Чертополоха. Это растение часто ассоциируется с ётунами и с магией, особенно с магическими проклятиями; см. Поездку Скирнира⁵ и более поздние рунические формулы, самая известная из которых — *pistil-mistil-kistil* («чертополох, омела, ящичек»), бытовавшая в Швеции, Норвегии и Исландии в XI веке. Она присутствует на рунических камнях из Гёрлева и Ледберга (возможно, в качестве охранного заклятия), входит в состав проклятия Буслы из поздней Саги о Боси и Херрауде (Moltke 1985, 168) и вырезана на полу в апсиде Боргундской церкви (Норвегия), где хоронили недоношенных детей (здесь ее, возможно, использовали для того, чтобы души младенцев, не обретшие покоя, не возвращались в мир живых и не вредили людям;

1 Сага о Барде Асе Снежной Горы, главы 11–12.

2 Ibid., главы 3–4.

3 В пер. Т. Ермолаева — «оба они были не в своем уме», но *trylld* в этом выражении можно истолковать и как «заколдованы», и как «одержимы троллями».

4 В пер. Т. Ермолаева — «Кожаные Пеленки».

5 Подразумевается одно из проклятий, которыми Скирнир угрожает Герд: *ver þú sem þistill, / sá er var þrunginn / í önn ofanvefða* (Поездка Скирнира, строфа 31; в буквальном переводе — «Будь как чертополох, раздавленный под конец жатвы»; в пер. А. Корсуна — «Будь, как волчек, / что под камень кладут, / жатву закончив!»).

см. Dronke 1996b, 256, прим. 3). У. Дронке предполагает также, что упоминание о «чертополохе, раздавленном под конец жатвы» в Поездке Скирнира может быть связано с каким-то магическим ритуалом, завершавшим сбор урожая⁶, а слово *bistill*, «подразумевающее нечто ненавистное или злобное, могли записывать или произносить, чтобы дать человеку власть над тем, чего он боится, или наслать на врага нечто, внушающее страх» (ibid.). Чертополох фигурирует и в исландской народной магии, прежде всего в заговоре, призванном обезвредить ядовитые растения. В указаниях к заговору предписывается поместить чертополох в ящичек с отверстием (*gluggakistu*) и положить сверху камень (Matthías Viðar Sæmundsson 1992, 362–363). Наконец, в Тулах имен (строфа 7) приводится имя ётуна Тистильбарди (*bistilbarði*, «Чертополохобородый»).

Многие исландские прозвища, распространенные в языческий период, но по большей части исчезнувшие после христианизации острова, тоже связаны с признаками иномирных существ. Нагляднее всего это видно в таких прозвищах, как Полутроль (*hálftröll*), Ётун (*jötunn*), Турс (*purs*) и Черный Турс (*svartpurs*; Jón Steffensen 1967–1968, 184). Подобные имена могут говорить как об индивидуальных или наследственных особенностях внешности, так и о регулярном общении и взаимодействии между человеком, получившим такое прозвище, и сверхъестественными существами соответствующего типа. Например, в XVIII веке жил человек по прозвищу Аульва-Ауртни, который много общался с аульвами (Árni Björnsson 1990, 95).

В языческие времена довольно часто встречалось прозвище *innrammni*, «сильный». Обычно оно просто упоминается в списках имен, но в одном случае (Книга о занятии земли, глава 68) о человеке по имени Стейнрёд Сильный (*Steinrøðr innrammni*) сообщается, что он «помогал многим людям, которым злые духи (*meinvættir*) причинили ущерб». Стейнрёда погубила злая ведьма по имени Гейрхильд. Стейнрёд был кузнецом и пришел сразиться с нею, взяв железный прут, но Гейрхильд превратилась в бурдюк, наполненный водой. В сопроводительных стихах Гейрхильд названа троллем; описывается, как Стейнрёд колотил ее по ребрам этим железным прутом. Отец Стейнрёда, Торир, носил прозвище Истребитель Великанов (*pursasprengir*), и, как отмечает Йоун Стеффенсен, «нет никаких сомнений, что прозвища отца и сына в этом случае [...] тесно связаны друг с другом по смыслу» (Jón Steffensen 1967–1968, 185). Метка связи с потусторонним очевидным образом передалась от отца к сыну и выразилась в присущей последнему внутренней силе (*rammr*). Как и многие другие герои саг, они использовали эту силу для защиты людей от духов зла.

Преображения, постигшие Регина и Фафнира, по всей вероятности, далеко не случайны: семья их отличалась странностями еще до проклятия Андвари. Их брат Отр был прирожденным оборотнем. Фафнир убил своего отца, тем самым разорвав все связи с родом и человечеством, и это обстоятельство наряду со сверхъестественной силой сокровищ водяного дверга дает ответ на вопрос, почему его новый облик оказался более ужасным, грандиозным и нечеловеческим, чем у его брата. Регин же получил обличье дверга, потому что был одержим золотом; кроме того, он фактически убил своего брата, пусть и чужими руками, а с точки зрения древних германцев это был один из самых чудовищных и антисоциальных поступков, какие только можно представить.

Следует добавить, что в германской традиции большинство героев, особенно древнейших, во многом родственны иномирным существам и даже чудовищам и в значительной мере черпают свою силу из этого родства. Боги и ётуны часто заключают между собой браки; сам Тор — сын Земли-Ёрд, великой дарительницы благ, тоже принадлежащей к племени ётунов; и, как у многих мужчин из скандинавских сказаний, у него есть не только жена, живущая под защитой стен Асгарда, но и любовница, обитающая «снаружи», — великанша Ярнсакса, мать его сыновей и наследников. Один из них, Магни, уже в раннем детстве превзошел силой всех богов, вместе взятых: только ему удалось снять с шеи отца ногу убитого великана, которой того придавило (Язык поэзии, глава 24). Этой мощью он, скорее всего, обязан наследию «извне», из-за пределов Огражденного Двора; не случайно Один подчеркивает, что Магни — сын великанши (*gýgjar sonr*).

6 Ритуальным изгнанием злых духов? — Прим. автора.

Очень интересный пример человека, отмеченного печатью Иных миров, — герой Пряди о Торстейне Бычья Нога. Младенцем его оставляют в лесу на верную смерть, но его спасает крестьянин по имени Крум. Подобно Магни, Торстейн растет очень крепким и сильным: уже в семь лет он не уступает силой взрослым мужам (глава 5). Войдя в возраст, он истребляет семью великанов, самой опасной из которых оказывается старуха-мать. Она изрыгает ядовитую рвоту в лицо Торстейну, и ему лишь чудом удается выжить. После этого случая он стал иногда менять свое обличье: «... то ли это было из-за рвотины Скъяльдвёр [= старухи-великанши], то ли оттого, что его вынесли в детстве» (т. е. бросили умирать в лесу)⁷. Не исключено, что последнее обстоятельство заронило в него зерно иномирной природы, пробудившееся и пошедшее в рост из-за стычки с великаншей, но можно предположить, что Торстейн от рождения был близок Иным мирам: на это указывают его необычайная сила и рост в детские годы. Представление о рвоте как средстве использования и/или передачи магической силы кажется странным и отвратительным, но оно встречается и в других текстах. Самый известный тому пример — миф о похищении меда поэзии: Один отрыгивает мед, чтобы разделить его между асами и поэтами в мире людей⁸. Отголосок этого представления мы находим и в Саге об Эгиле (глава 51): рвоту, извергнутую Эгилем, можно истолковать либо как подражание Одину (см. Dronke 1996с), либо как выплеск личной силы, направленный на противника. Подобно Торстейну, противник Эгиля едва не погибает от этого, но, в отличие от Торстейна, не может и сам удержаться от рвоты. Иными словами, ему не удается ни отклонить поток силы, ни присвоить ее, как, по-видимому, удалось Торстейну. В Пряди о Торстейне добавляется, что после этого оба они — Торстейн и старуха — лежали «между жизнью и смертью». Обычно это выражение означает глубокий обморок или кому, но в контексте оно может намекать, что Торстейн, захваченный могучим потоком иномирной силы, временно покинул Срединный Двор.

Пограничное состояние между человеческой и иномирной природой дарует силу, но и таит в себе угрозу: чем дальше заходит носитель такой силы, тем более чуждым и даже опасным он становится. Наглядный тому пример и предостережение — история Греттира. Сражения с мертвецами и общение с троллями (с которыми он тоже обычно сражается, но однажды заводит дружбу) не проходят для него даром: из-за вспыльчивого нрава и нечеловеческой силы он не может нормально уживаться с другими людьми. Его изгоняют, объявляют вне закона и, наконец, вынуждают скрываться на островке Дрангей, где он и находит свою смерть. Кое в чем Греттир похож на троллей изначально (так, уже в детстве, когда ему поручают различные дела по хозяйству, он не желает работать и творит в ответ жестокие проделки, достойные зловредного тролля), и это сходство только растет по мере того, как он все чаще соприкасается со сверхъестественным. В одном эпизоде, когда Греттир выходит на берег, переплыв через пролив в ледяной воде, о нем уже без обиняков говорится: «...он казался прямо великаном. Сидевшие там пришли в ужас и подумали, что это какая-нибудь нечисть»⁹. Иномирная природа Старкада (которому помогает и которого использует Один) тоже разобщает его с людьми: повсюду, куда бы он ни пришел, вспыхивают раздоры. Вдобавок для тех, кто часто имеет дело с Иными мирами, возвращение в какой-то момент становится очень трудным, а то и вовсе невозможным. Во многих скандинавских сказках можно встретить упоминания о том, что люди, ушедшие в Иной мир на некоторое время и возвратившиеся назад, никогда больше не находят счастья в земном мире.

7 Прядь о Торстейне Бычья Нога, глава 10, пер. Е. Гуревич.

8 Язык поэзии, глава 6.

9 Сага о Греттире, глава 38, пер. О. Смирницкой.

Эдред ТОРССОН
Перевод с английского:
Дмитрий ДАММЕР

A Book of Troth

Мы продолжаем печатать перевод исследования Эдреда Торссона «Книга Трота». Предыдущие главы можно найти в 29-49 номерах «Северного ветра». Текст печатается с сокращениями.

Часть III Работа в традиции Трот

Глава XXX Об участии в групповой работе традиции Трот

В древности частью формулы проклятия была угроза отделения индивида от некой общности, изгнание его из коллектива. Как отверженному ему грозила жалкая смерть. Германцы были известны своей героической индивидуальностью, но это было исключением из нормальной ситуации, которая всегда подразумевала, что человеку нужен другой человек, от которого он в чем-то зависит. Те, от кого люди зависели, необязательно представляли собой «правительства» или королей, но чаще всего были их же родными и близкими — поскольку никто на самом деле не достоин нашего доверия в большей степени. Сейчас, однако, эта вера во многом утрачена. Единственным решением этой проблемы будет так называемая ретрайбализация и восстановление прежней системы отношений. Те организации в асатру, которые стремятся вернуть этот тип социального устройства, достойны нашего внимания и поддержки. Трот трудно практиковать в полном одиночестве, поскольку связи между людьми не менее важны, чем связи между людьми и богами.

Эту главу я задумывал как путеводитель по группам и организациям, посвятившим себя возрождению древней германской веры. От

детального обсуждения специфики отдельных организаций мы воздержимся, и я лишь упомяну, что, в частности, тайный клан Вудхарроу тесно связан с Asatru Folk Assembly.

Внимательно прочтя «Германизацию раннесредневекового христианства» Расселла, мы увидим, что для древних германцев была характерна именно племенная организация. Эта связь надежно объединяла наших предков. Подобный принцип условно можно назвать «трайбализмом» — акцентом на жизни и ценностях органического целого группы людей, которым отдельный человек клянется в преданности. Чтобы стать подлинным практиком трота, человеку необходимо осознавать важность возрождения принципов трайбализма и восстановления веры в богов и богинь. Трайбализм обязан быть восстановлен, и одно не имеет значения без другого. Данная глава не претендует на исчерпывающее описание всех типов групп, следующих путем Северной традиции. Многие из них быстро появляются и также мгновенно исчезают. Мы сосредоточим свое внимание на двух основных типах групп и организаций, остальных коснувшись лишь вскользь.

У читателя может возникнуть вопрос: «Зачем вообще я должен объединяться с другими? Ведь я могу практиковать в одиночку?» Разумеется, можете, но взаимодействие с другими людьми ценнее в том смысле, что вместе вы поднимаете смысл возрождения веры в древних богов на новый уровень. Германская традиция была связана с поддержкой племенной солидарности не менее тесно, чем со служением богам. Фактически восстановление прежнего общественного строя даже важнее ритуалов, потому что благодаря ему почитание богов становится последовательным и постоянным. Таким образом, способствуя восстановлению прежнего общественного строя, мы творим на пути служения богам не менее важные поступки, чем все остальное. В практическом смысле преимущества племенного общества состоят еще и в том, что благодаря ему мы выстраиваем такой уровень доверия с нашими близкими в клане, который сейчас нам почти недоступен. Духовные плюсы его также огромны. Общение с теми, кто знает больше тебя, помогает учиться новому и учить других, а также делиться тем, что знаешь сам. Наше общество сейчас глубоко разобщено, и корни этого лежат в детрайбализации культуры. По этой причине самая эффективная форма восстания против современного мира и остатков Средневековья, из которого выросла наша современность, состоит в развитии альтернативных сообществ и связей, основанных на традиционных принципах — кланов, племен и гильдий.

В третьей главе мы уже рассмотрели историю возрождения германских традиций. В этой главе мы продолжим и углубим знакомство и способы взаимодействия с этими группами. Все поименно назвать мы не сможем, да в этом и нет смысла, однако, если вы поищете в сети Интернет по запросу «асатру», вам тут же предоставят все контакты. Тут я предлагаю лишь небольшой анализ двух основных типов групп: условно их можно назвать «универсалистами» и «народниками», своего рода левым и правым крылом движения.

Универсалистское крыло германского возрождения, возможно, лучше всего демонстрирует *Ring of Troth*. Общий принцип универсалистского подхода состоит в том, что человек присоединяется к почитанию пантеона германских богов и богинь на основе своей свободной воли. Практик волен выбирать германских богов, а также

богов любых других пантеонов в будущем, если работа в традиции Трот не будет отвечать его склонностям. Плюс этого подхода заключается в том, что его поддерживает господствующая культура и общество потребления. Многим американцам нравится думать, что они обладают свободой воли и способны выбирать то, что подходит лично им на повседневной основе. В религиозной сфере именно этот фактор способствует развитию рынка New Age, заинтересованного в том, чтобы его потребители имели доступ к максимальному количеству товаров, и в целом не поощряющего какого-то одного способа. Минус подобного подхода состоит в том, что он далек от естественности и предполагает, что традицию можно в любой момент отбросить, если она перестанет отвечать «нуждам» человека. Для человека, придерживающегося универсалистского подхода, боги в целом более-менее равны и выбор пантеона во многом опирается на временные эстетические критерии. В любом случае, это движение сейчас очень популярно и тоже имеет право на существование.

Народное крыло германского возрождения, с другой стороны, лучше всего представлено AFA и Asatru Alliance. Общий принцип этого подхода заключается во внутренней кровной связи с германскими божествами, где вовлечение в почитание пантеона строится на глубоком культурном родстве. Практик этого течения сущностно связан с германскими богами и, следовательно, считает себя не вправе свободно выбирать богов любых других пантеонов вне зависимости от того, что он будет чувствовать в будущем. И это — главный плюс данного направления. Поскольку этот принцип органичен и связь между наследием и личным духовным путем реализуется и осознается в своем глубинном значении, очевидный «выбор» понимается как бесповоротная реализация. После усвоения этого принципа он становится частью существа самого практика, и от него нельзя полностью отказаться. Слабость этого подхода в том, что его не поддерживает господствующая культура. Его оппоненты часто вешают на сторонников народного крыла ярлык «расистов». Те, кто следует этим путем, благодаря тому, что сами являются порождением современного общества, чувствуют себя ограниченными в своей свободе исследовать иные сферы духовности.

Само собой, у этих групп должно быть общее пространство для диалога с неким посредником между ними. Движение за возрождение германской духовности никогда не было монолитным, более того, никто от него этого не ждал. Не следует впадать в заблуждение и судить, является ли та или иная группа или человек «истинным», но если вы хотите вступить в какое-то объединение, сделать выводы для себя необходимо. Вместе с тем важно помнить, что пути Одина таинственны, и мы никогда не сможем понять до конца, к каким позитивным последствиям приведет работа в том или ином движении. Универсалисты могут называть народников «расистами», создавая движению тем самым дурную репутацию. Но разве они не видят, что народники отыгрывают племенной миф древних германцев и их следует рассматривать как воинов, ведущих войну с деградирующим современным миром? Также и народники называют универсалистов идиотами или агентами деградации. Но разве они, в свою очередь, не понимают, что универсалисты действуют как посланцы традиции в современном мире, делая реальным ее будущий прогресс? В этой экосистеме идей важны все роли.

Что касается меня, я вижу свое место в золотой середине между этими течениями. В любом случае Rune-Gild не является лакмусовой бумажкой, и связи в клане должны быть прежде всего основаны на личных отношениях, а не идеологии, и вести к обретению уникального личного опыта, за которым мы видим наставничество богов.

Здесь возникает самый важный вопрос: «Как же мне поступить?» Сначала попробуйте найти все группы, какие только возможно. Затем, опираясь на личный анализ того, какая группа больше всего подходит именно вам, войдите в нее для начала на временной основе. Если у группы есть локальный филиал — клан, хирт или что-то подобное, установите с ним контакт. Всегда важно прежде всего участвовать в локальной работе. Если же местного отделения у группы нет, попробуйте основать свое и найти единомышленников. Удаленная работа вроде общения по электронной почте или сети Интернет представляет собой довольно слабую замену реальному взаимодействию с реальными людьми. Ретрайбализацию и возрождение древнего духа трота, согласитесь, трудно осуществить по интернету или

электронной почте, которые, бесспорно, полезны для налаживания связей и быстрой передачи информации. Но реальность они заменить не могут, ведь восстание Традиции против современного мира не имеет смысла, если мы пойманы в сети этого самого мира.

После того как вы пробыли в составе группы не менее года, вам следует принять решение. Неважно, присоединились ли вы к локальной группе или сотрудничали на удаленной основе с другой, по прошествии года должно стать ясно, насколько эта связь рабочая. Однажды принятое, такое решение будет оказывать на вашу жизнь долговременное влияние, поэтому дважды подумайте. (Заметим, что общение с группой единомышленников лишь косвенно связано с вашими личными отношениями с богами — эта связь может стать постоянной, когда вы поймете, что ее нельзя нарушить, либо она сохранится, пока существует ваша кровная связь.) Важно сконцентрироваться в самом начале работы и принять участие по меньшей мере в трех Великих Благословениях Года. Из этого семени вырастет то, в чем действительно есть Необходимость.

И последнее замечание: Rune-Gild — не религиозная организация. Клан Вудхарроу исполняет наши религиозные обязательства, действуя в локальных рамках. Наша работа в Гильдии является лишь частью общих усилий по возрождению германской духовности, даже если основной упор мы делаем на единичную трансформацию личности и достижение Знания Рун. Гильдия также поощряет своих членов изучать верные нашему духу религиозные организации и, насколько это возможно, поддерживать их. ❖

Продолжение следует...

Хильда Родерик
ЭЛЛИС-ДЕВИДСОН
Перевод с английского: ESGAL

Дорога в Хель

ПЕРЕВОДЫ

В этом номере мы продолжаем печать полного перевода книги Хильды Родерик Эллис-Девидсон «Дорога в Хель». Начало можно прочитать в 40–49 номере «Северного ветра».

Мертвец в горах

Одно из представлений о жизни после смерти, которое продолжает существовать в скандинавской литературе, заключается в том, что усопшие пребывают внутри гор. В этом вопросе картина представляется гораздо более определённой, чем для мира под землей. Книга о взятии земли (Landnámabók) содержит ряд упоминаний о конкретных исландских семьях, веривших, что уйдут после смерти в некий особый холм или гору возле дома, чем показывает, что эта вера действительно процветала в конце языческих времен и была тесно связана с особыми местами и с единством рода.

Подробнейший рассказ о переходе умерших в горы дан в Саге о Людях с Песчаного Берега (Eyrbyggja Saga, IV). Говорят, что Торольв Бородач с Мостра, восторженный последователь Тора, имел особую гору возле своего дома, очень почитаемую со времен, когда он прибыл в Исландию, «и он верил, что он и все его родственники с Мыса отправятся туда после смерти». После смерти Торольва его сын, Торстейн Трескожор, унаследовал имущество и через некоторое время после того отправился на рыбную ловлю, где он и вся его команда утонули. Сага повествует, что, прежде чем весть о бедствии достигла дома, пастух, что был в горах, случайно взглянул в направлении Святой Горы — священного мыса Торольва. Он стоял лицом к северной стороне и когда смотрел,

казалось ему, что гора стоит открытой настезь и изнутри доносятся звуки веселья и пиршества. А как слушал, то разобрал кое-что из сказанного и понял, что кто-то внутри приветствует молодого Торстейна и его команду и что Торстейна приглашают занять почётную скамью напротив отца (XI). Книга о взятии земли не передаёт нам эту историю, но соглашается, что «родственники Торольва верят, что после смерти окажутся в холме»¹.

Сага о Ньяле (Njáls Saga, XIV) содержит короткую историю, рассказанную некими рыбаками, утверждавшими, что видели, как колдун Сван (исторический персонаж, чья родословная хорошо известна) получил радушный приём, когда вошёл в Кальдбак — большую гору в районе его проживания, — после того как также утоп на рыбной ловле. Рассказчик саги несколько сомневается в истинности этого, но добавляет, что Свана больше никогда не видели ни живым, ни мёртвым.

Упоминания этой темы в Книге о взятии земли (Landnámabók) более убедительны, потому что они очень краткие и без прикрас. О знаменитой Ауд из рода Кетиля Плосконосого, которая приняла христианство до переселения в Исландию, говорится, что она поставила крест в холмах, чтобы пометить место, где обычно молилась, и что

¹ Lndn. II, 12, p. 74.

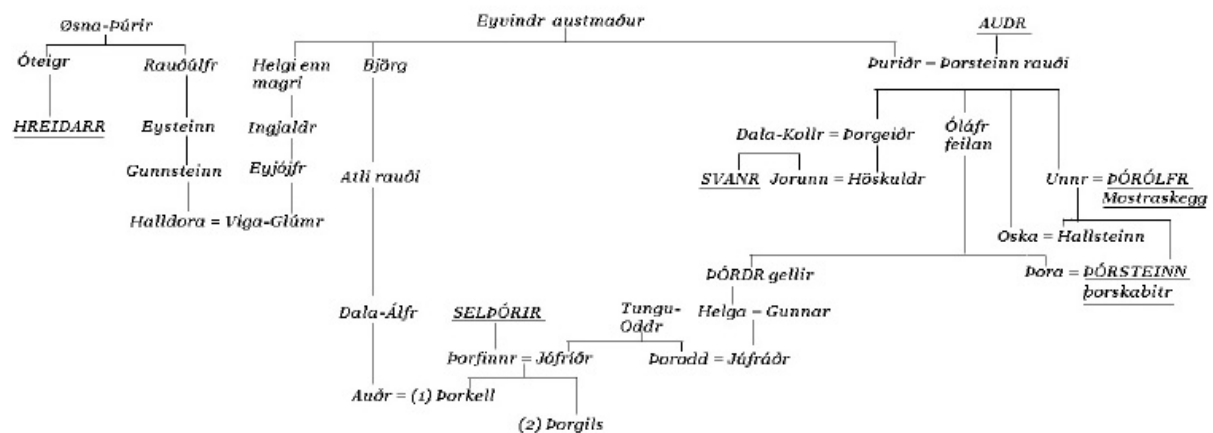

это место пользовалось великим почтением у её родственников после того, как те вернулись к языческим верованиям: «они верили, что мёртвыми попадут в эти холмы». В продолжение истории добавим, что там было устроено место поклонения и Торда Ревуна водили туда в отрочестве.² Полагаю, достоверность легенды показывает, что вера в то, что умершие уходят в горы, является частью некоего культа, связанного с высокими местами. В Сагах о Древних Временах (Fornaldar Sögur) и в Книге с Плоского Острова (Flateyjarbyk), и в Саге о Барде Снафеллсассе (Bárðar Saga Snæfellsáss) есть несомненные подтверждения этому, которые кажутся основанными на воспоминаниях о таком культе, и которые я сверила с другими источниками³. Из Книги о взятии земли мы вновь узнаем, что подобные верования были связаны с Торисбьёргом и Мелифеллом, где проживали «родственники Селторира, которые были язычниками»⁴, и Хрейдар⁵, в свою очередь, «выбрал умереть».

(Eyrbyggja Saga) внутренности горы, исполняющей роль погребального кургана, представляются подобными чертогу и, возможно, есть некая связь между курганом и холмом, в котором живёт покойник⁷.

В такой вере очевидна важная роль местности, и вполне вероятно, что здесь мы имеем местный — возможно, даже семейный — культ, привезённый в Исландию в начале X века. Можно заметить, что все, чьи имена в Книге о взятии земли (Landnámabók) и сагах связаны с этой верой, связаны друг с другом. Взаимосвязи сведены в таблицу по информации, приведённой в Книге о взятии земли и частично в Сагах об Исландцах (Íslendinga Sögur), а также в начале Саги о людях из Лососьей долины (Laxdæla Saga), Саге о Людях с Песчаного Берега (Eyrbyggja Saga) и Саге о Курином Торире (Hænsa-Þóris Saga). Нетрудно заметить, что между ветвями семьи имеется множество смешанных браков.

Генеалогическая таблица, показывающая взаимосвязи тех, чьи имена упоминаются в связи с верой в уход умерших в горы. Они указаны крупным шрифтом и подчеркнуты.

Вера, что души умерших переходят в особые священные горы, встречалась у лопарей до совсем недавних времен⁶. Это были те самые горы, куда путешествовали в транс их шаманы, когда отправлялись общаться с мёртвыми или звать душу обратно в мир живых. В эпизоде из Саги о Людях с Песчаного Берега

Очевидно, что связующие нити между людьми, чьи имена связаны с верой в «посмертие в холмах», сформировались по большей части после того, как они поселились в Исландии, хотя Торольв Бородач с Мостра подружился с Бьёрном, братом Ауд, до того, как покинул Норвегию. Нельзя установить наверняка, не возник ли культ священной горы благодаря влиянию одного человека и распространению его несколькими сородичами, но если это так, то наиболее вероятным кандидатом представляется сам Торольв, ведь предание гласит, что он избрал Святую Гору своим священным

2 Ibid. ii, 16, p. 83.

3 H. R. Ellis, 'Fostering by Giants in Saga Literature', Medium Xvum, June 1941, p. 701.

4 Lndn. ii, 5, p. 62.

5 Ibid. III, 7, p. 141.

6 Unwerth, 'Untersuchungen ii. Totenkult und Óðinnverehrung bei Nordgermanen und Lappen' (Weinhold. Germ. Abhand. 37, 1911), p. 7 f.

7 Заметим, что в действительности Торольв не похоронен в Святой горе. Орлиный мыс расположен вблизи неё.

холмом, как только прибыл в Исландию. В любом случае имеет большое значение факт, что Торольв почитал Тора; мы также утверждаем, что Хрейдар был ярым поклонником этого бога и Хельги Тоций никогда не оставлял его полностью, даже после номинального воцерковления.

Могильный курган

Мы уже видели, что идея жизни, продолжающейся в погребальном кургане, является очень важной в скандинавской литературе. Некоторые из свидетельств представления о том, что умерший человек проживает в кургане, как в земном доме, и ревниво наблюдает за своим имуществом, обсуждались в предыдущей главе. Также была упомянута идея о мертвецах, продолжающих битву внутри кургана, потому как представляется, что в ней есть некая связь с концепцией Валгаллы.

Просматривая в целом свидетельства, связанные с посмертной жизнью в могиле, мы видим не только ревнивую опеку или насильственный конфликт. Иногда в сагах даётся красочный образ доброго и влиятельного человека, мирно отдыхающего в своей могиле и не потерявшего интерес к делам живых. Яркий пример этого есть в Саге о Ньяле, где нам дано удивительно подробное и эффектное описание отдыхающего в своем кургане Гуннара, который подстрекает Скарпхедина отомстить за него:

«Была яркая луна, перед ней время от времени проплывали облака. Им казалось, что курган открыт, и Гуннар обернулся в могиле и наблюдает за луной. Им чудились четыре огня, горящих в кургане, но ни одной тени. Они видели, что Гуннар был весел, с радостным лицом...» ((Njáls Saga, LXXVIII).

Несомненно, здесь автор в полной мере использует творческие возможности и красоту образа; однако в другом месте мы сталкиваемся с гораздо более простой и грубой формой, например, Сага о Курином Торире говорит, что Одд при смерти настаивал, что должен быть похоронен на Горе Косого Острова (Сканейярфьялл) — «он говорил, что хочет смотреть оттуда на всё междуречье» (Hænsa-Þóris Saga, XVII).

Напомним, что Храпп, весьма неприятный персонаж из Саги о людях из Лососьей долины,

настаивал, что его следует похоронить в дверном проеме из гостиной в кухню по аналогичной причине — «тогда я могу более дотошно присматривать за моим домашним хозяйством» (Laxdæla Saga, XVII). В той же саге зафиксирован эпизод, когда после христианизации Исландии два человека озаботились, чтобы после смерти лежать в христианской церкви. Гест, который прославился своим даром предвидения, однажды пророчил, что «настанет время, когда окажутся рядом жилища моё и Освифа, и тогда мы будем разговаривать спокойно, если вообще сможем тогда говорить» (XXXIII); далее в саге эти слова исполнятся: его и Освифа похоронят в одну могилу (LXVI). Это, конечно, может быть не больше, чем просто фигура речи, но она встречается и в других сагах, например, в Саге о Фритьофе, где умирающий конунг заявляет: «Мой курган будет стоять возле фьорда. И там будет недалеко до Торстейна, ведь хорошо, коли мы сможем окликнуть друг друга» (Friðþjófs Saga, I).

Идея гробницы как дома была, видимо, несовместима с христианскими установками.

В Книге о взятии земли (Landnámabók) сохранилась коротенькая история об Асольфe, христианине кельтского происхождения, который жил отшельником и после смерти явился во сне девушке, что пасла скот на земле, где он был похоронен, и упрекнул её за то, что, как он сказал, она взяла в привычку вытирать грязные ноги на насыпи, покрывавшей его могилу — «ей приснилось, что Асольф выбрал её за это, за очищение грязных ног на его доме» (i, íb, p. 42). Далее в Книге о взятии земли без какого-либо ощущения противоречия следует запись, что кости Асольфа были впоследствии перенесены в усыпальницу внутри церкви.

Однако упокоение мёртвого в могиле нередко прерывается, либо потому, что могила содержит более одного поселенца, либо из-за помех от живущих. Уже обсуждалась история Асмунда, который протестовал, потому что с ним в корабле похоронили слугу, и есть ещё похожее сказание о двух группах красных и чёрных воинов, которые жили в кургане, как в чертоге, и постоянно воевали⁸. Во многих случаях говорят, что конунг или предводитель отправлялся в курган

⁸ См. выше.

во главе большой компании, а в одном сюжете в Книге с Плоского острова (Flateyjarbók)⁹ сказано, что король Норвегии специально велел при его жизни построить великий курган, чтобы его и всех его последователей можно было перенести туда после смерти. Ряд историй о том, как живой человек разрушает погребальный курган (как правило, ради имеющихся там сокровищ) и выдерживает страшную битву с мёртвым, но все ещё очень активным жильцом, прежде чем сумеет уйти, уже упоминался ранее и будет более подробно обсуждаться в главе о Путешествии в Землю Мёртвых. В этих сказаниях труп в могиле всегда изображается с вампирическими наклонностями, нечеловеческой силой и яростным желанием уничтожить любое живое существо, что попытается проникнуть в курган. Эта идея получает дальнейшее развитие в Сагах об Исландцах (Íslendinga Sögur), где в случае особенно сильных и агрессивных персонажей тело недолго согласно ограничить свою активность пределом могильного кургана, но переходит в наступление и оставляет его, чтобы причинять неприятности за его пределами. Это привело к ряду великолепных историй о преследовании видом draugar, которые такие же личности после смерти, какими были при жизни. Очевидно, что здесь мы имеем дело с нестандартным литературным мотивом, однако само по себе достаточно грубое и непривлекательное понятие смерти воспламенило воображение рассказчиков саг, и благодаря их великолепной повествовательной силе и мастерству в изображении персонажей была создана группа незабываемых «призраков».

Мрачный Храпп в Саге о Людях из Лососьей долины, (Laxdæla Saga)¹⁰, завещавший похоронить себя в дверях собственной гостиной, — причина больших неприятностей после смерти, поскольку, как это сообщается в саге, «сколь неприятным он был при жизни, и ещё более стал после смерти». Сначала он сидел на крыше, пугая слуг и беспокоя соседей, пока дом не опустел. Затем смелый сосед выкопал его тело, после чего от Храппа стало несколько меньше неприятностей, но он всё же вредил. Наконец он подстерег стадо коров Олафа Пая, но Олаф показал себя более сильным духом, чем другие соседи Храппа, и к всеобщему благу положил конец его проделкам. Он напал на

Храппа и боролся с ним, пока друг не укрылся в земле, после чего выкопал тело — по-прежнему нетленное и с наконечником копья, что был потерян возле него в предыдущей стычке, — и съёл его на костре; и с того времени не стало ни у кого проблем от Храповых прогулок.

Сын мага Коткеля из той же саги также ходит после смерти, но проявляет относительную слабость духа, так как пугается первых признаков враждебности со стороны живых (XXXVIII). Более яркие и страшны фигуры Торольва Скрюченная нога и Глама¹¹. Торольв, как и Храпп, был сильной и неприятной личностью при жизни и умер в приступе ярости, побеждённый своим сыном во время одного из своих злодейств. Сумма «ущерба, который он причинил после смерти, была потрясающей; он убивал людей и скот и колотил по крыше своего бывшего дома, «катаясь» на ней, пока люди не дошли до грани безумия и не забросили усадьбу». Через некоторое время его тело выкопал его сын Арнкель, единственный человек, которого когда-либо боялся Торольв при жизни, и перезахоронил на одиноком мысе; и потом был мир, пока Арнкель не умер. После этого призрак вновь активизировался, и люди и скот погибали в окрестностях его новой могилы, пока не нашёлся ещё один человек, который решился выкопать его ещё раз. Тело оставалось нетленным и было «чёрным, как Хель, и огромным, как бык», и только предав его огню, смогли отдохнуть от Торольва, хотя человек, ответственный за сожжение, заплатил за это собственной жизнью.

Другой выдающийся друг — бродяга Глам из Саги о Греттире (Grettis Saga). Он был пастухом и показал себя необщительным, грубым и неприятным за недолгое время своей службы, закончившейся гибелью от какой-то неизвестной твари, и был похоронен там, где упал, потому что не удалось перенести тело. Как и Торольв, он нанёс страшный урон округе, убивал людей и скот и разрушал постройки, «катаясь» на них, пока усадьба, где он когда-то работал, не превратилась в развалины. Борьба, которую вёл с ним Греттир, стала, как говорится в саге, эпической, и только после того, как ему наконец полностью отрубили голову, ужасное создание не смогло больше вредить.

9 Flateyjarbók: Óláfs Saga Helga, II, 6, p. 7.

10 Laxdæla Saga, XVII u XXIV.

11 Сага о Людях с Песчаного берега, (Eyrbyggja Saga, XXXIV, LXIII); Сага о Греттире, (Grettis Saga, XXXII, XXXV).

В других сагах есть похожие фигуры, хотя менее выразительно изображённые. Тормод в Саге о Хаварде из Ледового фьорда (Hávarðs Saga Ísfirðings, II и III) и старый отец Бьорна в Саге о людях из Флои (Flóamanna Saga, XIII) продолжали преследовать живых, пока их тела не были уничтожены. В Саге о Людях из Сварвардаля¹² возвращение мертвеца злонамеренно не без причины: Клауфи был предательски убит в период слабости после приступа ярости берсерка и возвращался, чтобы преследовать причинившую ему смерть женщину, пока её братья не отрезали ему голову. Однако этого оказалось недостаточно, чтобы остановить Клауфи, который несколько раз появлялся с головой под мышкой и произносил много сильных вис. Он призывал своих друзей к битве и несколько раз, когда возникала необходимость, участвовал в битве сам, пока не оставалось способных сопротивляться им. Наконец, он появился в воздухе сидящим в саях, чтобы сказать своему любимому родственнику Карлу, что тот должен «провести с ним ночь». Позже потомок этого Карла посчитал целесообразным сжечь тело, так как оно всё ещё продолжало ходить.

Во всех этих случаях, за исключением, может быть, появления Клауфи в саях, понятно, что бродит действительно само мёртвое тело, которое покидает могильный курган и обладает нечеловеческой силой и безмерной злобой. Когда тело уничтожают, сила друага приходит к концу. То же кажется верным и для групп покойников, которые порой посещают свои бывшие дома, к примеру, две компании утопленников и чумных, которые прогнали живых от их собственного камина в Саге о Людях с Песчаного берега (Eyrbyggja Saga, LIV), утонувший Торродд и его экипаж, которые мокрыми до нитки явились к Гудрун в Саге о Людях из Лососьей долины (Laxdæla Saga, LXXVI), и жертвы чумы, что мучили соседнюю общину, пока их тела не выкопали и не сожгли в Саге о людях из Флои (Flóamanna Saga, XXII). Это несомненно так в истории из Саги о названных братьях (Fóstbræða Saga, XIX), где павшие в битве воины появляются заливыми кровью, и зрелище столь ужасно, что увидевшие его вблизи падают в обморок — необычное допущение слабости для персонажей саг. На самом деле иногда даже перед погребением

возникают проблемы с телом; Торгунна в Саге о Людях с Песчаного берега (Eyrbyggja Saga, LI) встаёт по дороге к месту погребения, всего лишь чтобы добиться правильного обращения от носильщиков, но Вига-Стюр, тесть Снорри священника¹³, и Гида в Саге о людях из Флои (Flóamanna Saga, XIII) — менее приятные личности и беспокойны по пути на похороны из-за более зловещих причин.

Итак, мы по широкому кругу историй видим, что активность тела изображается как хождение внутри могилы нередко до тех пор, пока тело полностью не уничтожено огнём. Эти истории столь хорошо рассказаны, что очевидно: рассказчик, достаточно осознанный, чтобы использовать в такой теме юмор и хоррор, развил её для своих собственных целей. Тем не менее столь настойчиво повторяющийся в весьма разнообразных по форме рассказах образ ожившего трупа, по-видимому, указывает, что данная концепция была широко известна во времена создания саг. Распространённая вера в вампиров, существовавшая в Европе много веков, имеет ту же природу и показывает, что подобная вера в оживший труп была достаточно сильна, чтобы существовать бок о бок с христианством до сравнительно недавнего времени. В известных мне сагах нет ни одного случая, чтобы какой-то дух или «призрак» вернулся из царства мёртвых, чтобы посетить живых. Друаги приходят именно из курганов, гуляют ли они ночью снаружи, чтобы причинить вред, или, как иногда случается, посещают людей во сне¹⁴, как это было с Гроа, что из кургана отвечала сыну в Старшей Эдде¹⁵. Обе концепции одновременно встречаются во Второй Песни о Хельги¹⁶: мёртвый Хельги возвращается из Валгаллы, чтобы возлечь в объятиях своей жены, но если, как уже предполагалось, Валгалла сама тесно связана с могильным курганом, здесь может и не быть противоречия, которое видится на первый взгляд. Конечно, здесь мы имеем холодное тело с зияющими ранами,

¹³ *Víga-Stýrs Saga ok Heiðarvíga, LX.*

¹⁴ *Хороший пример – сон пастуха в Книге с Плоского острова (Flateyjarbók), который думает, что мёртвый скальд вышел из своего могильного холма и говорит с ним. Когда он проснулся, то заметил своего гостя, снова исчезающего в кургане. (Сага об Олаве Трюгвассоне (Óláfs Saga Tryg.), ниже).*

¹⁵ *Grógaldur, I-III.*

¹⁶ *См. выше.*

¹² *Svarfæla Saga, XXII, XXIII, XXVI, XXXII.*

и Сигрун обнимают ледяные руки, а не призрачный воин из другого мира. Хельги говорит, что её слезы упали пылающими каплями ему на грудь, так же, как в Саге о Людях из Лососьей долины мёртвая ведьма жалуется, что Гудрун роняет на неё горящие слезы, когда та опустилась на колени и плакала над её могилой (Laxdæla Saga, LXXVI). В скандинавской литературе обитатель могильного кургана явно не что иное, как естественный объект — похороненное там мёртвое тело, которое, по верованиям, оживает, наделенный странной жизнью и силой. Курган подобен дому или чертогу мертвеца, остаётся ли тот в нём в одиночестве или в компании.

Заключение

Исследуя данные о понятии «посмертной жизни» в скандинавской литературе, мы находим, что наши выводы по существу те же, что получены при исследовании погребальных обычаев. Не зря же появляются две основные концепции судьбы мёртвых: они либо попадают в царство богов, либо продолжают обитать в пределах самой земли.

Концепция Валгаллы, которую мы находим в литературе, по-видимому, построена как среднее между этими двумя представлениями, так что картина воинского рая, похоже, является следствием идеи о том, что избранные правители и храбрые воины имеют право войти в обитель богов, перемешанной с самостоятельной концепцией вечной битвы, ведущейся мёртвыми в могиле. Царство богов всё ещё представляется тесно связанным с поклонением Одину. Проблема существенно осложняется тем, что обе концепции посмертной жизни включают фигуры множества сверхъестественных женщин, чьи отношения с богами и точные функции в мире мёртвых сложно определить. В рассмотренных нами текстах не выделяется тема потустороннего царства как альтернативы царству богов и могильному кургану; ссылки на преисподнюю туманны, и описания такого царства не существует, хотя, с другой стороны, богатство деталей чрезмерно для путешествия в царство мёртвых. Тем не менее проживание мёртвых в пределах горы требует рассмотрения; оно, вероятно, связано с идеей некоторого рода жизни в кургане, причем

производит впечатление отдельного зародившегося культа, исповедуемого только среди нескольких семей.

В целом свидетельствами создаётся впечатление, что в языческой вере посмертная жизнь была не столь маловажной, как может показаться при беглом просмотре скандинавской литературы. Она была и не столь детской и «примитивной» природы, какими могут в первом чтении показаться представления о жизни в Валгалле. Но к тому времени, когда была записана литература, которая у нас есть, верования недостаточно ясно сохранились в памяти, поэтому до нас не дошли полные и чёткие описания концепции посмертной жизни. Мы полагаемся на воспоминания утраченных верований, наполовину понятые обычаи, бессмысленные повторения того, что когда-то играло важную роль и чьи искажённые описания могут показаться лишь символизмом. Причём не похоже, чтобы все противоречивые сведения могли когда-либо сливаться в единое целое; в два основных понятия, которые кажутся выделенными из массы свидетельств и смешаны с ними, несомненно, вовлечён ряд отдельных частных обычаев. Упрощённый взгляд на данный предмет может привести лишь к фальсификациям.

Одним из основных связанных с Валгаллой вопросов, который мы не рассмотрели здесь, является Рагнарёк, гибель богов. Большинство наших сведений об этой последней Великой битве между богами и великанами, в которой погибли Один и великие боги, содержится в Волюспа (Völuspá), которую Снорри широко использует для своих красочных описаний в Младшей Эдде. Однако в этом предсказании уделяется мало внимания судьбе человечества; и действительно, связь между Рагнарёком и посмертной жизнью человека затронута только в скальдическом стихотворении Речи Эйрика (Eiríksmál). В нем подразумевается, что Один собирает в своих залах конунгов, потому что рассчитывает на помощь столь доблестных воинов в бою против волка, что считается последней битвой, описанной в Волюспа. Оно читается как прекрасная творческая фантазия, восхваляющая мёртвого короля; и мы сталкиваемся с проблемой — насколько большое значение Валгалла и Рагнарёк в действительности имели для норвежских придворных поэтов X века? Детальное изучение

скальдических стихов, наверное, даст годный способ решить эту проблему; но здесь вряд ли возможно его предпринять. Кроме того, представляется очевидным, что культ богов в Скандинавии и идеи о посмертной жизни не относятся к учению о финальной битве; по крайней мере, обычаи, ещё дающие знать о себе в литературе, не дают нам причин так считать, и, как мы видели, Сага об Инглингах (Ynglinga Saga) говорит об Одине, что он умер в своей кровати и сожжён на погребальном костре. Это одна из причин, почему представляется нежелательным включать в эту тему обсуждение Рагнарёка.

Вторая причина заключается в том, что картина Рагнарёка, данная в Волюспа (Völuspá), имеет странные и разнообразные дефиниции. Из детального исследования Олриком содержащихся в поэме преданий¹⁷ ясно, что в дальнейшей работе по Рагнарёку придётся учитывать кельтские традиции смертельной битвы богов, предания о Тартаре и связанных титанах и учения из религиозных книг Востока о конце мира и борьбе между силами света и тьмы, — это если сослаться только на самые известные; он составил целый список литературы. Здесь явно очень важен сравнительный метод исследования, и он необходим, чтобы непонятные места Волюспа когда-нибудь были поняты, но любые такие пространственные обзоры оказались бы вне темы данного исследования представлений о посмертной жизни в скандинавской литературе; к тому же это требует изучения скорее богословских и поэтических спекуляций, чем культов, обычаев и верований о мёртвых, которые нас здесь интересуют, что было бы совершенно неуместным. ♦♦

Продолжение следует...

¹⁷ Olrik, «Om Ragnarok» (A.f.n.O. 1902): «Ragnarokforestillingernes Udspring» (Danske Studier, 1913).

Гуннар Улоф
ХЮЛЬТЕН-КАВАЛЛИУС
Перевод со шведского:
Анастасия ТИШУНИНА

Отрывок из книги «Wärend och Wirdarne»

Веренд и его жители

Аннотация: Данная работа фольклориста и этнографа Гуннара Улофа Хюльтена-Каваллиуса была опубликована в двух томах в 1863 и 1868 годах. Она посвящена народным верованиям южной Швеции, а именно провинции под названием Веренд — родного для учёного края. «Wärend och Wirdarne» — труд, чье влияние выходит далеко за рамки ее фактического содержания. Его можно считать самой важной работой Хюльтена-Каваллиуса, которого называют отцом шведской этнографии. Несмотря на некоторые спорные теории, книга продолжает интересовать читателей, вдохновлять исследователей и представляет собой настоящую сокровищницу знаний о верованиях, обычаях и традициях шведов на протяжении многих столетий.

Коренные жители. Тролли

Обращаясь к собственным воспоминаниям местных жителей о коренном населении, которое в очень далёкие времена жило в Веренде и с которым вступили в контакт более поздние обитатели этого края, мы видим, что мрачные легенды о троллях (а также в несколько изменённом смысле о колдунах, волшебниках, ведьмах) встречаются уже в глубокой древности. Кажется, что это название, которое впоследствии стало употребляться для всякого рода злых или сверхъестественных существ (таких как болотный тролль, морской тролль и т.д.), изначально было просто названием какого-то народа. Однако в фольклоре описываются два совершенно разных племени, совершенно отличных по темпераменту, образу жизни и обычаям. Более древнее из этих племён фигурирует в верендских сказках под своим настоящим и первоначальным именем — Тролли. Более молодое, похоже, называли Великанами или Горным Народом; а имя Горные Тролли (шв. *Bergatroll*) было позже дано им в насмешку как жаргонное.

Тролли, фигурирующие в верендских народных сказках, это не люди и не христиане, а некий совершенно отдельный народ со странными и подозрительными качествами. В более позднем фольклоре эти качества становятся исключительно негативными. В отличие от великанов, тролли как правило небольшого роста, не выше подростков, отчего в северных частях Сконе их причисляют к альвам и другим маленьким лесным жителям. На вид они очень уродливы, и когда кто-то говорит другому: «Ты похож на тролля», это отнюдь не комплимент. У женщин троллей зачастую очень длинные отвисшие груди, которые им приходится забрасывать за плечи. В основном тролли носят

серую одежду и красные шапки, а волосы у них висят до плеч. Голоса у них гнусавые. Живут они на холмах, в горах, под землей, глубоко в лесах и вдали от населённых пунктов. Иногда люди видели дым, поднимающийся от их жилищ из земли или из какой-нибудь глубокой расселины, и память об этом сохранилась до сих пор в распространённом выражении «Это тролли топят» — так говорят, когда туман летом клубится вокруг холмов. Лишь изредка тролли решались приблизиться к человеческому жилью, но в особенно суровые и холодные зимы они «заходили в избы, садились у печей, плакали и жаловались». Особенно часто появляются они рядом с людьми в канун Рождества — в Веренде в этот период было принято пускать к себе нищих, скитавшихся по дорогам, но тролли вряд ли были желанными гостями, потому что любили стащить сусло, пока крестьяне варят пиво, и творить всяческие пакости, а ещё считалось, что своим колдовством они насылают болезни на людей и скотину. Такое же поверье существовало о саамах, финнах и цыганах, поэтому вслед им было принято бросать горящие угли.

Кроме того, тролли хитры, подлы и вороваты. Они очень любят сбивать людей с толку. Когда странник идёт по лесу, ему «путают дорогу», чтобы он не шёл вперёд, а всё время возвращался туда, откуда пришёл и не узнавал собственный дом. Если он крикнет «Ау!» в лесу, то ему «отвечают» с гор и холмов, и то и дело путник слышит злой смех троллей или их разговоры и шёпот в дебрях. Они крадут скот и уводят его к себе в «гору». Поэтому про потерянную скотину говорят, что её «забрали в гору». Но тролли «забирают» и детей, особенно перед крещением, или молодых женщин, покинувших родной дом, или женщин, умерших при родах до того, как их отвезут в церковь. Похищая ребёнка, троллиха обычно подкидывает вместо него своего собственного троллёнка. Эти дети зачастую уродливы на вид и очень прожорливы, растут у них только животы и головы, и называют их подменышами. Троллиха не причиняет вреда похищенному ею ребёнку, а кормит его, купает и заботится во всём, как настоящая мать. Тролли используют похищенных девочек для выполнения самых разных задач по хозяйству, а иногда отправляют их в деревню, чтобы те воровали. Для этого их делают невидимыми с помощью волшебных шапок. Такие шапки используют и сами тролли, когда отправляются воровать. По этой причине их невозможно поймать за руку в момент кражи, и именно поэтому им удаётся не только красть сусло, пока люди варят пиво, но и сидеть между гостями за столом и есть своими ложками из их тарелок. Этим и объясняется тот факт, что еда слишком быстро заканчивается. К тому же общеизвестно, что тролли редко попадают на глаза, за исключением тех случаев, когда на улице пасмурно и идёт дождь. Тролля можно увидеть либо далеко впереди себя, либо далеко позади, но никогда рядом с собой. Некоторые даже утверждают, что тролли не выносят вида солнца, потому что, попав под его лучи, они «трескаются».

Когда тролли отправляются в путь, они делаются невидимыми в воздухе, и тогда возникает вихрь. Эти ужасающие ветра часто налетают летом, незадолго до того, как прогремит гром, и весной, когда крестьяне засевают свои поля. В первом случае считается, что это тролли бегут прятаться в свои норы от страха перед Тором, и до сих пор часто можно услышать такие выражения при сильном ветре: «Смотрите, тролли спешат домой, скоро Тор покажется», а во втором случае говорят: «Тролли хотят украсть зерно». Считается, что троллиха идёт впереди сеятеля и собирает брошенное им зерно в свой фартук. От этого семена потом хуже прорастают, и на поле образуются пустые места, где ничего не растёт.

Когда неопытный земледелец или пастух выходит работать в лес и в тёмное время суток сидит один у огня, к нему может прийти троллиха, принявшая облик прекрасной девушки, чтобы его соблазнить. Если он поддастся её чарам, то троллиха получит над ним такую власть, что мужчина потом день и ночь будет жаждать новой встречи с ней и, наконец, станет совсем «ненормальным». То же самое происходит и с похищенными женщинами. Даже если их затем и удаётся найти, они навсегда «потеряны», то есть ведут себя неадекватно и не могут стать такими, какими были прежде.

Главный источник пропитания троллей — охота и рыбалка. Они властвуют над лесом и живущей в нём дичью, над водоёмами и живущей в них рыбой, а также управляют погодой и ветром. Они могут охотиться на лесных зверей и птиц, а также рыбачить и разводить своих собственных

животных — зайцев, тролльих петухов (так в народе называют глухарей) и огромных щук. Эти животные всегда пасутся сами по себе, и ни один охотник не может ни убить, ни поймать их. Поэтому опытные стрелки и рыбаки стараются быть с лесными троллями в хороших отношениях, чтобы те не лишили их удачи в охоте и рыбалке. Иногда по ночам можно увидеть небольшую вспышку света над озером. Тогда говорят, что это «старый тролль ослепляет и ловит рыбу», и ни один рыбак в этом случае не осмелится спустить лодку на воду, потому что вскоре нагрянут непогода и буря, ведь появления троллей часто сопровождаются сильными порывами ветра.

Хотя в целом жизнь троллей скучна, бывают у них праздники, когда они радуются и ликуют. В основном случается это под Рождество. Тогда тролли разводят костры, так что кажется, что вся гора, холм или скала стоят на золотых столбах и охвачены танцами, пением и забавами. Рога для питья или кубки, как у людей, передаются от гостя к гостю. Но причина их веселья в том, что тролли, как и другие северные духи природы, «надеются обрести прощение в судный день».

Тролли живут очень-очень долго, настолько долго, что иногда за свою жизнь успевают увидеть, как «дубовый лес трижды вырастает и умирает». А некоторые и вовсе считают, что тролли никогда не умирают. Однако это неверно, поскольку их преследует и убивает как Один, охотящийся на них со своими псами, так и Тор, убивающий троллей с помощью молний. Порой даже какому-нибудь старому и опытному охотнику удаётся их подстрелить, но для этого всегда требуется прибегнуть к каким-нибудь магическим уловкам, например, стрелять серебряной пулей или пулей, обёрнутой заговорённым волосом и т. д. Особенно это касается троллей женского пола, которых нередко стараются убить охотники, соблазнённые троллихами и сошедшие с ума от запретной любви.

Тролли умеют менять облик и способны обернуться чем угодно, например, полыми деревьями, пнями, животными, комками шерсти и т. д. Они также могут зачаровывать предметы для людей, так что какая-то вещь покажется человеку совсем не тем, чем на самом деле является. Когда тролли кого-то «забирают в гору», то похищенный ими видит внутри горы просторный дом, красивые комнаты и вкусную еду, а там на самом деле нет ничего, кроме жалкой пещеры, ящериц и змей в качестве угощения и мха вместо постели. Точно так же тролли многими разными способами могут завораживать, обманывать, сбивать с пути, запугивать людей и зверей, насылать на них чары и болезни, а также внушать им свою волю и толкать на злодеяния. Все эти тайные искусства, обобщённо называемые волшебством (шв. *trolldom*), в сознании людей в более позднюю эпоху передались от древних троллей их преемникам — так называемым колдуньям (шв. *trollbackorna*, *trollkonorna*, *trollkäringarne*) и ведьмам. Далее мы прокомментируем это более подробно, сейчас же хотелось бы лишь отметить, что, согласно всему, что нам известно об этимологии этих слов, изначально ими обозначались исключительно тролли женского пола и ничего более.

Следы народа троллей. Рабы

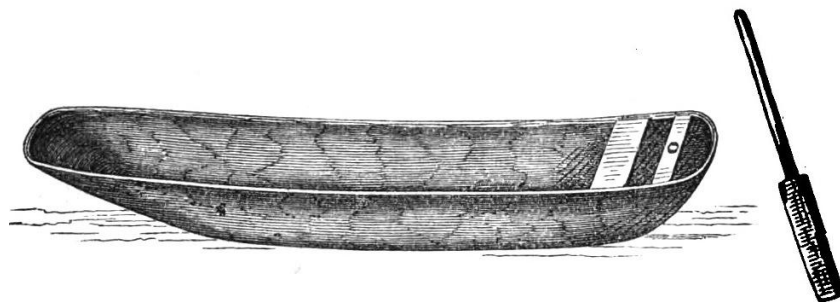
Не может быть сомнений в том, что под этими, по сути, чисто этническими легендами, которые народное воображение позже объединило с более древними мифическими представлениями о чудовищах и злых духах природы, скрывается некая историческая память о диком народе охотников-собирателей с иной культурой, обитавшем в лесах поблизости от водоёмов и враждовавшем с нашими предками-земледельцами. Результаты множества исследований также подтверждают эту гипотезу. Исследования древних захоронений и других источников однозначно показывают, что уже в доисторические времена, когда внутренняя часть Центральной Европы ещё была покрыта девственными лесами и болотами, в южную часть Скандинавии пришли первые поселенцы, и эти люди расселились вдоль рек. К какому племени принадлежало то коренное северное население, до сих пор неизвестно; но резкость, с которой в народных представлениях тролли считались не людьми, а инородными злыми существами, позволяет с уверенностью заключить, что те принадлежали к расе, совершенно отличной от наших предков. И хотя мнения по этому вопросу могут

различаться, одно установлено точно: доисторические коренные народы Севера когда-то распространились не только на территории нынешней Дании и полуострова Сконе, но также в Халланде, Бохуслене, Вестеръётланде, Блекинге, на острове Эланд и в некоторых частях Смоланда. Во всех этих областях встречаются древние захоронения, построенные в форме полукреста или в виде больших каменных гробниц, накрытые тяжёлыми плитами, засыпанные булыжниками и содержащие орудия из камня и кости, но в них крайне редко встречаются орудия из металла, зачастую же их нет вообще. И этих древних захоронений в Веренде весьма много, особенно у озёр и рек. Археологи полагают, что эти могилы принадлежали древнейшим жителям Скандинавии. И судя по всему, что известно на данный момент об обычаях и образе жизни тех первых поселенцев, эти люди находились на том самом уровне развития, какой приписывается фольклорным троллям.

Таким образом можно принять как исторический факт, что более поздние племена скотоводов, заселяя Скандинавию, вступали в контакт с неполноценным в культурном отношении народом дикарей, могилы которых всё ещё могут быть найдены археологами. Встаёт вопрос, как сложилась судьба этого дикого первобытного племени. История ничего об этом не знает. Но из того, как развивались события в других уголках мира, когда сталкивались народы, находящиеся на разных уровнях культуры, мы можем с уверенностью заключить, что они частично были превращены в рабов, а частично — вытеснены в более отдалённые местности, где их немногочисленные группы, вероятно, ещё долго могли сохранять свой старый уклад жизни. Говоря о первом сценарии, следует отметить, что рабство в древние времена являлось в Веренде делом обыденным и было отменено законом лишь в середине XIV века, и что рабов здесь, как и везде в Швеции, называли трэлами (шв. *träl*). Это, вероятно, то же самое слово, что и тролль.

Что же касается разрозненных остатков древнего народа троллей, которые, будучи загнанными в глубь лесов, вероятно, оставались там на протяжении многих столетий, то память о них до сих пор живёт в бесчисленных местных легендах и в речи простолюдинов. Старая фамилия Тролле, распространённая среди жителей Веренда, кажется, таит в себе память об этом коренном народе (возможно, её первые носители были родом из этого племени). Но этот народ не могла ждать никакая другая судьба, кроме полного вымирания либо поглощения и слияния с более поздними переселенцами-земледельцами. Однако следы обычаев и образа жизни троллей не исчезли полностью. В озере Оснен и в ряде других небольших озёр в сотне¹ Шинневальд находили ещё сто лет назад и находят по сей день лёгкие лодочки, примитивная форма которых даёт основание предполагать, что ими пользовались дикие аборигены Швеции. Эти лодочки, как правило, были выдолблены из цельного дубового бревна. Одна такая долблёнка, найденная в 1855 году на хуторе Ятсберга, имела длину 7 альнов².

Эти древние рыбацкие лодочки были рассчитаны на одного человека, но могли перевозить и двух. Они были необычайно лёгкими и плавали даже на мелководье; но из-за скруглённых боков они были ещё и чрезвычайно подвижными, так что от гребца требовалась сноровка, чтобы справиться с волнами и избежать опрокидывания.

1 Сотня — историческая административная единица в Скандинавии. (прим.пер.)

2 Альн — старая шведская мера длины, равная примерно 60 см. (прим.пер.)

И ещё одну загадку для этнографов представляет большое количество живущих в уединении людей в лесах Веренда как в древности, так и по сей день. Эти люди не занимаются ни скотоводством, ни земледелием, и судя по всему, живут совсем как древние тролли. Эти полудикари летом нанимаются на временные работы, а зимой промышляют попрошайничеством. По своему характеру они часто богобоязненны и глуповаты, но иногда могут быть зловредны и мнительны. Подобно отпущенным на свободу рабам в древности, эти люди охотно соглашаются в обмен на долю от урожая ставить для крестьян ловушки в лесу, помогать сажать картошку и т. д. Их жилища, представляющие собой землянки (шв. *jordkular*, *jordkojor*, *jordhyttor*, *jordstugor* eller *backastugor*), имеют простейшее устройство. Обычно их выкапывают под каким-нибудь холмом таким образом, что углубление образует яму диаметром от восьми до двенадцати футов, стороны которой выложены изнутри камнями или лапником. На полу или зачастую прямо на голой земле кладут плиту или несколько камней; иногда в углу слева от входа делают простой камин из булыжников, скреплённых глиной. Свет проникает либо через дымовое отверстие, либо через дверь, которая летом в основном держится открытой. Таким образом, если смотреть снаружи, жилище выглядит просто как насыпь или зелёный холм, и когда хозяин входит в своё жилище, то кажется, будто он нырнул в землю и исчез. Однако встречаются землянки с деревянными двускатными крышами и с небольшими окнами в них. Эти жилища получили название дома—холмы (шв. *backarstugor*).

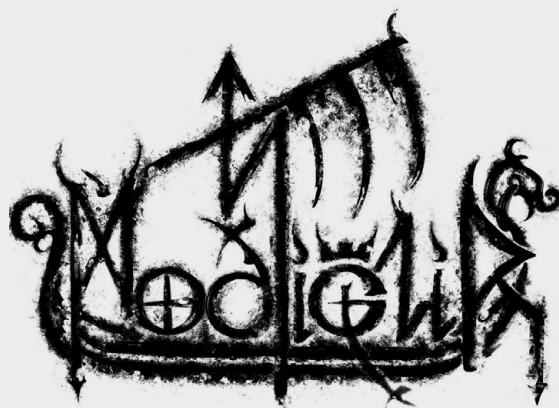
В восточном Веренде такие жилища построены на сваях, как дома лопарей, с небольшой пристройкой для камина и невысокого дымохода. Нам нет нужды указывать на древнюю и примечательную для этнографа природу этих жилищ, которые при всей своей крайней примитивности до сих пор существуют в наше время как памятники первобытных обычаев тех, кто до введения земледелия населял нашу страну. Уже в далёкой древности в эддических сюжетах о борьбе Тора с троллями и великанами их описывали как жителей земли и камней, возможно, имея в виду облик их жилищ.

Интервью с Евгением Добровольским, группа Moðsiglir

Беседовала
Мария ЮЛИНА (РАНХИЛЬД)

Сегодня у нас в гостях **Евгений Добровольский** — вокалист и основатель группы **Moðsiglir** (Украина), чей дебютный альбом уже появился в сети и сразу привлек внимание своим звучанием, пронизанным духом и эстетикой Севера.

Евгений, здравствуйте, спасибо, что согласились рассказать нашим читателям о вашей группе. И сразу первый вопрос — расскажите, пожалуйста, что означает название группы и почему вы остановили свой выбор именно на нём.

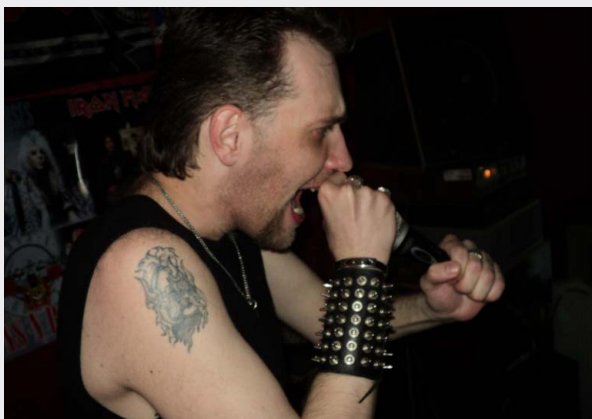
Til Árs ok Friðar!!!

(хорошего урожая и мира всем).

Ответить не трудно. Много лет назад я купил журнал GEO, в котором была статья (скорее даже беглый обзор) под названием «Гнев под парусами». Это выражение мне очень понравилось, и я решил взять его «на вооружение». Впоследствии,

когда мы начали обсуждать название группы, было много всяких вариантов, но это было все не то... И, посоветовавшись с коллегами, мы решили остановиться на варианте Moðsiglir (что и означает «Гнев под парусами»).

Надо сказать, что в начале 2000-х в моей библиотеке появилась книга Е. А. Мельниковой «Скандинавские Рунические Памятники» с небольшим словариком в конце. С этой книги все и началось: и название группы (вернее, перевод названия на древненорвежский), и фундамент для дебютного альбома, и тогда еще не песня, а всего лишь короткий стих «Gratur Eiginkona».

Расскажите, с чего всё началось. Как появился Moðsiglir? Было ли это продолжением какого-то предыдущего музыкального опыта, или группа возникла спонтанно — из личного интереса к Северной Традиции, поэзии, сагам, истории и — самое главное — к качественной музыке?

Ранее я играл на барабанах в трех-четырёх местных группах. Мы тогда все хотели быть рок-звездами. Первая моя группа называлась «Fata

Morgana», созданная моим одноклассником во второй половине 90-х. Я поиграл в ней несколько лет... Как говорится, первый блин комом.

Со временем немного поднаторев, и с одновременным «утяжелением» моей фонотеки захотелось чего-то отличного от тех групп, в которых я играл. Захотелось самому стать Stýrimaðr-ом своего драккара.

Начало моему остервенелому и фанатичному на первых порах увлечению историей эпохи викингов и северной мифологией положил подростковый возраст, когда мы все ищем себя, свое место в социуме, пытаемся идентифицировать себя как часть этого общества и т.д. Мне было двенадцать лет, когда ни с того ни с сего в памяти всплыли имена Один, Локи, Вальгалла. Теперь-то я понимаю, почему именно эти имена. В принципе, я всегда живо интересовался историей разных стран и народов, смотрел исторические фильмы или экранизированные мифы древней Греции: «Битва титанов», «Ясон и аргонавты», «Одиссей» (последний, кстати, до сих пор мой самый любимый).

Как вы уже догадались, я до сих пор обожаю историю как таковую, наряду с мифологией и археологией. И, собственно, после этого начались многодневные и многочасовые «крестовые походы» в библиотеку, в которой я терял ощущение времени, все глубже и глубже погружаясь в интересовавшую меня историческую эпоху.

Касательно фильмов о викингах, к тому времени я посмотрел прекраснейший двухсерийный фильм «И на камнях растут деревья» (1985 г.) и «ВИКИНГИ» (1958) с Кирком Дугласом, Тони Кертисом и Дженифер Ли. Честно говоря, я пересматриваю эти фильмы снова и снова — это просто бестселлеры!

Познакомился я с тяжелой музыкой в классе 6–7. Это были Metallica, Megadeth, Anthrax, Overkill, Manowar (последний, кстати,

я до сих пор слушаю с удовольствием). Со временем мне захотелось послушать нечто более тяжелое, но с такими же текстами как у Manowar. И вот тут-то и начинается мое знакомство с black metal.

Мой первый Black... это несколько смешная и, я бы сказал, водолеевская сага. Надо сказать, на то время пришелся «пик моего скандинавского фанатизма». Manowar для меня были уже

не особо тяжелы. Жажда, как говорится, росла... Я подступился с этим вопросом к старшему на год товарищу и детально обрисовал ему волнующую меня проблематику, на что он, недолго думая, выдал: «Есть такое дело! Я тебе завтра принесу». На следующий день он протянул мне кассету. На обложке было написано BATHORY «Blood on Ice» '96.

Думаю: «Ну, нормальный ход! Приду домой послушаю!»

Не успел я об этом подумать, как мой знакомый говорит:

«Вот только я не помню, какая в подкассетнике кассета: родная или Burzum».

Я пришел домой, поставил кассету в магнитофон и был просто потрясен. Пришлось сделать звук тише и слушать. Как оказалось, это действительно был не BATHORY, а BURZUM, альбом «Filosofem» того же 1996 года. На следующий учебный год все вернулось на круги своя: мой знакомый принес нужную кассету в подкассетнике BURZUM.

Вот такое первое знакомство вышло, и, что самое интересное, первые блек исполнители, с которыми я познакомился, оказались «своими ребятами», то есть такими же февральскими водолеями как и я сам: 11 февраля родился Варг Викернес (BURZUM), и 17 февраля родился Томас «Куртон» Форсберг (BATHORY)..

Везде свои, как говорится.

К какому музыкальному направлению можно отнести творчество Modsiglir? Вы придерживаетесь строго определённого стиля, или вам ближе интуитивный подход — когда звучание формируется под влиянием темы и настроения каждой композиции?

Тексты к «Die Dreimal Gebrannt Hamburg» я начал писать еще в университете. Это была весна 2004 года. Первым увидел свет «Die Zeitgeistlied» (Песнь Духа Времени). Это был просто стих об Осени, увядании и умирании. Впоследствии именно эта композиция и определила атмосферу всего альбома, хотя исторически действия происходили летом. Вторым появился «Das Aufruf Geweint» (Зов прозвучал). Тексты писались вразнобой и в разные годы. На все про все на эту сагу ушло десять лет.

Процесс написания был и труден, и интересен. Труден ввиду недостаточного количества материала по теме, а интересен в рамках поиска этих материалов. Просто у меня никогда не было компьютера, да и сейчас нет. Из техники только телефон, но пользуюсь я больше книгами и головой.

Как я уже упоминал выше, книга Е.А. Мельниковой стала судьбоносной и послужила фундаментом для альбома. Именно из нее взята история о том, как ободриты (северные славяне, жившие на северо-востоке Германии) вместе с датчанами спалили Гамбург, и самое интересное то, что упоминание об этом событии я встречал только в книге Джона Хейвуда «Люди Севера» и больше нигде!

Покончив с написанием текстов, их отправили, что называется «в стол». Все, к кому я обращался с предложением положить их на музыку, отмахивались и пафосно заявляли: «мол, опыта у тебя маловато», «это амбициозно и никому не интересно», «глупость...». Вот такие были ответы...

Первым, кто протянул мне руку помощи, был Дима — наш гитарист, мы давно дружим, но никогда вместе ранее не играли.

С Артуром, нашим бас-гитаристом, я знаком с детства. Случилось так, что по независящим от нас причинам мы «потерялись» и тут неожиданно встретились в одной и той же компании.

Оказалось, он еще и на басу шпарит — просто отлично!!! Хвала богам, наше трио не конфликтует между собой ни по мелочам, ни по крупным вопросам.

Также у нас есть и четвертый мушкетер. Его тоже зовут Дима, и он наш звукорежиссер и директор всяческих спецэффектов и примочек.

Самое интересное состоит в том, что мы четвером являемся представителями стихии воздуха: Артур — весы; Дима-гитарист и я — водолеи; Дима-«звукотик» — близнецы. Возможно, поэтому, тьфу-тьфу, у нас в группе все гладко. Не знаю. Может, все потому, что я просто верю в чудеса (и это одно из этих чудес): в этом году нам уже десять лет, и мы дружны между собой (а мелочи не считаются).

Официально как группа мы существуем со второй половины 2015 года. Надеюсь, нас ждет впереди еще несколько интересных десятилетий.

Касательно стиля, трудно сказать. В нашем репертуаре присутствуют разные нотки: это и death, и thrash, и black, и ambient. Я же называю то, что мы играем, «интеллектуальным металлом», ввиду освещения в наших текстах редких исторических событий эпохи викингов. Конечно, мифологические и абстрактные истории — это хорошо, но мне кажется, что это не интересно и уже затерто

до дыр... Не подумайте, я «не порочу королей», но мне действительно кажется это неинтересным.

С К слову, о настроении каждой композиции. В подписи к песне «*lk siggwa fram frijarwai*» («Я пою о любви»), которая, кстати, сильно отличается от остального брутального творчества группы, вы упоминаете, что миф о любви Фрейра и Герд является одним из ваших любимых. Почему именно этот миф (к слову, достаточно кровожадный) нашёл отклик в вашем сердце?

Композиция «*lk siggwa...*» появилась спонтанно. Бороздя просторы сети, я наткнулся на небольшой стих П. Рильковой на готском языке. Он мне понравился, и через время я его дописал, скомпоновал по смыслу, добавил в контекст готскую поговорку и спел. Правда, немного ошибся в начале третьего куплета: как раз из-за этой поговорки... не попал в размер. Эта песня не привязана ни к чему, как, в принципе, и «*The Ballad of Night Wolf*», и стоит особняком. Хотя на «*The Ballad...*» виды есть.

Да, вы правы, миф о Фрейре и Герд является моим любимым эпизодом во всей древнескандинавской мифологии. На мой взгляд, этот миф служит ярчайшим примером безусловной любви между представителями разных, порою воюющих друг с другом, кланов. Несмотря ни на что (я имею в виду смерть Фрейра в битве Рагнарек), истинная любовь должна быть именно такой. Что же до «кровожадности», то скажу так: в Скандинавии эпохи викингов если в лирической песне, стихе, повествовании не было смерти, битв, крови, даже где-то там далеко на фоне или в подтексте, то это была и не лирика вовсе.

С А есть ли у вас другие близкие по духу мифы или саги в Северной Традиции? Кто из богов, героев или даже антагонистов вызывает у вас особый интерес — и почему?

Конечно, любимых саг и мифов очень много. К примеру, мне очень нравятся так называемые «Королевские саги» из «Круга Земного», такие как «Сага о Фритьофе Смелом», «Сага об Инглингах», «Сага о Вельсунгах», «Сага о Ньяле», «Сага об Эрике Рыжем», «Сага о Рагнаре», «Прядь о сыновьях Рагнара» — список можно продолжать еще долго.

В ответ на вопрос о богах, не задумываясь, скажу — это Всеотец Один, справедливый Тюр и Ингви-Фрейр. В целом же сложно выделить кого-то одного как из богов, так и из героев, будь то антагонист или протагонист, так как все они действуют в связке. Без одного нет и другого. Без Одина не было бы Локи как трикстера-антипода (Добро и Зло). Без Фрейра не было бы Герд (смена Лета и Зимы), и так далее.

Выше я уже рассказывал о любимых сагах, богах и героях. Думаю, излишне будет повторяться. Разве что кратко упомяну имена моих любимых богов и что они для меня означают. Итак, первый из них — это Один, покровитель воинов, а как мы все прекрасно знаем, вся жизнь — это бой. Тюр же мне подходит по духу справедливости и самопожертвования во имя общего блага. Фрейр — очевидно — вечно влюбленный бог. Наверное, мне этого не хватает...

Есть ли у вас любимые исполнители или группы, чьё творчество также вдохновлено Северной Традицией? Кто из них особенно близок вам по духу и, возможно, повлиял на звучание или мировоззрение Modsiglir?

Конечно, многие группы внесли свой вклад как и в мое мировоззрение, так и в творчество самой группы. Прежде всего, это норвежцы Enslaved, чей космогонический подход к пониманию и трактовке рун весьма интересен и примечателен, также это ambient от BURZUM, агрессивность и мощь Einherjer и, конечно же, это эпичность и творение музыкальных саг от шведов из Bathory, вернее, от Quorthon.

С И раз уж мы заговорили про мировоззрение — относите ли вы своё мировоззрение к языческой традиции? Если да, то расскажите про Путь, который привёл вас к язычеству.

Ответить не трудно. Да и особого секрета здесь нет. Да, я — язычник, но само слово язычник имеет более размытое значение (от старославянского слова *язычникъ*, которое, в свою очередь, связано с *языкъ* — в древности это слово означало не только «язык», но и «народ» или «племя»).

Это слово является калькой с греческого *ἔθνικός* — «этнический», «народный», которое использовалось в христианских текстах для

обозначения неевреев, нехристиан, то есть представителей других народов и верований, таким образом, нельзя сказать, что я «народник». Правильнее будет сказать Asatruar, а еще точнее, то я больше Одинист.

Ваша коллаборация с Уэнди М. Дарлинг в композиции the Ballad of Night Wolf получилась по-настоящему атмосферной. Как возникло это сотрудничество? Легко ли было работать с ирландскими музыкантами, и планируется ли продолжение такого сотрудничества в будущем?

Все началось с одиннадцатитомника пера Джеймса Л. Нельсона о похождениях норвежца Торгрима Ночного волка сотоварищи на просторах Изумрудного острова (Ирландия) и Англии (который я до сих пор читаю). Хочу сказать, что очень восхитительный, интересный и захватывающий роман. Советую к прочтению!

Так вот, пребывая на волне восхищения, я решил написать стих о главном герое и отправить его автору в благодарность. Самое интересное то, что, записывая стих, я уже знал, что это будет песня, исполненная девушкой под аккомпанемент арфы. Конечно, я смутно представлял, что к чему, но идея мне показалась здоровой, хоть и немного сумасшедшей.

Все началось достаточно прозаично: поиски, знакомства, переписки, созвоны-перезвоны с друзьями друзей... Перезнакомившись с сотнями людей, мы наконец-то познакомились с Уэнди. Честно говоря, я очарован этим знакомством (такое бывает очень редко).

Девушка очень приветливая, приятная в общении, проницательная и чрезвычайно деятельная и, конечно же, талантлива. Когда мы созвонились с ней по видео и пообщались какое-то время, показалось, что она считала с меня всю информацию от А до Я. Кокетливо улыбнулась и сказала: «Я все поняла. Не беспокойся».

Когда все было готово, и я услышал готовый продукт, у меня просто-напросто пропал дар речи и тело покрылось мурашками... словами не передать это состояние, его нужно прочувствовать самому.

Со временем я отослал эту песню и мои благодарности мистериу Нельсону, рассказав

о предпосылках появления стиха и композиции. Через где-то полгода Джеймс мне ответил. Извинился, что заставил ждать, и после этого последовали комплименты и восторги: из ответа явствовало, что Джеймс на лопатках и от неожиданности, и от восхищения.

Я думаю, мы будем продолжать сотрудничество с Уэнди по мере поступления «балладного» материала.

Очень интересна предыстория, рассказанная вами к композиции Grátur Eiginkona, посвященной викингу, чья могила была обнаружена на о. Березань (Николаевская область, Очаковский район, Украина) в 1905 г. Руническая надгробная плита, датируемая второй половиной XI столетия, гласит: «Grani gera hvalf thisi eftir Karl felaga sin» («Грани сделал этот холм по Карлу, своему товарищу»). Вы вдохнули жизнь в эту надпись, превратив несколько строк на камне в полноценную поэтическую оду, написанную на древнорвежском в стилях Fornyrðislag u Runhenda. Расскажите, пожалуйста, поподробнее об опыте стихосложения на древнем языке.

О могиле викинга на о. Березань (скандинавы его называли — Устахольм т.е. «город в устье») я, опять-таки, узнал из книги Е.А. Мельниковой, о которой я уже упоминал несколько раз. Мысль, точнее, желание написать об одном из исторических памятников моего региона, коих у нас много, возникло незамедлительно, тем более, мало

кто об этом знает, особенно в Европе... и сей факт нигде толком и не упоминается, но желание желанием, а вот как подступиться, с чего начать — это дело другое. Трудно написать что-то внятное, когда у тебя есть только общие сведения и руническая надпись с камня.

И в 2017 году я наконец-то разродился желаемым стихом. Текст изначально писался на русском, а затем посредством моих скудных познаний и помощи друзей из Исландии (Einar Guðmindsson из группы Katla и Didrik Jon Kristofersson) переведился на древненорвежский язык.

Впервые стих был опубликован в сообществе AUSTRAWIGS (Gutiska Razda) в 2021 году. Многим людям понравилось: как подписчикам группы, так и тем, кому я разослал.

Несколько лет назад я вновь наткнулся на это стихотворение и дописал еще четыре куплета, дабы придать полноту рассказу.

С *Как вы начали изучать древненорвежский? Есть ли у вас какие-то советы тем, кто только становится на путь знакомства с этим языком?*

По образованию я филолог (преподаватель английского и немецкого языка и литературы) с более чем 20-летним стажем. В университете нам преподавали и латынь, и древнеанглийский, и готский языки. Откровенно говоря, древнеанглийский и древненорвежский различаются в написании и произношении. Таким образом, зная один, другой легче осваивать. Я до сих пор их осваиваю. Тем не менее имеющийся багаж знаний был мне в помощь.

Советовать я не берусь. У каждого свои методы и подходы, но с уверенностью могу сказать одно: «Ребята, учите языки, и вы многое узнаете».

С *Что было сложнее для вас — создать текст композиции Grátur Eiginkona (да и вообще любой другой) или придумать к нему достойное музыкальное оформление? Что первично в вашей группе: текст или музыка?*

Вы знаете, все процессы: и написание текста, и последующее его дописывание, и создание музыки, и ее исполнение, — были титаническим трудом. Но мы не ищем легких путей.

Как правило, сначала пишется музыка, а потом все остальное. У нас же все было наоборот.

С *Какими вы видите слушателей группы Moðsiglir? Кто они — реконструкторы, знатоки мифологии, любители тяжёлой музыки или последователи Северной Традиции? Насколько вам важно понимать, кто находится «по ту сторону звука», — и влияет ли это на ваше творчество?*

Какими я их вижу? Ммм... интересный вопрос.

Наверное, это, скорее всего, люди с душой, интеллектуалы, мечтатели, энтузиасты, изгои и первооткрыватели, неумные в своем желании и поисках ребята, наподобие Эрика Рыжего и его сына Лейфа Счастливого, Наддода, Ингольфура, Храфна-Флоки и Рагнара.

С *Расскажите, пожалуйста, о планах группы Moðsiglir.*

Наши планы несколько дерзки и амбициозны. Мы планируем выпустить еще одну запись к апрелю следующего года, к празднику Sigrblot (Победная жертва). Альбом будет всецело посвящен Всеотцу Одину. В нем будут как и наши песни, так и Воронова ворожба Одина, и песни Одина, и каверверсии некоторых скандинавских групп.

С *И традиционный последний вопрос: что бы вы хотели сказать, посоветовать или пожелать читателям «Северного Ветра»?*

Прежде всего, от лица всего коллектива Moðsiglir я хочу поблагодарить вас и весь штат «Северного ветра» за вашу работу и пожелать попутного ветра (прошу прощения за каламбур), интересных гостей и благодарных читателей.

Читателям же хочу сказать следующие слова: «Не бойтесь мечтать! Не переставайте мечтать в любом возрасте! Если что-то не получается, не расстраивайтесь и не огорчайтесь. Все свое время! Научитесь ждать и терпеливо идти за своей мечтой, слушая свое сердце, а не насмешки тех, кто сам ничего не сделал!!!»

Волшебные исландские сказки

Тексты первоначально опубликованы
на сайте: <https://norroen.info>

Перевод с исландского: Тимофей ЕРМОЛАЕВ
Редакция перевода и примечания: *Speculatorius*

“Кто сдирает кожу с такой длинной рыбы?”

Однажды жили на хуторе очень скупые супруги, однако они были вынуждены держать нескольких работников. Им не давало покоя, как много эти работники ели, в первую очередь хозяину, особенно в полдень, так как обычно бонд раздавал им рыбу в полуденную трапезу. А в завтрак и ужин еду распределяла хозяйка, и она меньше о ней беспокоилась, чем хозяин — о рыбных блюдах, а некоторые люди даже говорят, будто она была добрее к работникам, чем её муж. Чтобы избавиться от страданий выдавать рыбу работникам ежедневно или за неделю, бонд завёл правило выдавать рыбу разом за весь год. Но так как то, что для этого требовалось, для него тоже было слишком много, он решил сэкономить один день. Вот он вручил каждому рыбные блюда и рассказал своей жене, что у него не хватило рыбы на один день и он собирается притвориться мёртвым на это время и лежать на похоронных носилках в самый последний день выдачи припасов, и тогда работники из-за скорби забудут поесть в тот день. Шло время, и когда настал указанный день, хозяин притворился умершим, и его положили на доске, одни говорят — в гостиной, а другие — в кладовой. Не упоминается, какой выход с едой нашли остальные работники в тот день, но когда домой пришёл пастух и собрался пожевать свой кусок рыбы, то увидел, что ничего не распределяли. Тогда он побежал из бадстовы к хозяйке и сказал, что он готов получить свою порцию. Женщина сказала, что сейчас думает о другом, а не о его угощении, ведь её муж лежит на похоронных носилках. Пастух сказал:

— Как бы то ни было, я хочу получить свою еду, а не отговорки.

Женщина сказала, чтобы он пошёл в кладовую и взял себе сушённую рыбу голову. Пастух так и сделал, взял там очень большую треску, уселся с ней напротив покойника и одним рывком оторвал спинку вдоль всей рыбины. Хозяин услышал это, приподнялся под саваном на локтях и говорит:

— Кто сдирает кожу с такой длинной рыбы?

Пастух решил, что хозяин стал другом, и потому ударил его в грудь складным ножом. После этого бонд о рыбе не беспокоился, поскольку ему больше ничего не было нужно.

“Там идут с краденым!”

Рассказывают, что как-то вечером некая женщина вышла наружу, чтобы собрать стираное бельё. Пока она занималась этим, к ней подошёл некий мужчина и попросил её помочь ему с роженицей. Женщина ответила, что совсем его не знает и никуда не пойдёт. Тогда он начал настоятельно просить её и сообщил ей, что он из рода аульвов и роженица не может родить, если только до неё не дотронется смертная женщина; в остальном она может не беспокоиться, что ей что-либо навредит. После этих слов женщина дала себя уговорить. Тогда он пошёл впереди, а она позади (не упоминается, как долго), пока они не оказались у какого-то холма. Холм открылся, и он провёл её внутрь. В холме она никого не увидела, кроме женщины, которая рожала. Она дотронулась до неё, и вскоре роды завершились благополучно. Мужчина принёс повитухе воду для омовения, пелёнки и прочее необходимое, среди чего была баночка с мазью, которой он велел намазать глаза ребёнка. Она так и сделала, но тем временем коснулась пальцем с мазью своего глаза. Вдруг она увидела весь холм изнутри: она увидела мужчин и женщин; кто-то сидел за работой, кто-то прислуживал за столом и так далее. Когда она закончила с акушерскими обязанностями, мужчина поблагодарил её многими красивыми словами, подарил ей ларец со многими диковинами и проводил её домой. На прощание он попросил её не вредить ни ему, ни его семье, всё же она теперь стала более зрячей, чем другие люди, ведь он видел, как она коснулась пальцем глаза.

Вот прошло много времени. Женщина видела всё, что аульвы делают по хозяйству, и повторяла за ними. Теперь она стала очень удачливой женщиной и каталась как сыр в масле. Однажды случилось так, что она находилась в торговом посаде; она увидела, что знакомый ей мужчина из сокрытого народа пришёл туда, осмотрел всё, что было на прилавке и прихватил себе кое-что, что ему показалось самым ценным. Это рассердило женщину, и когда мужчина из сокрытого народа выходил, она закричала:

— Там идут с краденым!

Он повернулся, внимательно посмотрел на неё и дунул в её ясновидящий глаз. Из-за этого её сверхъестественное зрение исчезло, и с того времени счастье и удача отвернулись от неё, так что она стала бедной и несчастной.

Сказка о Лодинбарди

Перевод с исландского: Ксения ОЛЕЙНИК

Жили как-то в отчем доме три сестры; их звали Ауса, Сигни и Хельга. Однажды отправилась Ауса в лес за хворостом. Когда она собиралась взвалить на спину вязанку, та оказалась столь тяжела, что она не сумела сдвинуть её с места; она обнаружила, что на вязанку уселось какое-то существо. Тогда она сказала:

— Кто это такой тяжёлый лежит на моей вязанке?

А это был мужчина-трётль, и он ответил ей низким голосом:

— Имя его Лодинбарди.

Затем он схватил Аусу и сказал:

— Чего тебе хочется больше, чтобы я нёс тебя или тащил?

Она ответила весьма холодно:

— Куда охотнее я предпочту, чтоб ты тащил меня.

Затем он притащил её в большую пещеру и сказал:

— Где тебе хочется спать, поверх меня или под моей кроватью?

Она предпочла лечь под его кроватью. На следующий день она попыталась убежать домой, но тогда трётль настиг её и убил. Точно так же вышло и с Сигни.

Потом схватил он Хельгу, и она поступила так: выбрала, чтобы он нёс её, а не тащил, и захотела спать поверх него, а не под его кроватью. Тогда вышло, что Лодинбарди поверил Хельге и оставил её

подготовить пир, для которого выделил достаточно запасов, сам же он отправился приглашать трётлей. Хельга должна была управиться со всем за три дня; это ей удалось, она принесла к столу все угощения и много вина, но в одном месте, там, куда падала тень, приставила к стене чурбан и нарядила его в свою одежду, а на стене рядом с деревянной невестой прикрепила пузырь с кровью. Затем уселась она на кочергу и поскакала на ней прочь, ведь была она многосведуща. А выезжая, она натёрла лицо золою и сажей, чтобы её было трудно узнать. Случилось это, когда уже близился вечер третьего дня. Тут повстречала она первой большую толпу трётлей, были там одноголовые турсы, и с ними Лодинбарди. Трётли сказали:

— Не была ли ты в Гнипюфьятле, угольная пасть?

Хельга ответила:

— Я туда заходила.

Трётли:

— И какво там?

Хельга:

— Покрыты скамьи,
На сиденье невеста,
полны были чаны —
лилось через край.

Трётли:

— Поскачем же, поскачем и подхлестнём под ляжками, не будем заставлять невесту ждать!

Затем Хельга повстречала вторую толпу, в ней были турсы с двумя головами, и третью, там были трёхголовые турсы. Все они ехали на пир, и у них с Хельгой вышла та же беседа. Когда добрались до пещеры, трётли налегли на еду и вино, не уделяя внимания невесте, что сидела в тени поодаль. Быстро захмелели трётли и принялись бросаться костями. Одна кость угодила в пузырь с кровью и разорвала его; кровь брызнула во все стороны, а чурбан повалился. Стали тогда трётли обвинять один другого в том, что они, мол, убили невесту. Началась тут жестокая драка, и кончилось тем, что все они поубивали друг друга. Хельга увидала это благодаря своему колдовству, вернулась обратно в пещеру и забрала с собою все ценности¹.

¹ Многие сказки очень похожи на эту с той разницей, что стариковых дочек зовут иначе, чем здесь, а также, когда они ложатся спать поверх великана, похитившего их, то просыпаются оттого, что перед ними лежит королевич, а шкура трётля — у края кровати, тогда они жигают её и после выходят замуж за королевича, который не мог освободиться от своего проклятья, покада человеческая женщина не будет готова лечь спать поверх него в его обличье трётля.

Интервью с Юлией Болтик и Дарьей Бурлюкало

Беседовала
Мария ЮЛИНА (РАНХИЛЬД)

Друзья!

Все наши гости — люди невероятно талантливые, чьим творчеством мы искренне восхищаемся, будь то литература, археология, музыка или собирание грибов. Поэтому, хотя к восторгам вы уже привыкли, сразу предупредим: в этом номере их будет особенно много. Ведь у нас в гостях — режиссёр и актриса удивительно глубокого музыкального сериала «Локи» Юлия Болтик и одна из его ведущих актрис Дарья Бурлюкало.

С Юлия, здравствуйте, спасибо большое, что нашли время рассказать о вашем проекте. Как человек, который мучается от зубной боли при первом упоминании творчества Марвел, вначале я была крайне скептически настроена к сериалу «Локи». Но стоило посмотреть первую серию — и все, я ваш преданный фанат. Расскажите, пожалуйста, нам все-все о вашем проекте. Сколько прошло времени от первой задумки до слов «камера, мотор»? Сколько людей участвует в проекте? Где проходят съемки? Как проходят съемки? В общем, хотим знать все!

Юлия Болтик: Здравствуйте! От всей души благодарю вас за столь высокую оценку. С радостью расскажу, как всё начиналось.

От первой задумки до слов «Камера, мотор!» прошёл примерно год. На самом деле нынешний «Локи» — это перезапуск идеи. Изначально

я планировала сделать проект исключительно для YouTube в вертикальном формате — небольшие ролики о скандинавских богах с участием известных блогеров. Более того, часть проекта уже даже была реализована: в сети до сих пор можно найти короткие видео, где я сама исполняю все роли — от Локи и Фрейи до Сигюн.

Однако из-за сложности формата и специфики подбора актёров этот первый проект буквально «развалился». Сейчас мы шутим, что это сам Локи отвёл меня от неправильного пути, но на тот момент для меня наступил тяжёлый период — я буквально не знала, как жить и куда двигаться дальше. Однако мне очень повезло, и я познакомилась с нынешней командой «Локи»: актёрами, которые сегодня играют в сериале главные роли. Тогда я поняла: нужно дать себе и проекту второй шанс. И это стало одним из самых правильных решений в моей жизни.

Кстати, уже 24 августа мы отметим первый юбилей (интервью было записано за несколько недель до этого — прим. ред.) — ровно год с первой смены «Локи». За этот год мы достигли колоссального прогресса: от уровня съёмок и актёрского мастерства до качества реализации проекта в целом. Я абсолютно уверена, что к 30-й серии это уже будет полностью профессиональное кино.

Если говорить о размере команды, то на данный момент в проекте задействованы около 90–95 человек. Проект активно растёт, и мы постоянно привлекаем новых участников. Вот, например, недавно мы сняли первую массовую сцену — на одной площадке собралось около пятидесяти человек. Это пока наш рекорд, но я уверена, впереди будут ещё более масштабные съёмки.

Точные локации съёмок мы стараемся не раскрывать, но могу сказать, что снимаем в самых разных уголках России. Когда мы отправляемся в экспедиции, порой сами не знаем, куда нас занесет — можем оказаться и в глухом лесу, и на живописной усадьбе. Очень часто снимаем за пределами Москвы. Например, дом Ангрбоды, который зрители видели в четвёртой серии, мы снимали в усадьбе Веретьево, и мы очень благодарны её хозяйке за гостеприимство. А ещё съёмки проходили на прекрасной лыжной базе «Габо», где администрация также поддержала наш проект.

Как проходят съёмки? Весело, с юмором, в атмосфере любви и полного взаимопонимания.

В Расскажите, пожалуйста, несколько слов о себе. Почему вы выбрали профессию режиссера, и как продвигается ваш Путь в этом направлении?

Юлия Болтик: Я — самая обычная девушка из самой обычной Москвы, если можно так сказать. Если вспомнить фильмы или сериалы, где главная героиня — простая, из обычной семьи, с самым обычным характером, но с маленькой тайной, — то это про меня. Хотела бы я, чтобы все было иначе? Возможно. Но факт остаётся фактом. Если бы я была персонажем, то наверняка стала бы Мари-нетт из «Леди Баг» — такая же неуклюжая в жизни, а при встрече с человеком, которым восхищаюсь, едва могу связать пару слов.

Путь к режиссуре для меня был делом всей жизни. В моей семье нет творческих людей, и родители всегда были категорически против того, чтобы я шла в творческую профессию. Но, несмотря на запреты и многолетние попытки подавить мою личность, я нашла в себе мужество пойти своей дорогой.

В восемнадцать лет я поступила в ГИТИС, на бюджетное отделение режиссуры, к Аскольду Вальтеровичу Запашному. Это стало переломным моментом — я поняла, что могу всё. В том же возрасте я написала и поставила свою первую рок-оперу «Между небом и землёй». И тогда окончательно осознала: режиссура — это то, чем я хочу заниматься всю жизнь.

Да, было много ошибок и промахов. Но постепенно знакомясь с миром мюзиклов, я окончательно поняла: как бы сложна ни была эта сфера, она моя.

И могу сказать, что сейчас мой путь в этом направлении продвигается медленно, но верно. Каждый день я посвящаю себя сериалу-мюзиклу «Локи» — это мой главный проект на данный момент. Постепенно двигаюсь к своей цели: вывести его на уровень «Мосфильма». И я абсолютно уверена, что однажды это произойдёт, просто нужно больше времени, опыта и финансов. Но я обязательно этого добьюсь.

Каждый день я набираюсь опыта как режиссёр, открываю для себя что-то новое, учусь —

даже в XXI веке сохраняются стереотипы о женщинах в этой профессии — будь то режиссура или, например, операторская работа. Особенно это касается девушек-режиссёров, ведь режиссёр — это мотор, это энергия, это не только профессия, но и призвание, наполняющее человека внутренней силой, способной объединять и вести за собой команду.

За последние три года я не раз слышала, что молодая девушка не может возглавить столь масштабный проект без финансовой поддержки, да ещё и в одиночку. И отчасти я соглашусь: да, в одиночку это было бы невозможно. Но я не одна — рядом со мной моя любимая команда и потрясающие актёры, которые проходят со мной

чаще всего на собственных ошибках. В моём окружении не так много людей, готовых бескорыстно объяснить все тонкости профессии, но у меня есть потрясающая команда, которая всегда идёт навстречу, поддерживает и объединяет все усилия ради успеха проекта. За это я им несказанно благодарна. Наверное, именно благодаря этой команде движение вперёд получается таким гармоничным.

Сложно ли быть женщиной-режиссёром? И, на ваш взгляд, труднее ли женщине добиться успеха в этой профессии, чем вашим коллегам-мужчинам?

Юлия Болтик: Да, да, сто раз да, женщиной-режиссёром быть сложно. И, как ни странно,

буквально огонь и воду и не бросают меня даже в экстремальных условиях.

Скажите, почему вы выбрали именно скандинавскую мифологию? Не греческую, не славянскую, а обратили свой взгляд именно в Асгард?

Юлия Болтик: Локи — персонаж, который буквально преследует меня с подросткового возраста. Когда мне было около четырнадцати, я, как и многие, посмотрела фильмы Marvel и безумно влюбилась в Тома Хиддлстона. Я была той самой девочкой, которая говорила: «Ох, будь я рядом, я бы его изменила». Ну, типичная романтическая фантазия четырнадцатилетней школьницы, из-за которой на меня смотрели как на чудачку, но я вспоминаю это с улыбкой.

Со временем я начала изучать каноны: прочитала Старшую и Младшую Эдду — и поняла, что история оригинального, мифологического Локи тронула меня куда глубже, чем версия Marvel. Взять хотя бы Ромео и Джульетту, чья любовь длилась всего три дня, — и это называют великой историей любви! Но разве не достойна большего признания Сигюн, которая вечность провела рядом с Локи, разделяя с ним мучения и не отходя ни на миг? Для меня это история подлинной любви — принимать человека таким, какой он есть, и не покидать его в трудную минуту. Мне всегда казалось, что этот сюжет незаслуженно обойдён вниманием, и я поняла: нужно рассказать его людям.

Вы снимаете сериал о жизни северных богов, а вы сами (или, может, кто-то из участников проекта) относите свое мировоззрение к языческому?

Юлия Болтик: Разумеется. Прежде всего, я сама отношу себя к язычеству, к направлению Реккатру. Причём пришла в это ещё до того, как начала снимать сериал. И после запуска проекта вокруг меня стало появляться всё больше людей, для которых это мировоззрение также близко. Например, актёр Василий Сильвер, исполнивший в нашем сериале роль Тьяцци, не просто язычник, а жрец Локи. Благодаря ему я узнала множество деталей скандинавской мифологии, подтекстов и смыслов, которых не встретишь в открытых источниках.

Потом вокруг меня начали происходить чудеса — в моей жизни стали появляться люди, удивительно похожие на персонажей мифов. И тогда я решила: пора действовать.

Что касается греческой и славянской мифологии... Славянская и скандинавская, на мой взгляд, — это две стороны одной монеты. В них можно найти определённые мотивы и образы, которые перекликаются между собой, хотя каждая система мифов уникальна.

А вот греческую мифологию экранизировали уже десятки раз. Есть, например, замечательная рок-опера Орфей Ольги Вайнер, которую я обожаю, но после неё я окончательно поняла: греческая мифология — не моё.

Кроме того, к проекту присоединилась генеральный продюсер Огнеслава Мечникова, и во многом именно её знания помогли глубже раскрыть характеры персонажей и мифологические аспекты. Я думала, что неплохо знаю скандинавскую мифологию, но оказалось, что существует пласт мифов, о которых почти никто не пишет в свободном доступе. Для меня это было открытием, и мы обязательно экранизируем эти истории — они редкие, яркие и несут очень глубокий смысл. Думаю, для многих зрителей это тоже станет неожиданностью и настоящим откровением.

Вместе с тем сформировался круг недовольных. Казалось бы, мы опираемся на первоисточники и отдаём им должное, но особенно остро реагируют представители направления Асатру,

у которых и без того непростые отношения с Река-тру. У некоторых наш сериал вызывает сильное раздражение: им не нравится, как я интерпретирую персонажей скандинавской мифологии. Например, многие были возмущены тем, что Один у нас предстаёт властным и довольно жестоким, почти тираничным. Но ведь именно таким в том числе он и описан в мифах. При этом не спешите расстраиваться: впереди персонаж раскроется гораздо глубже — с эмоциональной, проникновенной и человеческой стороны.

А что я могу сказать людям, которые недовольны тем, как мы интерпретируем мифы? Очень просто: можно не смотреть сериал. Я убеждена, что те изменения, которые мы вносим, делают персонажей более интересными и объёмными, но при этом сохраняют их исконную сущность.

С Как режиссёр, вы наверняка имели возможность и некоторую свободу выбирать роль для себя. Почему решили сыграть именно Сигюн?

Юлия Болтик: Изначально я вовсе не планировала исполнять эту роль и собиралась пригласить другую актрису. Моим первым выбором была Фрейя — на тот момент этот образ был мне очень близок по характеру. Я могла понять её, оправдать её поступки. Она прекрасна, знает себе цену, идёт к цели до конца и не готова унижаться. Для меня она всегда была эталоном.

Но тогда я считала, что недостойна сыграть Фрейю. В то время у меня было непростое отношение к себе и своей внешности — я видела в себе «гадкого утёнка» и боялась испортить образ самой прекрасной богини. Поэтому я сама себе отказала в этой роли.

Сигюн же в нашем сериале — полная противоположность Фрейи, и я поняла, что именно этот образ идеально мне подходит. Во-первых, у нас с ней действительно есть много общего, похожая тонкая душевная организация, которую, как мне кажется, я сумела передать на экране. Во-вторых, это персонаж, который очень глубоко раскрывает тему истинной любви. И я решила: нужно рискнуть и сыграть именно её.

В итоге Фрейю исполнила невероятная актриса Кристина Толмачева, и я очень рада, что все так получилось, так как, честно говоря, я не могу представить кого-то другого в этой роли.

С Вы как-то упоминали, что «таинственный бог зимы и судьбы Хедд — любимый мужской персонаж, после Локи, разумеется!» Расскажите, пожалуйста, почему Хедд так дорог вашему сердцу?

Юлия Болтик: Я очень благодарна за этот вопрос, потому что давно хотела на него ответить подробно. Есть несколько причин, почему Хедд так дорог моему сердцу.

Во-первых, для меня он — самый чистый, искренний и бескорыстный персонаж во всей нашей истории. Хедд помогает другим просто потому, что хочет помочь, не требуя ничего взамен. Даже когда окружающие могут его задеть или обидеть, он никогда не отвечает злом. Его слепота — это тяжёлое наследие, расплата за проступки его родителей, и жизнь поступила с ним жестоко. Но при этом Хедд сохранил доброту, человечность и способность сострадать.

Во-вторых, я добавила в его образ деталь, которая делает его ещё более особенным: в нашем проекте Хедд своего рода «алхимик», аптекарь среди богов. Он разбирается в травах и всегда готов прийти на помощь тем, кто в ней нуждается. Он словно видит людей насквозь — хотя сам слеп. Он знает о слабостях и пороках каждого персонажа, но принимает их такими, какие они есть.

Есть в сценарии сцена, которая для меня очень показательна. Хедд говорит: «Любой недуг можно вылечить, если приложить достаточно сил и старания». На это Фрейя язвительно отвечает: «Даже твой?» Ему обидно — ведь он не раз пытался себя исцелить, но знает, что это невозможно. И всё же он пропускает колкость мимо ушей и остаётся верным себе. Такие люди очень искренни и одновременно несчастны и помогают всем, кроме себя.

Наверное, Хедд стал собирательным образом всех самых прекрасных людей в моей жизни, которые помогали мне в трудные периоды совершенно бескорыстно. Именно поэтому этот персонаж для меня особенно важен. Я люблю его почти так же сильно, как Локи.

С А если говорить о «любимчиках наоборот» — давайте обсудим Бальдра. В мифах он — светлый, кроткий, почти идеальный бог, но в вашей версии он иной.

С Почему именно такой образ оказался вам ближе?

Юлия Болтик: Я ждала этого вопроса! На самом деле именно Бальдр стал для меня самым сложным персонажем в плане интерпретации. Делать героев однозначными злодеями или святыми скучно и банально. Безусловно, мы знаем, что в мифах Бальдр представлен как добрый, светлый бог, любимый всеми. Но согласитесь, этот образ слишком идеализирован, почти искусственный — «золотой мальчик, сын Одина и Фригг».

А теперь представьте: кто-то посмел бы сказать прямо Одину, что Бальдра не любят? Думаю, ничем хорошим это бы не закончилось. Бальдр — наследник трона Асгарда. Хедд, хотя тоже сын божественной пары, сам хорошо понимает, что не подходит на эту роль, и потому именно Бальдр оказывается единственным претендентом. Находясь в таком положении, он знает, что ему дозволено всё и что наказания не последует. В таких обстоятельствах невозможно оставаться «абсолютно святым».

Я хотела показать Бальдра неоднозначным, многогранным. А еще важно помнить: история в нашем сериале подаётся от лица Локи. А вы не думаете, что Локи мог немного приукрасить и выставить Бальдра «полным мерзавцем», чтобы вызвать жалость к себе и снять с себя вину? Возможно, он всё переврал, а возможно — и нет. Мы ведь не знаем, каким Бальдр был на самом деле,

поскольку упоминаний о нем, кроме собственно мифа о его смерти, практически не существует. И в этом мифе о Бальдре говорят лишь как о «светлом и добром» — но так не бывает. У каждого есть тёмная и светлая сторона. Именно это и раздражает Локи: Бальдр хочет казаться добреньким, но наверняка за спиной совершает тёмные поступки, как любое живое существо, как и любой бог в Асгарде.

А еще я решила сделать его «зеркалом» Локи. Когда Локи действует из амбиций или в корыстных целях, Бальдр в итоге поступит так же — например, история с вороном, когда Локи обвинили незаслуженно. Эта параллель нужна, чтобы и сам Локи понимал, и зритель тоже видел, что не существует «чисто добрых» или «чисто злых» персонажей. И на каждое несправедное действие со стороны Локи, будет несправедное действие со стороны других богов.

Ещё один источник вдохновения для образа Бальдра — чудовище из «Красавицы и чудовища». Я хотела показать постепенное, яркое изменение его характера к концу сериала. Кстати, в разработке образа активно участвовал актёр Максим Клевост. Он сразу сказал: «Играть просто светлого и доброго персонажа будет скучно и зрителям, и мне». Мы долго придумывали историю, мотивы, характер — и в итоге появился такой многослойный Бальдр, какого ещё не было.

Мы добавили даже отдельную сюжетную линию: Бальдр был бесконечно влюблен в Фрейю,

она стала объектом его обожания. Но именно Локи вмешался и увёл её. Во второй серии есть флешбек, где Бальдр говорит Сигюн: «Вырастешь — поймёшь». Это своего рода предсказание, намёк на будущие события.

В *Вы как-то говорили, что Фригг испытывает к Локи особую материнскую любовь, и это хорошо видно в сериале. Почему, на ваш взгляд, она относится к нему так тепло и сострадательно?*

Юлия Болтик: Ох, ребята, если я скажу это прямо, то получится главный спойлер сериала. Поэтому давайте сделаем так: я отвечу завуалированно, а вы попытаете собрать пазл из моих намёков.

Да, Фригг действительно относится к Локи с материнской любовью, и это совсем не случайно. Она видит, как он мучается, как ему тяжело находиться рядом с асами, которые во многом отличаются от него. Мы уже знаем, что Локи не совсем асгардец, он полукровка (у него отец великан), и поэтому боги относятся к нему настороженно.

Вспомните сцену в первой серии, когда Бальдр упрекает Локи в том, что тот «ничего не умеет, кроме как умные книжки читать». Эта сцена была сделана специально, чтобы показать, с какой травлей Локи сталкивался ещё в юности. Он остро чувствовал, что он чужой, подкидыш, и что в случае конфликта не сможет дать отпор — ведь у него нет таких физических сил, как у всех остальных. Именно тогда он начал осваивать магию. И Фригг, в отличие от других, никогда не осуждала его за это. Более того, напомним: она сама владеет сильнейшей магией. Возможно (а возможно, и нет), именно она подсказала Локи путь к развитию своих способностей.

Подсказок я уже оставила очень много, и внимательный зритель, думаю, их уловил. Один из наших подписчиков даже уже догадался, в чём здесь суть. Я не буду раскрывать всё прямо, но уверена: с каждой серией, наблюдая за этой связью, за химией между Фригг и Локи, зрители будут всё глубже понимать, почему она относится к нему так тепло и сострадательно.

И *Итак, Локи... Ах, этот невероятный огненноволосый Локи... Он в вашем сериале — редкий случай стопроцентного попадания в характер этого бога: иногда даже трудно поверить, что это просто актёр и просто съёмки. Как вам удалось создать такой живой образ — это результат тщательно продуманного сценария или личной харизмы актёра?*

Юлия Болтик: Я скажу так: это совокупность всех факторов вместе. Когда я утверждала Максима Раковского на роль Локи, я конечно знала, что он потрясающий

актёр, но даже представить не могла, что получится настолько яркий и каноничный образ этого бога-трикстера. Скажу больше, я уверена, что и сам Локи одобряет его.

Это история сразу начинается необычно. Изначально я видела в роли Локи совершенно другого актёра — он тоже прекрасный, но в тот момент из-за занятости не смог бы сыграть эту роль. Пришлось продолжить поиски. Кандидатов было очень много, талантливых, но у всех не хватало какой-то особой искры, чтобы я посмотрела и сказала: да, это трикстер.

С Максом я познакомилась спонтанно — на премьере моей постановки «Между небом и землёй». После личного общения я поняла: у него есть именно та самая искра. Я предложила ему попробовать, и он согласился. А уже на следующий день произошло маленькое чудо. Когда я добавила Максима в Telegram, увидела название его профиля — «Добрый Трикстер». Сказать, что я была ошарашена, — ничего не сказать! Я до сих пор считаю это знаком самого Локи.

Кстати, подобные совпадения были и с другим актёром: Владом Ясинским, который играет Йормунганда. Его я тоже нашла случайно, буквально за три дня до съёмок, когда утверждённый на эту роль актер отказался и сложилось патовая ситуация. Мы все срочно бросились искать нового актёра. И когда я написала Владу в первый раз, у него на страничке аватарка была недоступна. В тот момент я подняла глаза к небу и мысленно попросила: «Локи, милый, если это тот, кто нам нужен, дай знак...» — и через секунду аватарка Влада загружается, и я понимаю, что на ней изображена змея! И, конечно же, после того как Влад присоединился к проекту, результат превзошёл все наши ожидания. Я уверена, что у зрителей это будет второй любимый персонаж после Локи. Ну что тут скажешь, «настоящий сын своего отца».

Честно говоря, я уверена, даже не просто уверена — я точно знаю, что за такими совпадениями стоят некие силы. Даже если сами актёры в это не верят, иногда они буквально «перевоплощались» в своих героев на площадке. И это невозможно объяснить иначе, чем вмешательством чего-то потустороннего. Именно поэтому Локи в исполнении Максима кажется таким настоящим.

Разумеется, огромную роль сыграла и работа над сценарием. Я почти год перерабатывала образ

Локи, чтобы он не превратился в банального Джокера. Мне хотелось сохранить глубину: чтобы персонаж был одновременно весёлым и драматичным, чтобы он вызывал у зрителей противоречивые эмоции. И это было самое трудное. Но именно благодаря тщательной работе над сценарием, в сочетании с харизмой Максима и поддержкой «сверху», Локи получился таким живым и уникальным.

§ Если позволить себе минутку фантазии — могло ли у Локи в нашем мире сложиться всё иначе, с другим развитием событий и иным финалом?

Юлия Болтик: На мой взгляд, конечно, да. Более того, в одной из будущих серий будет намёк на то, что всё может пойти по другому пути. Но это уже спойлер, поэтому я предлагаю просто продолжать смотреть сериал и удивляться вместе с нами.

§ «Случалось ли, что погружение в роли северных богов имело неожиданные последствия для актёров — будь то во время съёмок или уже за пределами съёмочной площадки?»

Юлия Болтик: Да, бывало. Думаю, после той истории наша Ангрбода начала особенно внимательно следить за своими ногтями — ведь теперь у нее их девять вместо десяти. На одной из смен, когда мы снимали ее поединок с Тором, «нашла коса на камень». В разгар боя Даша сломала ноготь под корень, и он просто сошёл.

Дарья Бурлюкало: Такое может случиться и в быту, но здесь совпало сразу несколько факторов: мало времени на репетицию, необходимость снимать быстро, высокая эмоциональная нагрузка сцены, да ещё и парик, который зацепился за меч в момент удара...

Юлия Болтик: К сожалению, на съёмочной площадке травмы — не редкость. Но мы среагировали мгновенно, у нас было все необходимое. В одном из кадров, возможно, видно, что ноготь заклеен пластырем, но мы продолжили работу. Более того, было даже весело: в тот же день Серёжа Хиро (Тор) умудрился удариться головой о косяк и разбил её в кровь. Самое забавное, что ровно об этот же косяк, с теми же последствиями, я ударилась на предыдущей смене.

Поэтому, когда Серёжа повторил мою «ошибку», я поняла: этот косяк какой-то «проклятый» (смеется). Но нас, разумеется, это не остановило.

В мире есть много профессий, представители которых достаточно суеверные люди. А актеры — из их числа? Были ли какие-то необъяснимые или неожиданные события на съемочной площадке, особенно когда события разворачиваются не где-нибудь, а в чертогах северных богов?

Юлия Болтик: Актёры — народ суеверный. Конечно, не абсолютно все без исключения, но большинство всё же склонны верить в приметы и знаки. Я и сама к этому отношусь серьёзно, потому что знаю: во время работы мы не раз сталкивались с чем-то, что можно назвать контактами с потусторонним, а порой — и с самими богами.

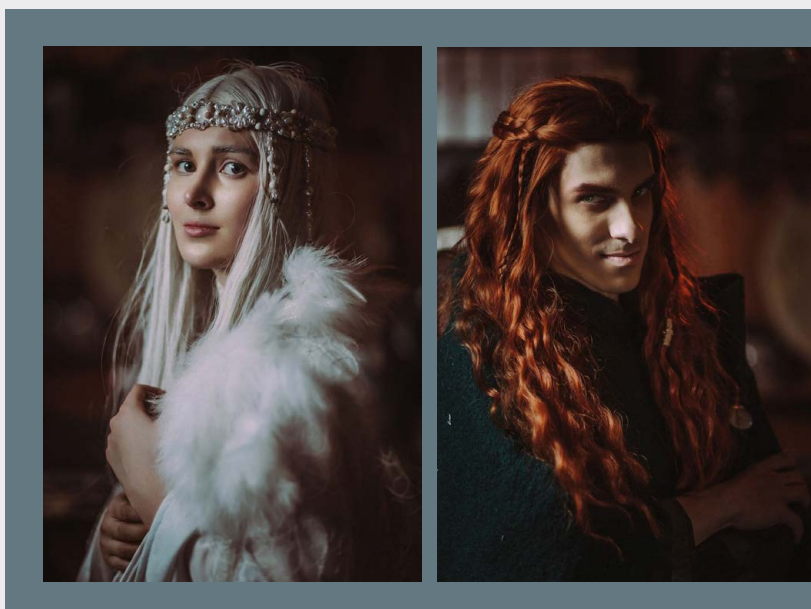
Когда мы начинаем снимать сцены в чертогах богов, я ощущаю, что сами боги будто направляют нас в нужное русло. Мы перестаём просто «играть» — мы проживаем свои роли. Как очень точно выразился Василий Сильвер (Тьяцци), актёры по время съемок становились буквально аватарами своих персонажей. Это, конечно, тяжело, потому что «проживание» в актёрской профессии обычно считается опасным и изматывающим. Но в нашем случае это оказалось полезным опытом — мы открыли в себе совершенно новые стороны.

Например, Влад Ясинский попробовал себя в актёрском амплу, которого у него раньше не было. Я тоже неожиданно вышла за пределы привычных ролей: до этого я играла уверенных в себе и стержневых героинь. А здесь появилась Сигюн — скромная, невинная и покорная, но в то же время полная мужества, преданности и любви. И я до сих пор уверена, что перевоплотиться в неё мне помогла сама богиня. Перед съёмками я много медитировала, просила у неё помощи. Это были трудные медитации: её энергия оказалась гораздо сложнее, чем я ожидала, не такой, какой вы увидите Сигюн в первых трех эпизодах. Но именно помощь богини позволила сделать её образ на экране глубоким и живым.

А если говорить о необычных случаях, то они у нас, разумеется, были и не один раз. Но одно из самых необычных событий случилось вовсе не во время самой смены, а ещё на этапе

подготовки. В один из дней мы отправились в парк искать место для сцены с норнами. Мы долго бродили и никак не могли найти подходящую локацию. И в какой-то момент наткнулись на очень старый куст — без единого зелёного листа, весь в сухих ветвях и острых колючках. Мы решили рассмотреть его поближе, чтобы понять, можно ли его обыграть в кадре. И тут произошло то, что заставило нас всех буквально остолбенеть: прямо на шипах висели три красные нити.

А ведь в скандинавской мифологии норн три, и красные нити — их символ. В тот момент мы поняли, что это был знак сверху: именно здесь

должны сидеть наши норны и прясть судьбу. Так и вышло.

Мы сняли сцену именно там, добавили лёгкий туман с помощью дымовых шашек, и в кадре всё выглядело невероятно — красиво, эпично и таинственно. А те самые нити мы бережно сохранили: каждая из трёх актрис, играющих норн, до сих пор носит по одной.

Или, например, во время съёмок в юрте, в сцене между Локи и Тьяцци, нам был нужен реквизит — специальные игральные кубики. И в самый ответственный момент они просто исчезли. Где я их только не искала, побежала проверять в машину. Вокруг темнота, холод, до конца смены оставалось всего тридцать минут, а без кубиков мы не могли продолжать: на них строилась вся сюжетная ветка.

В машине их тоже не оказалось. И когда я уже отчаялась, туда запрыгнул рыжий кот. Возможно, местный, но совпадение было слишком странным. Он уселся на пакет и просто посмотрел на меня. «Что ты здесь делаешь? — спросила я у кота. — У меня нет еды, иди домой, я занята». Кот обиженно вышел, и тут меня осенило: а вдруг это сам Локи пришёл в облике кота, чтобы помочь, а я его прогнала?

Я выскочила за ним, извинилась — но он даже не обернулся. И буквально через двадцать секунд я нашла кубики — ровно там, где сидело животное (хотя я абсолютно точно проверяла это место раньше).

непригодной для жуткого мороза — без стелек и утепления. Максим Раковский (Локи) спасался тем, что вставал на кусок картона, чтобы хоть как-то сохранить тепло.

Хотя Локи еще повезло. А вот актриса Диана Ишт, сыгравшая Скади, даже не могла накинуть на себя куртку в перерывах — это было технически невозможно, так как она была в доспехах. Чтобы хоть как-то согреть Диану, мы укутывали ее меховыми пледами, и в итоге она ходила за кадром как сказочная Алёнушка.

Мы использовали любую возможность, чтобы согреть ребят, но время было ограничено, а работали мы «вживую», без дублей на тёплых площад-

В предисловии к серии «Незванный гость», съёмки которой проходили в зимнем лесу, вы обещали рассказать, с какими трудностями столкнулись актёры при перевоплощении в своих героев в суровых погодных условиях и на что пошла съёмочная группа ради эстетики кадра. Мы тоже очень-очень хотим услышать эти истории.

Юлия Болтик: Трудностей было много, возможно еще и потому, что это была наша первая экспедиция и подобного опыта у нас не было. Однако благодаря сплочённости команды мы с честью выдержали все испытания.

И первым испытанием для нас стал леденящий холод. Даже несмотря на то, что под костюмами у актеров было термобельё, это их не очень спасало. Бутафорская обувь оказалась совершенно

каж. В какой-то момент Максим Раковский настолько замёрз, что от отчаяния полез на дерево — это стало локальным мемом команды, а позже нашло свое отражение в шестой серии, где Локи тоже оказывается на дереве.

Дарья Бурлюкало: А еще прошу передать всем читателям, что она заставляла меня ходить босиком по ледяному полу на съемках в подполье (смеется).

Юлия Болтик: Помимо холода, были сложности и при работе в кадре с животными. Например, в одной из сцен мы работали с хаски, который по сюжету должен был напасть на Ангрбоду. Но пёс был очень добрый и абсолютно не понимал, что от него требуется. За кадром мы с Дашей ласково подзывали его: «Норд, Норд, ко мне», — а уже через секунду Даша перевоплощалась в Ангрбоду

и кричала на собаку: «Не смей огрызаться!» Видимо, Норд решил, что у нас раздвоение личности: только что его звали добрыми голосами, а теперь внезапно ругают.

Особенно запомнился эпизод у реки: по сюжету Ангрбода должна была направить руку на пса, и в этот момент хаски дёрнулся так резко, что Даша едва не упала в воду. К счастью, всё обошлось, но запомнилось надолго.

И подобных ситуаций было немало, недаром говорят, что съёмки на природе проходят именно в те моменты, когда либо очень холодно, либо очень жарко, другого не дано. Но именно все трудности сделали эту экспедицию особенной и незабываемой и еще больше сплотили команду.

Вы говорили, что проект стал для вас детищем, а участники — семьей. Сложно ли сначала «и хлеба краюшку — и ту пополам» (с), а в следующий миг требовать от друзей сделать дубль и еще один, и еще, и еще?

Юлия Болтик: Да, очень сложно. Особенно когда снимаешь уже глубоко за полночь. Однажды, на ночной смене я заметила, что Даша еле держится на ногах, но продолжает играть. Она ничего не говорила, просто посмотрела на меня таким взглядом между дублями, что я поняла — лучше остановиться и довольствоваться тем, что есть.

А бывало и так, что мы начинали снимать постельную сцену в шесть утра, после двадцати-часовой смены. И ты понимаешь, что по-человечески надо всех отпустить, но деваться некуда, и нужно продолжать.

Дарья Бурлюкало: Да, в такие моменты сил уже не остаётся ни на что, особенно на постельную сцену, разве что только на ту, где я просто сплю.

Юлия Болтик: Кстати, однажды у нас так и получилось: вдруг стало ясно, что Даша уснула прямо во время съёмки, где она должна была изображать сон. Неожиданно мы услышали её тихое посапывание и вдруг осознали, что она и вправду... спит. Мы решили её не будить и продолжили работать с другими актёрами, чтобы дать ей отдохнуть хотя бы полчаса.

Конечно, совмещать дружбу и работу непросто. Но это профессиональный навык, которому обязательно должен научиться любой режиссёр, и надеюсь, что у меня это получилось.

Вы вообще строгий режиссер?

Юлия Болтик: Даша, я строгий режиссер?

Дарья Бурлюкало: Не то слово. Можно даже сказать — самодур (смеются).

Юлия Болтик: Вот видите, какого еще режиссера посмеют назвать самодуром в лицо (смеются).

Это все, разумеется, шутки, и никакой я не строгий режиссер. Ведь изначально наш проект зародился как чисто добровольный — мы все работали «за идею».

Дарья Бурлюкало: А теперь работаем за еду.

Юлия Болтик: Да, прогресс налицо, теперь работаем за еду. И это тоже стало особым ритуалом. Помню, как однажды мы приехали на площадку с колбасой и бутербродами, и Даша ворчала: «Почему раньше не сказала? Я бы купила свиную рульку!» С того дня мы поняли: в кадре обязательно должно быть много вкусной еды. И, начиная с восьмой серии, это стало негласным правилом. На съёмках у нас действительно появлялись и жареный поросёнок, и осетр, и другие деликатесы, которые потом все вместе дружно и доедали.

Возвращаясь к вопросу о том, какой я режиссёр. Конечно, когда нужно собраться и сделать — приходится проявлять твердость. Но в остальное время я стараюсь поддерживать лёгкую атмосферу, где всегда есть место смеху, шуткам и просто хорошему настроению. Чтобы каждый приходил на площадку не только работать, но и с радостью проводить время вместе.

Насколько трудно быть одновременно и режиссером, и актрисой? Можно ли сохранять объективный подход и к съёмкам, и к своей игре в таком случае? Какая из этих ролей — по эту или по ту сторону камеры — вам была больше по душе?

Юлия Болтик: Я не могу сказать, что какая-то из ролей ближе. Я одинаково люблю и режиссуру, и актёрскую игру. Сигюн для меня стала буквально путеводной звездой: её характер, её посылы — это воплощение самой светлой, доброй и искренней части моей души. Всё лучшее, что есть во мне, я стараюсь воплотить через неё. И вместе с ней я расту как личность.

Но и режиссуру я люблю не меньше. Эта роль для меня сродни материнству. Я не раз говорила, что проект для меня как ребёнок: долгожданный,

выстраданный, которого я вырастила и продолжаю совершенствовать, чтобы он стал самостоятельной «личностью».

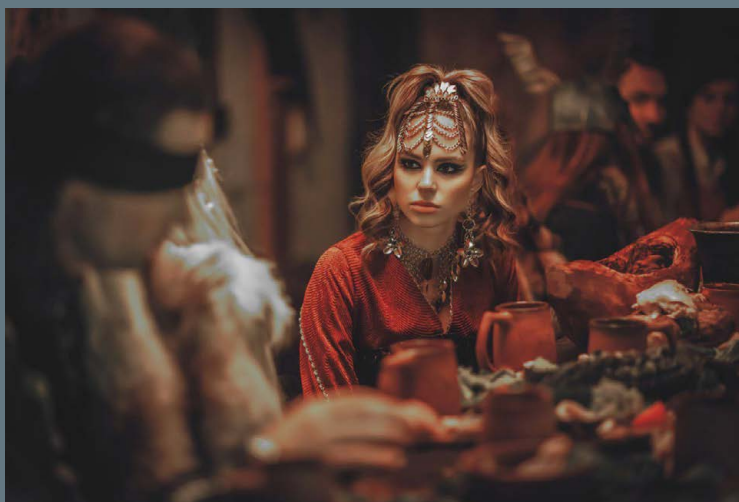
Конечно, совмещать обе роли непросто. В начале, когда я впервые оказалась и в кадре, и за кадром, мне казалось, что я разорвусь на две части. Но сейчас в нашей команде есть генеральный продюсер Огнеслава, которая помогает делегировать обязанности. Это огромная поддержка, благодаря которой мне стало значительно легче.

Можно ли сохранить объективность к своей игре? Да, можно, просто это требует особой подготовки. Я всегда разбираю роль заранее, учу текст за много месяцев, репетирую до съёмки.

когда каждая сцена требует серьёзных вложений времени, сил и средств?

Юлия Болтик: Это, конечно, большая тема. И, пожалуй, самое сложное, что сегодня стоит перед нашей командой. Чтобы вы понимали масштаб: одна съёмочная смена — это всего лишь одна сцена. При том что серия длится в среднем 25 минут, а каждая сцена занимает от четырёх до шести минут. Представьте, сколько сил, времени и ресурсов уходит на каждую из них.

Помимо съёмки, огромное количество времени забирает монтаж. Накладываются неудачные дубли, технические моменты, сокращения экранного времени. Всё это требует колоссальных физических и эмоциональных затрат. Но самое труд-

Это позволяет мне на площадке не отвлекаться на себя, а помогать коллегам, давать рекомендации между дублями. Кроме того, в будущей сложной сцене Огнеслава станет моим вторым режиссёром в кадре и будет помогать вести процесс. Я уверена, что с расширением нашей команды делегирование станет ещё более выстроенным, и это откроет новые возможности и для актёров, и для всей съёмочной группы.

Снимать сериал — задача не только творческая, но и крайне затратная. В вашем случае качество каждой новой серии заметно растёт, а вместе с ним увеличивается масштаб работы. Насколько сложно реализовывать такой проект практически «своими руками»,

ное — это, конечно, финансовая составляющая. У нас нет спонсоров, мы делаем проект практически своими руками. Каждую новую серию мы стараемся делать ещё ярче, мощнее, качественнее, чем предыдущую, чтобы поддерживать интерес зрителей. И именно зрительская поддержка, донаты — то, что мы называем «золотыми» — буквально спасает проект и позволяет ему жить.

Сейчас производство одной серии обходится минимум в полмиллиона. И это при условии среднего уровня качества. Но мы не хотим останавливаться, поэтому стараемся расти, совершенствоваться, делать лучше. Поддержка подписчиков в этом играет огромную роль. Она напрямую влияет не только на то, когда выйдет серия, но и на то, какой она будет — насколько глубокой, красивой и масштабной.

С Если бы вам завтра позвонили из Голливуда и предложили снять полнометражный фильм про Локи с неограниченным бюджетом, полной творческой свободой и доступом к любой съёмочной группе и актёрам мира — каким бы он был?

Юлия Болтик: Первое, что бы я сделала, — позвонила своей команде и сказала: «Ребята, срочно учите английский язык!» Потому что я настолько сильно полюбила свой каст, своего Локи и всех героев, что не готова предать и заменить их на других, даже если речь шла бы о любых деньгах. Макс Раковский (Локи), Даша Бурлюкова (Ангрбода), Кристина Толмачева (Фрейя) и остальные актёры поверили в меня тогда, когда у меня не было ничего. Они доверились моей мечте, они продолжают верить в меня сейчас, и поэтому для меня они — незаменимы.

Разумеется, если бы появилась возможность пригласить кого-то из мировых звёзд, я бы это сделала не вместо, а вместе. Я всегда обожала Джонни Деппа, и мне кажется, он мог бы потрясающе вписаться в наш скандинавский мир. Анджелина Джоли, Бенедикт Камбербэтч, Аня Тейлор-Джой, Тимоти Шаламе — каждый из них мог бы добавить особую энергетику. Или, например, Ева Грин, я считаю, она идеально подошла бы на роль матери Ангрбоды — мрачная, мистическая, одновременно притягательная и пугающая великанша. Её энергия была бы потрясающим дополнением к нашему касту.

Но если говорить о моих личных мечтах, то я очень хотела бы однажды поработать с Евгением Шварцем и Иваном Ожогиним. Эти артисты мюзиклов обладают невероятной харизмой и голосом, и я уверена, что на экране они смогли бы раскрыться в совершенно новом свете.

Так что Голливуд или нет, но мой фильм про Локи в первую очередь был бы фильмом моей команды. А мировые звёзды стали бы дополнением, украшением, но никогда не заменой тем людям, которые поверили в этот проект с самого начала.

С На площадке вашего сериала появлялись самые разные животные, и особое впечатление на нас произвёл ворон — мы даже не сразу поверили своим глазам, что он настоящий. Расскажите, как удалось «пригласить»

его в проект и легко ли работать с такими необычными актёрами?

Юлия Болтик: Я не скажу, что работать с животными намного сложнее, чем с актёрами-людьми. У животных хотя бы нет привычки хихикать без повода — они просто каркают или воют, а иногда, правда, могут улететь из кадра в самый неподходящий момент. Всё это приходится контролировать.

На данный момент в кадре у нас были ворон, пес и даже олень. Олень, к слову, оказался самым спокойным артистом: ему было совершенно всё равно, снимают его или нет. А вот больше всего хлопот доставил ворон Кар. Птица оказалась умной, со своими планами, и категорически не хотела сидеть на руке у Святослава Беседина (актера, сыгравшего Одина) — постоянно взлетала. В какой-то момент он вообще устроил полёт по павильону, сел рядом с Дашей Бурлюковой и усталвился на неё так пристально, что вся площадка затаила дыхание. В итоге именно Даша больше всех и общалась с животными на съёмках — похоже, у неё особый дар находить общий язык с пернатыми и хвостатыми актёрами.

С На данный момент снято всего пять серий. Какие у проекта планы на будущее? Сколько сезонов или серий вы планируете? Когда ждать следующую серию? На какой платформе лучше всего смотреть сериал.

Юлия Болтик: Ой, хороший вопрос! На самом деле это тот самый момент, когда даже я как создатель не могу дать точный ответ. Всё очень сильно меняется по ходу работы. Мы изначально задумывали одну концовку, но потом сценарий начал жить своей жизнью — я переписала судьбы многих героев, изменила их характеры и финалы. Всё это повлияло и на хронометраж, и на количество серий.

Ориентировочно мы планируем около 30 серий, но у меня есть ощущение, что их будет гораздо больше. Пока что мы не делим проект на сезоны, но исключать такую возможность я не буду — возможно, когда-то мы действительно разобьём сериал на сезоны, чтобы было удобнее зрителям.

Что касается ближайших планов, новая серия выйдет в конце сентября — начале октября. Сначала мы сделаем небольшой закрытый показ,

презентацию вместе с командой актёров, а затем начнет делиться эпизодом со зрителями.

Где лучше смотреть сериал? На данный момент — во «ВКонтакте». Там выложены серии со второй по пятую (первую пока не удалось загрузить по техническим причинам). На YouTube тоже можно смотреть, но, честно говоря, просмотр там пока очень мало, что немного обидно. Порой короткие ролики в пять секунд набирают миллионы просмотров, а проект, который мы создаём по полгода, — всего лишь по пять сотен. Поэтому любая поддержка, лайки, комментарии и репосты — это огромная помощь для нас и мотивация двигаться дальше.

И традиционный последний вопрос: что бы вы хотели сказать, посоветовать или пожелать читателям «Северного Ветра»?

Юлия Болтик: Прежде всего, я хочу поблагодарить за приглашение на это интервью. Для меня это очень важно и ценно — видеть интерес к нашему проекту, чувствовать, что он находит отклик у зрителей и читателей.

Я бы хотела посоветовать читателям «Северного Ветра» обращаться к первоисточникам скандинавской мифологии — к Старшей и Младшей Эдде, а также к современным исследованиям, которые помогают глубже раскрыть эту тему. Как бы местами странно или сурово ни выглядели скандинавские мифы, они несут в себе огромный глубинный смысл. В каждом боге есть и добро,

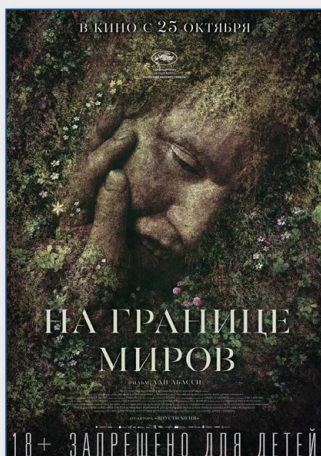
и зло, и мы видим, как эти силы борются внутри героев. Наблюдая за ними, мы можем извлекать для себя уроки и сопоставлять собственный опыт с их историями.

Для меня лично таким героем стал Локи. В тяжёлый момент он буквально вытащил меня из состояния, когда я не понимала, зачем жить дальше. Этот персонаж показал мне, что даже тогда, когда мир отворачивается от тебя, всё равно остаются люди, которые будут принимать и любить тебя таким, какой ты есть. И это, наверное, главное, что я хотела бы передать: даже в самых тёмных ситуациях всегда есть свет и опора.

И, конечно, я хочу пожелать вашим читателям — да и всем людям в целом — мира, гармонии и как можно меньше ненависти. Ненависть очень легко разжечь, а мир создать — невероятно трудно. Только когда наступит мир — среди близких, среди друзей, среди родных; когда брат простит брата, когда друг простит друга, и когда прекратится постоянная ненависть и негатив — только тогда во всём мире воцарятся гармония, свет и любовь. Я желаю это каждому из вас.

Спасибо большое!

Юлия и Дарья, спасибо за такую интересную беседу. Искренне желаем Удачи и благословения богов сериалу «Локи» и будем с огромным интересом следить за историей этого великолепного проекта!

Виталий ГРИШИН

На границе миров Gräns, 2018

*«Я не хочу причинять вред. Это значит — быть человеком?»
(Тина)*

Приветствую читателей «Северного ветра» в юбилейном номере, в котором я расскажу вам о необычной сказке для взрослых.

«На границе миров» — это артхаусная экранизация рассказа шведского автора хорроров Юна Линдквиста «Граница». Режиссёром и сценаристом выступил Али Аббаси, забравший пальмовую ветвь в Каннах.

Кто-то из вас может не согласиться с тем, что я назвал этот фильм артхаусом (номинация на Оскар и кинопрокат не то чтобы свойственны данному жанру), но особая атмосфера и специфическая «тягучесть» кинокартины, свойственные артхаусу, здесь в наличии.

Открывает фильм молчаливая сцена с главной героиней по имени Тина (Ева Меландер), в которой она бережно берет в руку жука, сидящего в траве, а затем, рассмотрев его, так же бережно пускает на травинку. На заднем фоне зритель

видит пришвартованную морскую баржу. Лично у меня эта сцена вызвала ощущение столкновения природного и созданного человеком. И именно с этим конфликтом Тине предстоит решать вопрос на протяжении фильма.

Трясущаяся «ручная» камера вызывает раздражение, переживание которого морально готовит зрителя к просмотру кинокартины. Сюжет фильма построен на сплетении сразу двух линий: поиски себя Тиной и детективный сюжет. Обе сюжетные линии ближе к финалу сливаются во внезапно красивую и удивительную мифологизированную историю.

Тина — внешне максимально непривлекательная женщина, работающая таможенником в шведском порту, скорее всего, пограничном с Данией, т.к. работа главной героини заключается в досмотре личных вещей прибывающих в порт людей.

И в этом деле Тине нет равных. У нее прекрасный нюх (в буквальном значении слова), и, как позже признается сама Тина, она обладает врожденной способностью чувствовать эмоции людей.

Далее зритель знакомится с бытом главной героини. В свободное от работы время Тина

любит гулять по лесу босиком и купаться нагишом в ближайшей реке с живописным водопадом, она часто посещает отца в доме престарелых.

В один из рабочих дней главная героиня знакомится с Вуре (финский актёр Ээро Милонофф), мужчиной, внешне очень похожим на саму Тину. Вуре кажется Тине подозрительным, но ничего противозаконного таможенники у него не находят, несмотря на заверения Тины.

В дальнейшем между Вуре и Тиной завязываются романтические отношения, в процессе которых Тина узнает о том, что она — представительница исчезающего вида мифических троллей. Вуре уверен, что где-то на территории Финляндии до сих пор живёт группа «диких» троллей, о встрече с которыми он мечтает.

Раскрытие тайны собственного происхождения ломает невзрачную жизнь Тины. Детективная линия фильма пытается сломать саму Тину, но

героиня справляется и с этим испытанием, окончательно решая для себя вопрос, кто же она все-таки: тролль или человек (враг троллей).

В скандинавских мифах природа, характер и отношение троллей человеку различаются

в зависимости от страны, правда, в мифах враждебность проявляли чаще тролли, чем люди. В фильме нам показана несколько видоизмененная шведская версия троллей, отличительной особенностью которых была подмена человеческих тёте на своих детенышей.

Детективная часть истории связана с созданием и распространением запрещенного контента. Что скрывается под термином «запрещенный контент», я предлагаю вам выяснить самостоятельно, ибо лично для меня эта тема крайне неприятна (привет, рейтинг «строго 18+»), но намёк я вам сделал.

И в финальной части обзора на фильм хочу вкинуть очередную ноту дипломатического возмущения в адрес отечественных локализаторов. Да, название «На границе миров» и описание фильма «про женщину-сканер» (серьёзно, на «Кинопоиске» прямо так и написано) с большей долей вероятности соберут просмотры и кассу, по сравнению с фильмом «Граница» про таможенницу-тролля.

Этот фильм не про границы государств, не про линию сопряжения Мидгарда с другими мирами и не про рубеж между красотой природы Земли и нарочитым безобразием антропогенного. Этот фильм про границы человечности и морали. Приближение к этой границе всегда неприятно, а тема её пересечения — это классическая тема художественных произведений.

При вдумчивом просмотре эта художественная история не оставит вас равнодушным. У меня она вызвала скорее негативное послевкусие. Тем не менее фильм определённо красив и был заслуженно номинирован на «Оскар» за грим.

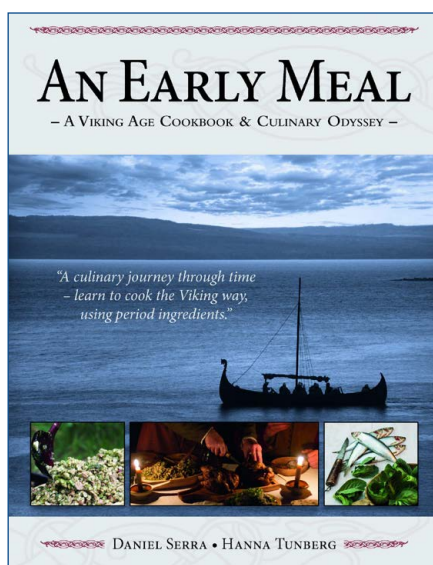
К справедливости же цитат кинокритиков с уже упомянутого «Кинопоиска» после просмотра фильма у меня возникли вопросы. На мой взгляд, похвала в адрес фильма связана не с художественной ценностью, а с неприятными для меня потайными слоями истории, вероятнее всего, актуальными где-то там за реальными границами: гендерная принадлежность, геноцид и вопросы миграции.

В завершении статьи я хочу поздравить коллег с юбилеем журнала и пожелать всем и каждому оставаться Человеком и никогда не переходить границу.

Кулинарное путешествие в прошлое: поваренная книга викингов

Даниел СЕРРА, Ханна ТУНБЕРГ.
Перевод:
Дмитрий ДАММЕР

Продолжение.
Начало — «Северный ветер»,
30–49 номера.

Хедебю

Он говорил, что, отчалив из Каупанга, плывал пять дней до торгового города под названием Хедебю, который располагается среди земель вендов, саксов и англов, а принадлежит данам.

Свидетельство Отере.

Проплывая мимо множества датских островов, вы рано или поздно достигнете места, где Ютландия соединяется с континентом. Один из фьордов врезается здесь в основание Ютландии, почти отсекая ее от континента. Медленно гребя дальше вдоль заросших тростником берегов фьорда, вы неизбежно обратите внимание на то, насколько эти места отличаются от привычного норвежского пейзажа. Там, всего неделю назад, вас окружала суровая гористая местность, здесь вы видите низины, усеянные небольшими рощицами и покрытые болотами. В самом конце фьорда

вы замечаете очертания укрепленного поселения — это Хедебю, самый южный из датских торговых городов и обязательная остановка на пути большинства торговцев, которые отправлялись из Скандинавии на континент или возвращались обратно.

Надежно пришвартовав судно, вы можете довольно быстро дойти до главной рыночной площади. Там царит суета, кругом множество

торговцев и ремесленников. Если вы достаточно обеспечены, тут можно купить подходящего раба, соль, а также разные вещи с континента. Несмотря на то, что официально это место находилось под властью датского короля, говорили здесь больше на славянских языках, чем на датском; впрочем, как и в большинстве других торговых городов, основным языком общения служил язык обмена.

Отправляясь на континент, многие предпочитали волочить корабль по земле вдоль тянущейся на западе массивной стены Даневирке до тех пор, пока по другую сторону не показывалось море. Невзирая на трудоемкость этого процесса, он был более безопасным и более быстрым способом путешествовать, чем плавание вокруг северной оконечности Ютландии. Кроме того, всегда можно было найти фермера, который был не против немного заработать и запрягал своих быков, чтобы они тянули судно.

Согласно франкским хроникам Хедебю был основан в начале IX века, когда датский король Гудфред разорил конкурента Хедебю в славянских землях, город Рерик, переселив из него ремесленников и торговцев в Хедебю. Став своего рода воротами на континент, Хедебю вскоре

превратился в шумный торговый город, куда стекались купцы со всех уголков мира.

Одним из таких торговцев был арабский купец и дипломат Ибрахим ибн Йакуб аль Исра'или аль Тартуши. Судя по всему, Хедебю его не слишком впечатлил, и по возвращении домой он описал его как «весьма грязное, диковинное и в целом непривычное место». Однако в то время почти все города Европы показались бы убогими по сравнению с родной для аль Тартуши Кордовой.

Впрочем, невзирая на скорее негативное впечатление, которое Хедебю произвел на аль Тартуши, местному торговцу он в любом случае казался средоточием благ всего мира. В «Деяниях данов» Саксона Грамматика Хедебю описан как важный и достаточно независимый город. Располагаясь вблизи всех торговых путей Северной Европы, для всякого, кто контролировал его, Хедебю становился залогом политического и экономического влияния. О ключевой роли этого места свидетельствует не только обилие археологических находок, но и наличие в Хедебю защитных стен и деревянных пристаней. Стены, по замыслу строителей, должны были соединяться с уже упомянутым Даневирке — защитным валом, окаймлявшим основание Ютландского полуострова.

Пища и продукты

Хотя аль Тартуши пишет, что жители Хедебю питались в основном рыбой, археологические данные сообщают нам о более сложном рационе. В том, что касается кулинарных практик, Хедебю из-за своего расположения находился под сильным влиянием континента. Интересно, что Саксон Грамматик, описывая быт первых датских королей, характеризует кухню двора как достаточно утонченную. Благодаря обилию пролежавших рядом с городом торговых путей и зависимости от него окружающих земель жители Хедебю не испытывали недостатка в разнообразных овощах и даже экзотических фруктах и травах. Что касается мяса, то здесь преобладала свинина и мясо крупного рогатого скота, хотя встречались следы употребления в пищу и диких животных.

В целом пищевые злаки не слишком отличались от характерных для остальной Скандинавии: больше всего было ячменя и ржи, — за

исключением значительного объема пшена. Это говорит о влиянии соседних славянских земель, где пшено было основным злаком в период Средних веков.

Если говорить о фруктах и ягодах, то чаще всего ученые находят терн, сливу, малину и ежевику, а также вишню, чернику и дикие яблоки. Занимавшийся археоботаническим анализом находок в Хедебю Карл-Эрнст Бере пришел к выводу, что терн и сливу могли выращивать рядом с Хедебю. Вероятно, в округе также рос лесной орех. Несмотря на то, что он был частью рациона жителей Южной Скандинавии, начиная с эпохи мезолита, едва ли какое-то другое из мест археологических раскопок может похвастаться таким обилием лесных орехов, как Хедебю. Исходя только из археологических данных, мы не можем судить о том, как именно этот орех употребляли в пищу, и уверенно можно сказать лишь, что его было не принято обжаривать.

Помимо орехов здесь широко представлены кормовые или конские бобы.

Мы также встречаем следы более экзотических культур вроде винограда, персиков и грецкого ореха. Другим достаточно необычным и, скорее всего, ввезенным продуктом был хмель, который в то время не считали обязательным ингредиентом при варке пива. Хотя в современной Скандинавии грецкие орехи и хмель можно выращивать без особого труда, исследователи предполагают, что в древности их чаще завозили, чем выращивали самостоятельно.

Среди останков животных преобладают свиньи, причем в пропорции 2:1 ко второй по значимости группе — крупному рогатому скоту. Баранина и козлятина встречаются гораздо реже и составляют лишь 10%. Подобное соотношение может показаться странным, однако, вероятно, оно объясняется тем, что в окружающих Хедебю заболоченных землях было слишком мало пастбищ для скота. Несмотря на то, что разведение свиней в основном ассоциируется с лесистой местностью, преобладание свинины в рационе жителей Хедебю, скорее всего, связано с культурными предпочтениями или урбанизированными условиями региона. Аналогичное преобладание свинины над одомашненными животными характерно для ранних англосаксонских поселений в Англии. Принято считать, что англосаксы происходят из областей Южной Ютландии и Северной Фризии, которые более-менее совпадают с географическим расположением Хедебю.

Хотя останки диких животных крайне немногочисленны, местные жители, судя по всему, активно охотились на морских птиц (в частности, хохлатую чернеть и обыкновенную гагу). Однако

На первый взгляд свинья кажется гораздо менее полезной, чем другие одомашненные животные, поскольку мы не получаем от нее ни молока, ни тягловой силы и держим ее только из-за мяса, каким бы вкусным оно ни было. Однако на большой ферме или в городского типа поселении свиньи играют важную роль как звено в цепочке избавления от отходов. Поскольку свинья абсолютно всеядна, она способна питаться не только нашей с вами пищей, но и человеческими фекалиями. Во многих традиционных обществах уборные часто помещали рядом со свиноматкой, тем самым решая проблему отходов. Число живших в первых городах свиней со временем только росло, поскольку в характерных для ранних городов стесненных условиях использование свиней было эффективной стратегией сокращения объема кухонных, биологических и даже производственных отходов.

одомашненная птица в любом случае составляет не менее 80% из найденных останков птиц. Большинство их принадлежит обычной курице и, в меньшей степени, гусям.

Впрочем, в точке зрения аль Тартуши относительно жителей Хедебю, которые питались почти исключительно рыбой, доля истины все-таки есть. При том, что останков рыбы находят не так много, как костей свиней или крупного рогатого скота, важно напомнить, что рыбы кости гораздо более хрупкие, для их обнаружения землю, как правило, приходится просеивать, и в целом они значительно более подвержены любому воздействию. Чаще всего среди археологических находок встречается сельдь, скорее всего, выловленная в ближайшем море, а также щука либо окунь из местных озер и рек.

Продолжение следует...

Оттар ГВЮДМЮНДССОН
Перевод с исландского
и комментарии О.МАРКЕЛОВА

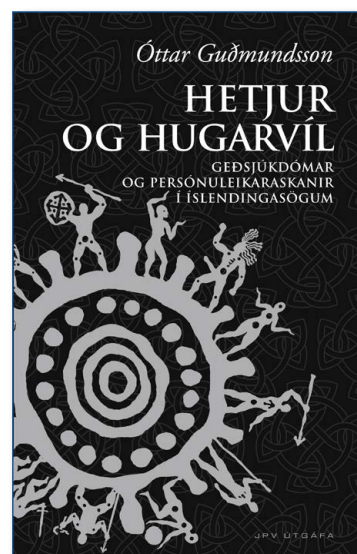
Герои и помутнение рассудка

КНИГА Оттара Гвюдмюндссона «Герои и помутнение рассудка» («Hetjur og hugarvíl», 2012) — научно-популярная работа на стыке литературоведения и психиатрии. По всей видимости, эта книга не имеет аналогов. Её автор — крупный исландский психиатр, в своих трудах уделяющий много места психологическим аспектам литературных текстов, в частности, написанных в минувшие века. В рассматриваемой книге герои древнеисландских родовых саг анализируются с точки зрения психиатрии и психологии.

В современной Исландии «Сага о сожжённом Няэле», «Сага о Гисли», «Сага об Эгиле» и др. знакомы большинству хотя бы на уровне сюжета, персонажей и крылатых цитат. Родовые саги изучаются в этой стране в системе образования, пересказываются для детей, на их основе пишутся исторические романы, снимаются кинофильмы. Среди читателей наших стран с древнеисландскими родовыми сагами, как правило, знакомы восторженные любители древнесеверной романтики — или высоколобые «академики» — историки и филологи. Однако, наверно, все знатоки древнескандинавской литературы согласятся: современные читатели ценят саги не в последнюю очередь потому, что в них идёт речь о судьбах и характерах конкретных людей. Как раз это «человеческое измерение саги» и представлено в книге Оттара Гвюдмюндссона.

За сагами издавна закрепились слава текстов, крайне скупых на описание чувств и душевных движений. (Нельзя сказать, что они там совсем игнорируются, однако они не лежат там на поверхности и часто понятны только по косвенным проявлениям). Задача психолога и психиатра в данном случае — вытащить эти чувства (а также комплексы, травмы, мечты и тайные страхи) персонажей на поверхность и показать современным читателям: в сагах они есть — и они сильны и глубоко.

В книге рассматриваются основные персонажи следующих саг: «Сага о Няэле», «Сага об Эгиле», «Сага о названных братьях», «Сага о Гисли», «Сага о Греттире». «Сага о Хёрде и островитянах», «Сага о Хаварде с Западных фьордов», «Прядь о Хрейдаре Глупом», «Сага о людях из Лососьей долины». Отдельный раздел озаглавлен «Саги о скальдах», и там рассматриваются «Сага о Халльфреде Трудном скальде», «Сага о Кормаке», «Сага о Бьёрне богатыре с Хит-реки», «Сага о Гуннлауге Змеином языке». Другими словами, в сферу внимания автора попадают как всемирно известные персонажи и тексты, так и знакомые только специалистам, как герои, владеющие поэтическим искусством, так и незнакомые с ним... Но все они в конечном итоге оказываются равны перед судьбой — и перед психиатром. Несмотря на всю серьёзность (а местами даже трагичность) тематики, её изложение занимательно. Основная форма подачи материала — «интервью» с персонажами, составленные на основе текста соответствующих саг. В этих «интервью» персонажу предоставляется отвечать на вопросы о себе и о других героях той же саги. В итоге на страницах книги предстаёт их характер,

предпосылки его формирования, если они известны (например, если в саге упоминается детство персонажа), мнение о них других персонажей той же саги...

На основе полученной информации Оттар Гвюдмюндссон ставит персонажам диагнозы. К героям, столетиями приводившим в восхищение любителей исландской старины в стране и за рубежом, оказываются вполне приложимы характеристики «депрессия», «травматический невроз», «шизоидное расстройство», «синдром дефицита внимания», «пограничное расстройство». (Говоря о терминах, надо заметить, что специальная психологическая и психиатрическая терминология присутствует в книге на уровне, доступном для неспециалистов, а в конце есть словарь). Однако все эти диагнозы — не ярлыки и не стигматы, и автор не преследует цели унижить саговых героев. Напротив, когда эти герои попадают в «кабинет психиатра», а их расстройства обретают современные названия, судьба героев, мотивы их поступков и масштаб переживаний становятся понятнее для читателя — а значит, обретают больший эмоциональный отклик. (Поспешу заверить: эмоционально устойчивые «здоровые индивидуумы» среди героев рассматриваемых саг тоже встречаются, но они в меньшинстве. Для саги — и для многих других литературных текстов — интерес представляет не «средняя норма», а нечто из ряда вон выходящее).

О главном персонаже каждой из рассматриваемых саг сказано, кем бы он мог бы быть в современном мире. Например, Эгиль Скаллаgrimsson — гениальный поэт с буйным нравом — оказался бы заключённым тюрьмы или рок-звездой; могучий герой Греттир Асмундарсон — вероятно, пациентом психиатрической клиники; объявленный вне закона изгнанник Гисли Сурссон наверняка пришёлся бы ко двору в тех сферах современной жизни, где необходимо проявлять личную инициативу... Далеко не все эти персонажи, по мнению Оттара Гвюдмюндссона, смогли бы «вписаться» в современное общество; многих из тех, кто в «век саг» был витязем и хёвдингом, в наши дни ждала бы незавидная участь представителя социального дна. Но не исключено, что такие непростые личности и в этом случае стали бы героями выдающихся литературных произведений.

Книгу, подобную «Героям и помутнению рассудка», вряд ли можно назвать массовым изданием. Но в наших странах она обретёт восторженных читателей среди тех, кто знает и любит древнеисландскую (и шире — вообще средневековую) литературу, а также, вероятно, послужит источником вдохновения для желающих совместить литературоведческий анализ и психологию, научную серьёзность и увлекательность разговорного жанра — на материале других литературных произведений какой угодно эпохи.

О.А.Маркелова

Приводим ниже главу из книги Оттара Гвюдмюндссона «Герои и помрачения. Психические заболевания и расстройства личности в исландских родовых сагах», 2012

Перевод О.А.Маркеловой

«Сага о названных братьях»

Сага о побратимах Тормоде Берсасоне — Скальде Чернобровой и Торгейре Хаварссоне — одна из самых знаменитых родовых саг.

В этой саге рассказывается о приключениях и бесчинствах этих побратимов в юности на Западных фьордах. Но когда герои взрослеют, их пути расходятся. Торгейр уезжает в викингский поход, и повествование сосредоточивается на сердечных делах Тормода. Затем речь вновь заходит о Торгейре и его воинских подвигах, завершающихся гибелью этого героя. Тормод отправляется мстить за побратима, и существенная часть саги посвящена тому, как он разыскивал убийц Торгейра. «География» повествования широка, действие некоторых глав происходит в Гренландии. Завершается сага гибелью Тормода в битве при Стикластадире вместе с конунгом Олавом Толстым.

СТРАСТИ НА ЗАПАДНЫХ ФЬОРДАХ

ТОРГЕЙР ХАВАРССОН: Бесстрашный воин, в юности потерявший отца — Хавара Клепссона. Этот Хавар был всегдашним возмутителем спокойствия, и его нигде не привечали. Мать Торгейра, Торэльв Альвсдоттир, воспитывала сына на рассказах о витязях и конунгах. Он рано возмужал, был рослым, сильным и неутомимым. С юных лет он научился владеть оружием и отомстил за отца. Торгейру пришлось покинуть Исландию из-за того, что он убил человека, — и с тех пор он провёл всю жизнь в воинских походах. Он был лучшим другом и побратимом Тормода Скальда Чернобровой. Торгейр был убит к северу от Песцовой пустоши, и по сей день там можно видеть груду камней, которую связывают с его именем.

ТОРМОД БЕРСАСОН, СКАЛЬД ЧЕРНОБРОВОЙ: Этот герой родом из Дирдильмири в Исафьорде. Роста он был среднего, силой не отличался, волосы имел всклокоченные, заикался и был неисправимым женолюбом. Он недурно слагал стихи и использовал свой поэтический дар, чтоб добиваться благосклонности как женщин, так и правителей. Тормод долго разыскивал убийц своего побратима Торгейра, чтоб отомстить им за него.

ИНТЕРВЬЮ С ТОРМОДОМ БЕРСАСОНОМ СКАЛЬДОМ ЧЕРНОБРОВОЙ И С ТОРГЕЙРОМ ХАВАРССОНОМ

ПСИХОЛОГ: Что объединяет вас — друзей-товарищей?

ТОРМОД: У нас — побратимов — много общего, но много и различий. Нас обоих привлекают геройские подвиги и сказания о древних витязях и конунгах. А вот женщины интересуют нас в разной степени. Я увлекаюсь ими, а Торгейр как-то говорил, что не станет с ними водиться.

ТОРГЕЙР: Меня больше всего прельщают сражения и ратные подвиги.

ПСИХОЛОГ: Торгейр, когда ты начал убивать людей?

ТОРГЕЙР: Моего отца, Хавара, убили, когда я был ещё подростком, и я жестоко отомстил за него. Это было моё первое убийство.

ПСИХОЛОГ: Тормод, когда ты впервые имел дело с женщинами?

ТОРМОД: Я рано почувствовал, что женщин привлекает моя личность и моя поэзия. Способность слагать стихи легко открыла мне дорогу в спальни незамужних девушек. Одно время у меня было две возлюбленных: Тордис из Теснины и Торбьёрг Чернобровая из Арнардала. Они жили со своими одинокими матерями, которые обе были весьма сведущи в колдовстве. Грима — мать Тордис — предложила мне взять её дочь в жёны, опасаясь, что иначе я её обману. А я отказался: я не горел желанием обзавестись женой и осесть на хуторе в Исландии.

ТОРГЕЙР: Я никогда не мог взять в толк, отчего моего побратима так привлекают девушки. Мне всегда было интереснее сражаться или преодолевать трудности, чем разговаривать с женщинами. В обществе женщин никогда не мог связать двух слов и всегда чувствовал себя каким-то неполноценным, если они были рядом. Женщины надо мной потешались — так что мне было удобнее, если вместо меня говорило оружие.

ПСИХОЛОГ: Расскажи мне об убийствах, которые ты совершил.

ТОРГЕЙР: Однажды я убил мальчишку-пастушонка, но не потому, что он чем-то провинился, а просто потому, что он подвернулся под руку. Ещё одного человека я убил за то, что он притворился, будто не слышит, когда я к нему обратился. Правда, мне сказали, что он глухой, но я решил, что это не важно. Я никому не позволял выказывать ко мне неуважение! Всякий сброд упрекал меня за эти и другие убийства, а мне нравилось убивать людей. Единственным, кому я мог доверять, был Тормод. Порой мне бывало трудно смириться с тем, что женщины занимали в его сердце более важное место, чем я.

ПСИХОЛОГ: Тебе никогда не доводилось попадать в переплёт из-за женщин?

ТОРМОД: Приходилось; однажды я сочинил песнь, посвящённую Торбьёрг Чернобровой, — за что меня, собственно, и прозвали Скальдом Чернобровой. Через некоторое время я перепосвятил

эту песнь Тордис из Теснины, чтоб добиться её благосклонности и оживить нашу прежнюю любовь. Катла — мать Торбьёрг — жестоко наказала меня за это: наслала на меня ужасные головные боли и слепоту. Они не проходили до тех пор, пока я не признался, что изменил Торбьёрг. Мне самому это казалось невинной шуткой, но Торбьёрг с матерью приняли это очень близко к сердцу. Однажды отец сказал мне: «Да что у тебя за никчёмные возлюбленные!» — потому что вся эта суета вокруг женщин ему была противна.

Когда я отправился в Гренландию мстить за своего побратима Торгейра, я одно время останавливался на хуторе Крутой склон. Там мне повстречался раб Лодин и его спутница Сигрид. Её представили прислуживать мне в сарае, где я располагался на ночлег. Но вскоре я начал спать с Сигрид, и она задерживалась у меня допоздна. Рабу это очень не понравилось, и он попытался воспрепятствовать нашим встречам, и в итоге мне пришлось его убить.

После этого я срочно покинул те места и так и не узнал, что стало с Сигрид после того, как Лодин погиб, а я уехал. Я не был верен ни одной женщине. Но зато конунгу Олаву Харальдссону я выказывал большую преданность: ведь он был героем, за которого я готов был отдать жизнь. В битве при Стикластадире я был тяжело ранен и повстречал красивую женщину, которая стала врачевать мои раны в каком-то амбаре. В награду за лечение я отдал ей золотое кольцо, чтоб она показала его мне, если нам будет суждено ещё раз встретиться в жизни, — но суждено нам не было.

ДИАГНОЗЫ

Торгейр Хаварссон: Травматический невроз

Шизоидное расстройство личности

Антисоциальное расстройство личности

Параноидальное расстройство личности

Торгейр встречает весть о гибели отца спокойно, и автора саги явно пугает такое отсутствие эмоций. Но Торгейр просто окаменел от горя — вообще врачи часто наблюдают, что при получении ужасного известия человек не показывает никакой или почти никакой реакции. Постепенно Торгейр приходит в себя и мстит за отца — что знаменует его выход из депрессии.

Торгейр весьма схож с такими саговыми героями, как Скарпхедин Ньяльссон и Греттир Асмундссон. Все они антисоциально настроены, нелюдимы и агрессивны, и не идут проторенными путями. О том, как Торгейр воспитывался в родительском доме, известно мало, но по рассказам, его отец был неуживчивым и буйным и был изгнан с Акранеса из-за убийств. Его жене, Торэльв, в саге даётся более высокая оценка, так как она была хорошего рода. Торгейр рос при полном отсутствии чувства защищённости, что нередко бывает, если отец семейства — нелюбимый окружающими буян, которого самого в любой момент могут убить. Если сравнить с нашим временем, такое детство сопоставимо с детством в семье алкоголиков. Такие личности вырастают неуверенными, ранимыми, у них сильно развито отрицание. Им необходимо доказать миру, что они чего-то стоят, а им самим при этом кажется, что они проваливаются на каждом испытании.

Торгейр зависим от матери гораздо больше, чем от отца; у неё он обретает чувство защищённости. После гибели Хавара Торгейр жаждет отмщения и начинает без конца убивать. То, что он разделался с убийцами своего отца, ещё можно оправдать понятиями его эпохи о кровной мести, — но многие другие убийства, которые он совершает, беспричинны и бессмысленны.

У Торгейра много симптомов шизоидного расстройства. Он нелюдим, недоверчив, мало ищет общества других. Он живёт в мире, который выстроил себе из неправдоподобных ожиданий, собственных фантазий и старинных героических сказаний. Торгейр немногословен и не проявляет эмоциональных реакций, а чувства других его не затрагивают.

Этому воителю безразличны женщины или секс, и он упрекает Тормода за его любовные похождения. Это один из признаков шизоидного расстройства: такие люди зачастую не стремятся

к близким контактам с противоположным полом (или, если на то пошло, со своим собственным). Его высшим идеалом становится Тормод; иногда кажется, что Торгейр, сам того не подозревая, влюблён в своего побратима. Может быть даже, что он сам находился в блаженном неведении относительно собственной нетрадиционной ориентации. Очевидно, Торгейр так и умер девственником, но от отсутствия секса в своей бессодержательной жизни он вряд ли страдал: ведь чувств он боялся.

Как и многие подобные индивидуумы, он напрочь лишён чувства юмора. На мир он смотрит серьёзно и не видит в собственной жизни ничего забавного, так как он раним и обидчив и, как следствие, часто конфликтует с окружающими.

Человек, обладающий всеми этими сложными диагнозами и упрямым характером — всё равно что бомба с часовым механизмом, — и действительно, Торгейр везде вступает в конфликты со своим окружением, и его гибель становится их закономерным результатом.

Мне за время моей врачебной практики приходилось встречать многих людей, похожих на Торгейра Хаварссона. Обычно это неудачливые нерадостные одиночки, редко привязывающиеся к другим. Некоторые из них устраиваются работать ночными портье в гостиницах или охранниками, чтоб избавиться от необходимости настоящего серьёзного общения. Многие из них с головой погрузились в виртуальный мир, где одиночкам всегда рады.

ДИАГНОЗ

Тормод Скальд Чернобровой — фантазёр, живущий одним моментом и верящий лишь в собственные силы. Он рано открывает в себе свои способности: поэтический дар и привлекательность для женщин, — и с тех пор его жизнь так и крутится вокруг этих свойств. Тормод — беспардонный ловелас, щёголь и весельчак, но также обладатель острого ума и душа компании. Он умеет не упустить возможность и знает, что главное — всегда быстро принять решение.

Тормод выбрал общество Торгейра по той причине, что ему импонировали его безграничное обожание и преданность. Но его проклятие в том, что он постепенно теряет контроль над этой дружбой и становится жертвой увлёкшего его потока событий. «Сага о названных братьях» — трагическая история, в которой люди без оглядки бегут от самих себя. Тормод — один из этих талантливых людей, не могущих найти своё место в социуме и постоянно ищущих, чем бы заполнить жизнь. Он обретает своё призвание в мести за Торгейра — лишь тогда его жизнь обретает содержание и цель. В финале саги он наконец осознаёт, насколько бессмысленной была его борьба — и именно в этом состоит трагедия Тормода Скальда Чернобровой.

В сердечных делах Тормод непостоянен и всегда любит именно ту девушку, которая в данный момент ближе всего к нему. Его неверность женщинам тем более примечательна в свете его фанатичной преданности памяти Торгейра, много раз он даже готов не моргнув глазом рискнуть жизнью во имя возмездия. Его преданность норвежскому конунгу Олаву столь же велика, несмотря на то, что их знакомство недолго. Он желает пасть вместе со своим конунгом — и его желание сбывается.

Поставить этой интересной и талантливой личности диагноз непросто. У него, как и у всех, можно отыскать массу симптомов, вычитанную из книг по психологии. Где-то в его душе живёт моральная слепота, эгоцентризм и навязчивые идеи. И при всём том он — личность достаточно цельная, чтобы покинуть кабинет психолога без диагноза и без рецепта на лекарства.

Во время моей работы в наркологических клиниках на Вог и в Вивильсстадире я познакомился с людьми, похожими на Тормода Скальда Чернобровой. Обычно они были душой компании и дамскими угодниками, покорявшими своим личным обаянием как персонал, так и пациентов. Они умели держать нос по ветру и расставляли свои сети на женщин, которые были не прочь туда попасть. Вся жизнь этих людей была, как вехами, размечена отношениями с сожительницами, возлюбленными, бывшими жёнами, которые, как им казалось, их обхитрили. И все их беды были просто от невезения, а сами они никогда не несли ни за что ответственности. Но несмотря на многочисленные беды и невзгоды, они всегда были готовы снова и снова идти на новые приключения и не упускали шанса «подкатить» к женщинам, повстречавшимся им.

ПОЗНАНИЯ АВТОРА САГИ В МЕДИЦИНЕ И ПСИХОЛОГИИ

Неизвестно, кто записал «Сагу о названных братьях» (как, впрочем, и другие родовые саги), но она во многих отношениях стоит в саговой литературе особняком. Её автор хорошо ориентируется в медицинских познаниях своей эпохи и размышляет о различных понятиях из области кардиологии. Когда в саге рассказывается, как сильно Лодин скучает по Сигрид, автор говорит, что Лодину стало казаться, что она уже не так часто смыкает руки вокруг его шеи, — и он разозлился, «а злость у каждого человека заключена в желчи, а жизнь в сердце, память в мозгу, гордость в лёгких, смех в селезёнке, жажда удовольствий — в печени». Здесь перечисляются основные положения Гиппократовой медицины о распределении природных качеств по органам.

В саге говорится, что сердце Торгейра было маленьким и в нём было мало крови. Этим объясняется бесстрашие и бессовестность героя, так как кровь, приливающая к сердцу, якобы привносит туда страх. Автор описывает, как убийцы Торгейра вскрыли его тело и удивлялись маленькому размеру сердца. В те времена сердце считалосьместищем души и основных чувств. В том, что касается чувств, Торгейр был и впрямь бессердечен и не мог ни сопереживать другим, ни любить других. По мнению автора саги, объяснение его чёрствости, моральной слепоте и асексуальности таилось как раз в размере сердца.

Многое указывает на то, что у автора саги был большой опыт общения с женщинами, и их психология хорошо ему знакома. В повествовании то тут, то там есть фразы, показывающие его наблюдательность в том, что касается человеческого поведения и взаимоотношений между полами. Когда Тормод обидел Тордис, в саге сказано, что она «держалась с ним сухо и смотрела на Тормода исподлобья, как часто делают женщины, когда им не все нравится в мужчинах». [Цитируется по пер. А.В. Циммерлинга]. Посыл саги в отношении женщин положительный, — как-никак, речь идёт о большом дамском угоднике. В эпизоде, посвящённом гибели Торгейра, описано, как мужественно он защищался, и согласно этому рассказу, его убийцам было гораздо опаснее нападать на него, чем «гладить своих жён по животу». Имеется в виду, что убивать людей в бою — гораздо более доблестное занятие, чем наслаждаться женской лаской — мнение вполне в духе Торгейра Хаварссона.

ТОРГЕЙР И ТОРМОД В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

В наши дни судьба друзей была бы совсем другой. Торгейр быстро вступил бы в серьёзный конфликт с законами и правилами социума, а Тормод хорошо приспособился бы. Торгейр рано встал бы на путь правонарушений из-за склонности к насилию и моральной слепоты, сидел бы в тюрьмах, лежал в психбольницах, порой становился бы пациентом судебных психиатров. В этих учреждениях он оставался бы верен себе: всё такой же нелюдимый и бессовестный. Он ни с кем бы не подружился, и большинство страшилось бы этого угрюмого силача и его мыслей. Торгейр уже годам к тридцати сел бы на пособие по инвалидности из-за душевных недугов и проблем с опорно-двигательным аппаратом, но всегда подрабатывал бы нелегально: вышибалой или рэкетиром. Он так никогда бы не узнал о своей сексуальной ориентации и не уделял бы ей почти никакого внимания. Его шансы на долгую жизнь были бы малы по причине безответственного образа жизни.

Зато Тормод устроился бы в современном социуме неплохо, и за ним закрепилась бы слава весельчака-сердцеда, поэта и вообще талантливого человека. Тормоду были бы открыты все двери, и он наверняка стал бы радио- и или телеведущим, а потом — кинорежиссёром и писателем. Женщины были бы без ума от такой интересной личности, и для многих из них общение с ним закончилось бы скверно.

Возможно, в современном мире Тормода и Торгейра связывали бы узы дружбы, при которой каждый пытался бы извлечь пользу из общения с другим. Возможно, они познакомились бы в наркологической клинике или в подростковом возрасте на летней работе. После смерти Торгейра Тормод отомстил бы за него таким образом: написал бы о нём книгу, снял фильм или поставил оперу, в которых обвинял бы во всех его бедах и неудачах общество.

НАПОСЛЕДОК

«Сага о названных братьях» стала предметом исследования для многих учёных. Были споры о том, не является ли эта сага на самом деле пародией на героические идеалы, — или же она со всей серьёзностью отражает принятое в ту эпоху почитание героев. И всё же все согласны, что в саге присутствует отменное чувство юмора и что автор хорошо разбирается в душевных изъяс-
нах побратимов.

Торгейр и Тормод — интересные личности, поскольку они очень несхожи. Один — весельчак-ловелас, другой — обидчивый нелюдимый боец, везде конфликтующий со своим окружением. Но доблесть ставится в саге выше, чем любовь, и вывод таков, что бессмертные деяния совершаются только в битвах и сражениях, а не на перинах у девушек в глухих долинах.

Халльдоур Лакснесс взял «Сагу о названных братьях» в качестве образца, когда писал свой роман «Герпла» — хлёсткую насмешку над героическими идеалами родовых саг и их представлениями о чести. Дебаты, разгоревшиеся после выхода «Герплы» в свет, показывают, какое большое множество людей обсуждение саг задевает за живое. Халльдоур переписывает эту древнюю сагу и использует насмешку, иронию и реализм, чтобы по-новому осветить её событийный ряд. В финальной главе Тормод устал от своих скитаний и мытарств и начинает понимать, что в возмездии, которое так долго было целью всей его жизни, нет смысла. Конунг Олав просит скальда исполнить песнь, которую он сложил о нём, но тот поворачивается к конунгу спиной и отвечает, что давно позабыл эту песнь.

Такой финал совершенно не сочетается с образом преданного своему правителю придворного Тормода Берсасона из «Саги о названных братьях» — но он, очевидно, ближе к истине. Зато такой финал лучше сочетается с диагнозом психиатра: как всем известно, раненый насмерть Нарцисс, предчувствующий своё поражение, теряет интерес к тому, что ждёт или требует от него
внешний мир.

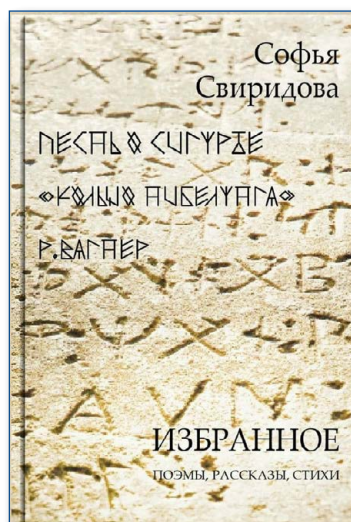
Древнескандинавские мотивы в творчестве С.А. Свиридовой — автора первого полного русского перевод «Старшей Эдды»

Елена ДОРОФЕЕВА

*Древнескандинавские мотивы
в творчестве С.А. Свиридовой —
автора первого полного русского
перевод «Старшей Эдды».*

В Издательстве им. Сабашниковых готовится к публикации книга избранных авторских произведений Софьи Александровны Свиридовой (1882 — не ранее 1928) — поэта, прозаика, переводчика, филолога и музыкального критика. Ее наследие включает в себя более десяти книг, несколько десятков переводов, статьи и рецензии, стихотворения и рассказы собственного сочинения. Главными трудами Свиридовой принято считать первый полный перевод «Старшей Эдды», удостоенный в 1911 году в рукописи большой премии Императорской академии наук (I том вышел в 1917 году, полное издание впервые опубликовано в 2024 году в Издательстве им. Сабашниковых), поэму «Песнь о Сигурде» (1912), получившую академическую Пушкинскую премию 1915 года, перевод либретто тетралогии Вагнера «Кольцо Нибелунга».

Важнейшим произведением Софьи Свиридовой является поэма **«Песнь о Сигурде»**, сочиненная автором вместо утраченного фрагмента «Старшей Эдды». Поэма имеет подзаголовок: «Вольный перепев древнего германского сказания о величайшем из героев, Сигурде, о заклятом кладе нифлунга и о роковом кольце андваранат». В предисловии к первому изданию Свиридова отмечала, что видела своей задачей объединение в одну поэму всего цикла разрозненных сказаний о Сигурде, сохранившихся в эддических песнях и сагах. Но при этом она не стремилась сохранить их в исходном виде: «Песнь о Сигурде» — самостоятельное произведение, в котором я поступаю с древними сказаниями так же,

как это зачастую делали древние рапсоды и пересказчики: соединяю в одно различные песни, по своему комбинирую их, замещаю пробелы дополнениями, заимствованными из других источников, выбираю те или другие из несовместимых вариантов сказания, иногда соединяю в одно две версии».

Свиридова местами очень близко следовала первоисточнику, приводя целые ряды строф практически без изменения. Так, разговор Сигурда с Фафниром, предсказания птиц, ряд бесед Сигурда с Регином, первые слова, которыми обмениваются Брингильда и Сигурд, предсмертное прорицание Брингильды, — все эти куски представляют собою очень точный, близкий к подстрочному, перевод соответствующих отрывков «Эдды». В других случаях, напротив, автору приходилось дополнять текст, восполняя пропуски и вводя в него то, что было отмечено отточиями как утерянное. При этом она старалась не допускать ничего, что не находилось бы в строгом соответствии с содержанием и духом «Эдды», а также достичь полного слияния вошедших в поэму отрывков.

С. Свиридова стремилась строго придерживаться формальных особенностей «Эдды». Прежде всего, это деление на строфы («всегда замкнутые, обособленные, так что предложение никогда не переходит из одной строфы в другую»), преобладание диалога над эпическим повествованием, а также использование древнегерманского аллитерационного стиха. При этом автор осознала трудность последней задачи — систематического применения аллитерации в русском стихе, а также и то, что далеко не везде ей удалось с этой задачей успешно справиться. Признавая несовершенство некоторых аллитерационных стихов собственного сочинения, Свиридова тем не менее уверена в том, что ее труды были оправданы, что эта яркая, глубоко своеобразная черта древнегерманского стихосложения необходима в произведении, которое стремится приблизиться к древнегерманским образцам. «Мне хотелось дать — впервые на русском языке — наряду с переводом подлинной Эдды, самостоятельное произведение, которое по возможности приближалось бы к Эдде не только по содержанию, по мирозерцанию, по настроению, но и по форме, по стиху, по ритму, по всей манере изложения», — отмечала Софья Свиридова в предисловии к поэме.

Интересно, что позднее, предположительно в конце 1920-х-в 1920-е годы к сюжету о Сигурде обратился Дж.Р.Р. Толкин, многие годы серьезно занимавшийся скандинавской мифологией, древнеисландским языком и литературой. Книга «Легенда о Сигурде и Гудрун» была выпущена посмертно, лишь в 2009 году, под редакцией и с комментариями сына Толкина — Кристофера (русский перевод 2011).

Помимо вышеназванной поэмы «Песнь о Сигурде», в новое издание войдет большой содержательный очерк **«Трилогия «Кольцо Нибелунга» Рихарда Вагнера»**, в котором автор рассматривает особенности музыкальной

драмы Вагнера и ее сценического исполнения, а также подробно и в доступной форме разбирает все ее части («Золото Рейна», «Валькирия», «Зигфрид», «Гибель богов»). Свиридова подчеркивала свою особенную внутреннюю связь с немецкой культурой: «Третье чувство племенной принадлежности — и самое сильное, ибо тут еще и связь с наиболее мне близкою культурой, поэзией, музыкой — это, конечно, — немецкое...» Помимо Вагнера, она занималась переводом песен Р. Шумана, И. Брамса, а также Э. Грига и написала ряд работ, посвященных их творчеству.

В готовящийся к печати сборник произведений С. Свиридовой войдут также рассказы и стихотворения автора, некоторые из которых напрямую связаны со скандинавскими темами и образами и имеют соответствующие подзаголовки (среди них «Колдун. Рассказ из древнескандинавской жизни», «Как возвратился старый орел. Рассказ из жизни древнескандинавского мира»). Уникальной составляющей данного издания станет подборка переводов Свиридовой баллад немецкого поэта и историка Феликса Дана, отредактированных Николаем Гумилевым и сохранившихся в архиве издательства «Academia». По неизвестным причинам они не были опубликованы и хранились все эти годы в РГАЛИ.

С. Свиридова. Избранное: Поэмы, рассказы, стихи. — М.: Из-во им. Сабашниковых, 2025. — 432с.

Составитель и автор вступительной статьи — Елена Дорофеева

Научный редактор, автор послесловия и комментариев — Ольга Маркелова

Предзаказ на сайте издательства:

Из современной исландской поэзии

Тоурарин Эльдъяуртн (род. 1949)

Перевод: Ольга Маркелова

Из книги «Послушаем тихонько»
Hlustum frekar lágt (2023)

Со стороны *Hliðsjón*

На Хлидскьяльве Один
сидел, одноглаз,
обозревал
с утёса
весь свет.

Одну только сторону дела
видел за раз,
а другую — нет.

Троянские кони *Trojuhestar*

Ах, троянские же кони,
вечно в дрёму разум вгонят!

Чуть во мгле смежит он веки —
тотчас греки
в конском пузе дверь откроют
и побоище устроят,
и пока не встал рассвет,
никому пощады нет.

Внутреннему человеку,
в рамки вжато от веку,
хочется узду сорвать
или просто ускакать.

Но не плачь, не голоси —
ты ведь сам их пригласил...

Концентраты *Þétting*

Целая зима живёт в ледышке.
Лето — в яголке, что ты во мху нашёл.
Целая история — в двустишье.
В кубике бульонном — целый вол.

Ольга МАРКЕЛОВА

Стихи, сочинённые в походе

Í HRAUNFIRÐI Á SNÆFELLSNESI

22 июня 2025

В долине

Сперва были лебеди,
 после — орёл.
 Дальше — кто-то огромный в гости забрёл.
 В облачном пологе две дыры:
 сквозь них глядели глаза горы.
 Мудр и наивен лазоревый глаз.
 Взор осиял долину (и нас),
 где высилась лава вдоль берегов,
 черна и кудрява — и в зелени мхов.
 И целые сутки свет солнца не гас...

— Вон там. Между гор!
 Он смотрит на нас!

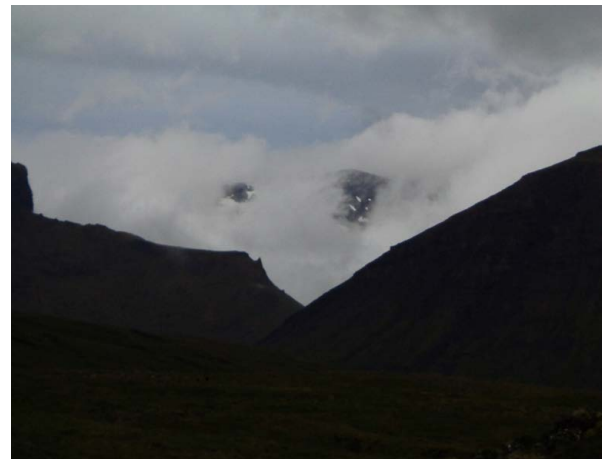
Солнцеворотное

(по мотивам импровизации по дороге)

По камням ручей убегает вдаль —
 долог его путь.
 Украшает солнце — жёлтая медаль —
 облачную грудь.
 И всплывают вновь в безграничный день
 горные края.
 Каждый синий склон — новая ступень
 в зданье бытия.

Беззакатный день над моей головой,
 розовые страны за морем.
 Серебристый конь да плащ ветровой —
 новые надежды в облачном узоре.
 Беззакатный день.

Горы и цветы, белые ключи,
 зелень и индиго.
 Будущее там, в облачной печи,
 зреет, как коврига.
 Пусть оно доспеет, пусть при этом станет
 сладостно для всех!
 Над сознанием реет птица, что заглянет
 и за тучи вверх!

Это стихотворение было вдохновлено живой картиной: в облаках между двух гор показались прорехи, похожие на глаза, словно в долину между горами и лавовым полем заглядывает гигантское существо (судя по выражению глаз, очевидно, детёныш).

Когда под утро облака разошлись, оказалось, что в том месте скрывалась ещё одна гора.

Беззакатный день над моей головой,
 золотистый плат над полями.
 Серебристый конь и плащ ветровой —
 едем мы на встречу
 с людьми и богами
 в беззакатный день.

Засыпая в походе

...И чувствую, как в безлюдной
 безночной светлыни
 дышит полной грудью
 земля — окаменевший океан.

Александр ЕРОХИН

Северная драма

Не увижу я Вальхаллы
И чертога милой Фрейи:
Осудили меня норны
Умереть в своей постели.

Век отмерили недолгий
И отвагой обделили.
Но, подав мне кубок мёда,
Мои строчки оживили.

Наказали жечь глаголом,
Упиваясь кровью Ньёрда,
И делиться тёплой пищей
С гостем каменного фьорда.

Не гожусь на подвиг ратный:
Мой удел — живое слово.
Но за висы добрый конунг
Мне подарит часть улова.

Бальдр и Локи ▲

Художник: Lotur Norn ©

Страничка художника:
https://vk.com/norna_severnaya

Магия осени ▲

Художник: Alessia H. Valastro ©

Страничка художника:
<https://www.artstation.com/alessiahv>